

ПИТЕР В. БРЕТТ

Если хотите найти более интересный фэнтезийный цикл,
чем «Война с демонами», у вас вряд ли получится.

Roqoo Depot

ДНЕВНАЯ БИТВА

ВОЙНА
С ДЕМОНАМИ
КНИГА 3

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

Силы расставлены.

Два Избавителя на двух полюсах. На одном — Ахман Джардир, вооруженный Копьем Каджи и охраняемый магическим Троном черепов. С ним его честолюбивая жена Инэвера и лукавый советник Аббан. На другом — Меченый, Арлен Тюк, вкусивший плоти демонов и приобретший их сверхъестественные способности. С ним его возлюбленная Ренна и верные друзья: травница Лиша Свиток и скрипач Рожер.

Оба Избавителя готовы дать бой демонам: близится полнолуние. Разгневанный убийством князя, на земную поверхность намерен пожаловать сам принц-консорт. Он хочет устроить ад, какого еще не видели люди.

Но это случится ночью.

Потом будет день, когда Избавители выйдут на дневную битву друг с другом.

Питер В. Бретт

Война с демонами. Книга 3. Дневная битва

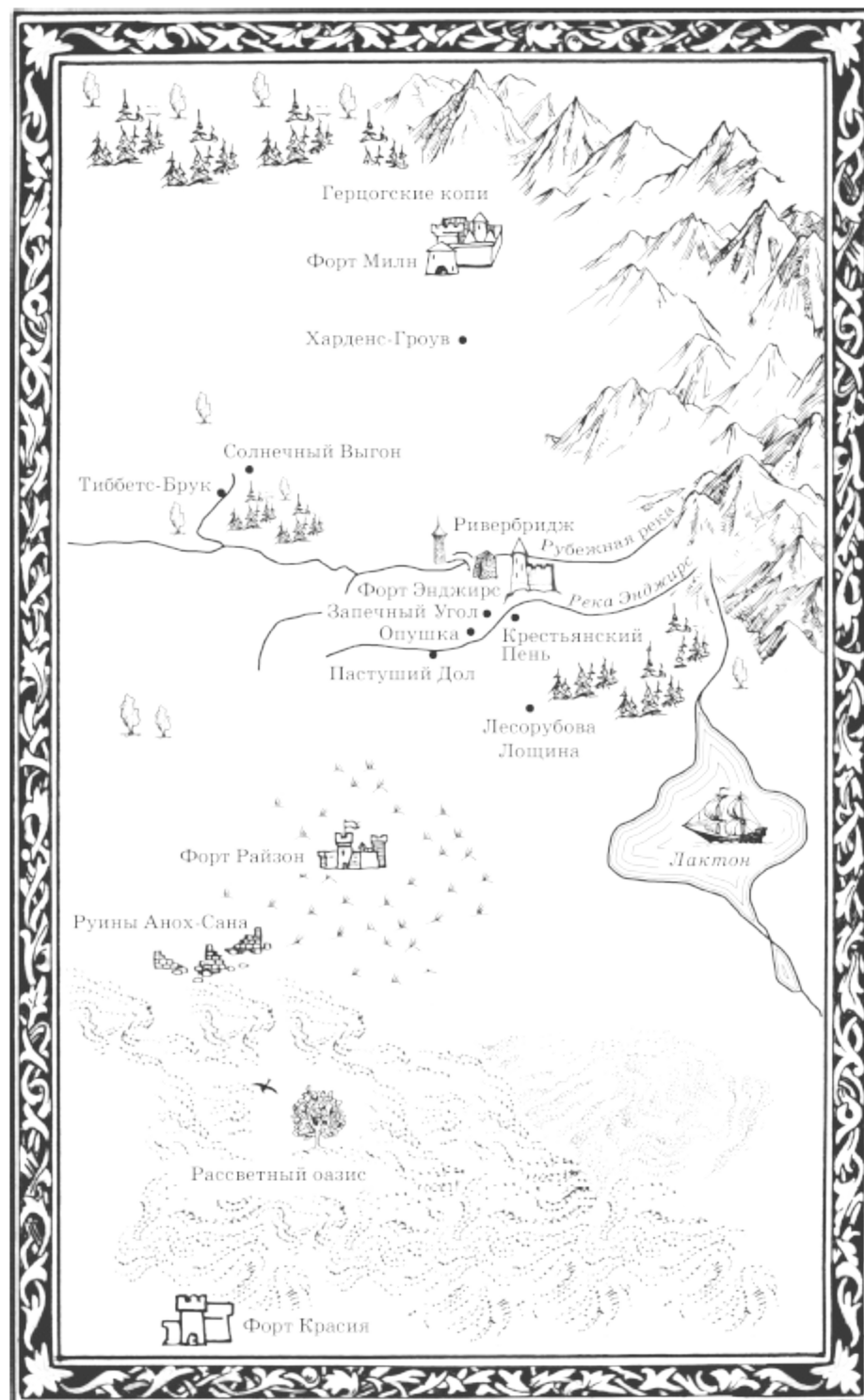
© А. Смирнов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моим родителям Джону и Долорес, которые исправно читают
бок о бок при свете ночника*

Благодарности

С годами сделавшись закоренелым параноиком, я боюсь чужих глаз, а потому я прикрывал локтем рукопись этой книги чаще, чем любую из прежних, и допускал до нее лишь горстку людей. Буду вечно благодарен за их мнения и творческую помощь. Огромное спасибо моему литагенту Джошуа, а также издателям Майку, Лорен и Дэни; моим помощникам Мег и Ребекке, литературному редактору Лоре; зарубежным издателям и переводчикам за их неутомимый труд в намерении познакомить мир с моими романами. Отдельная признательность всем читателям, особенно тем, кто нашел время на общение со мной. Ваши письма, комментарии, твиты, сетевые обзоры, выступления в фан-группах поддерживали меня и создавали дружественную среду по мере того, как я покорял гору Цикла о Демонах. Спасибо за то, что восходили вместе со мною.

Инэвера и ее брат Соли сидели на солнцепеке. Они удерживали босыми ногами основы корзин, ловко поворачивали их по мере того, как руки плели. В этот час маленькая беседка довольствовалась лишь тонкой полоской тени. Рядом трудилась над собственной корзиной их мать Манвах. Втроем они образовали круг, в его центре неуклонно уменьшалась груда тугих пальмовых листьев.

Инэвере было девять. Соли — почти вдвое больше, но он все еще слишком юн для полноценного одеяния даль'шарума, черная краска которого еще дышала свежестью. Он заслужил его всего неделю назад и сидел на коврике, дабы не запятнать одежду вечной пылью Великого базара. Верх был распущен, обнажая гладкую мускулистую грудь, блестящую от пота.

Он обмахнулся пальмовым листом:

— Эверамовы яйца, как же жарко в этой одежде! Жаль, что больше нельзя разгуливать в одном бидо.

— Садись в тень, шарум, если хочешь, — предложила Манвах. Соли цокнул языком и покачал головой:

— Ты этого ждала? Что я вернусь в черном и начну вами помыкать, как...

Манвах усмехнулась:

— Лишь хочу убедиться, что ты остался моим милым мальчиком.

— Но только для тебя и дорогой сестренки. — Соли потянулся и взъерошил волосы Инэверы.

Она шлепком отвела его руку, но сделала это с улыбкой. Она всегда улыбалась, когда дело касалось Соли.

— Для остальных я страшен, как песчаный демон.

— Да полно! — отмахнулась Манвах, но Инэвера задумалась.

Несколько лет назад она увидела, что брат сделал с двумя мальчишками-Маджахами, дразнившими ее на базаре, — тот, что оказался послабее, не пережил ночь.

Инэвера закончила корзину, положила ее в очередной штабель. И быстро сочла:

— Еще три шпуки, и заказ дама Бадена готов.

— Возможно, Кашив пригласит меня на Праздник Растущей Луны, когда заберет их, — мечтательно заявил Соли.

Кашив был кай'шарумом дама Бадена и аджин'палом Соли — приставленным к нему воином, что сражался рядом с ним в его первую ночь в Лабиринте. Считалось, что между двумя мужчинами не бывает более прочных уз.

— Если он это сделает, — проворчала Манвах, — то дама Баден поставит тебя несущим, разденет догола и умастит маслом, чтобы его старые распутные прихлебатели отпраздновали Луну Растущую и заполучили Луну Полную — в твоём виде.

Соли рассмеялся:

— Я слышал, бояться надо не стариков. Большинство из них просто глазеет. Опасны те, что помоложе, которые несут в поясах сосуды с маслом. — Он вздохнул. — Правда, Керраз прислуживал у дама Бадена на последнем копейном торжестве и сказал, что дама дал ему двести драки. Это стоит жжения в заднице.

— Отцу — ни слова, — предупредила Манвах.

Взгляд Соли метнулся к шторке, за которой почивал родитель.

— Рано или поздно он узнает, что его сын — пуш'тинг, — проговорил он. — Я не собираюсь жениться на какой-нибудь несчастной лишь для того, чтобы держать его в неведении.

— Почему бы и нет? — осведомилась Манвах. — Плела бы с нами, и так ли уж тяжело осеменить ее несколько раз и подарить мне внуков?

Соли состроил недовольную мину:

— Для этого есть Инэвера, придется тебе подождать. — Он посмотрел на сестру. — Завтра Ханну Паш, дорогая сестренка! Быть может, дама'тинг найдет тебе мужа.

— Не меняй тему! — Манвах огрела его пальмовым листом. — Тебя не пугает то, что творится в стенах Лабиринта, но ты боишься того, что находится у женщины между ног?

Соли скривился:

— По крайней мере, в Лабиринте я окружен сильными потными мужчинами! И как знать? Быть может, я приглянусь какому-нибудь дама из пуш'тингов. Такие могущественные, как Баден, переводят шарума-любимчика в личную стражу, а она выходит на бой только в Ущерб! Представь — всего три ночи в месяц в Лабиринте!

— И трех ночей много, — пробормотала Манвах.

Инэвера пришла в недоумение:

— Разве Лабиринт не священное место? Не почетное?

Манвах что-то буркнула и вернулась к плетению. Соли долго глядел на сестру отрешенным взглядом. Его непринужденная улыбка растаяла.

— Смерть в Лабиринте — священная смерть, — наконец сказал брат. — Мужчина, который там гибнет, не минует Небес, но мне пока не хочется свидеться с Эверамом.

— Прости, — уронила Инэвера.

Соли встряхнулся, и улыбка мигом вернулась.

— Лучше не забивай голову такими вещами, сестренка. Лабиринт не твоё бремя.

— Сын мой, — возразила Манвах, — в Красии каждая женщина несет это бремя, и не важно, воюем мы вместе с вами или нет.

Из-за шторки послышались стон и шорох. Мгновение спустя появился Касаад, отец Инэверы. Даже не взглянув на Манвах, он толкнул ее сапогом и занял тенистое место сам. Швырнул на землю пару подушек, разместился на них, опрокинул крохотную чашку кузи и сразу же, щурясь на солнце, налил вторую. Его взгляд, как обычно, прошел сквозь Инэверу, словно дочери не существовало, и остановился на ее брате.

— Соли! Поставь корзину! Теперь ты шарум и не должен трудиться руками, как хаффит!

— Отец, у нас срочный заказ. Кашив...

— Тьфу! — Касаад пренебрежительно махнул рукой. — Мне дела нет до желаний этого намащенного и надушенного пуш'тинга! Поставь корзину и встань, пока никто не увидел, как ты марашь новые черные одежды. Довольно и того, что нам приходится день-деньской торчать на грязном базаре.

— Ему, похоже, невдомек, откуда берутся деньги, — проворчал Соли, но тихо, чтобы отец не услышал.

— Или еда на столе. — Манвах закатила глаза и вздохнула. — Лучше сделай, как он велит.

— Если теперь я шарум, то и делать могу, что хочу. Кто он такой, чтобы запрещать мне плести пальмовые листья, если это меня успокаивает? — Соли говорил, а руки его двигались все проворнее, пальцы мелькали, сплетая листья.

Он был близок к завершению и собирался закончить дело. Соли умел плести почти так же быстро, как Манвах.

— Он твой отец, — возразила Манвах, — и если ты ему не подчинишься, пожалеем мы все.

Она сладким голосом обратилась к Касааду:

— Муж мой, вам с Соли нужно оставаться лишь до поры, когда дама возгласит сумерки.

Касаад с кислой миной опрокинул очередную чашечку.

— Чем я настолько оскорбил Эверам, что я, великий Касаад асу Касаад ам'Дамадж ам'Каджи, отправивший в бездну несметное число алагай, унижен до охраны кучи корзин? — Он с отвращением обвел рукой штабеля. — Я должен собираться на алагай'шарак во славу ночи!

— То есть пьянствовать с другими шарумами, — пробормотал Инэвере Соли. — Отряды, собравшиеся первыми, отправляются в центр Лабиринта, где бой свиреп. Тот, кто дольше всех тянет, кто сильнее хмелеет от кузи, у того меньше шансов встретиться с алагай.

Кузи. Инэвера ненавидела это зелье из сброженного зерна, приправленного корицей. Его продавали в крохотных глиняных бутылочках, а пили из чашечек еще меньших. Инэвере хватало запаха опустевшей бутылочки, чтобы зацепало в носу и закружилась голова. И в нем не было ни намека на корицу. Говорили, что вкус проявляется лишь после трех доз, но как это можно проверить после трех чашек кузи? Известно, что оно вызывает склонность раздуть из мухи слона, а заодно и бред величия.

— Соли! — окрысился Касаад. — Оставь работу женщинам и ступай пить со мной! Отметим смерть четырех алагай, которых ты уложил прошлой ночью!

— Можно подумать, я в одиночку сделал дело всего отряда, — буркнул Соли.

Его пальцы задвигались еще быстрее.

— Отец, я не пью кузи! — крикнул он. — Эведжах запрещает.

Касаад грубо хохотнул и прикончил новую чашку.

— Манвах! Сготовь тогда своему сыну-шарику чайку! — Он снова наклонил бутылочку над чашкой, однако на сей раз вылилось лишь несколько капель. — И принеси мне еще кузи!

— Ниспошли мне терпение, Эверам, — пробормотала Манвах и крикнула: — Это была последняя бутылка, муж мой!

— Так поди купи еще! — огрызнулся Касаад.

Инэвера услышала, как заскрипела зубами мать.

— Муж мой, половина палаток на рынке уже закрыта, а мы должны доплести корзины до прихода Кашива!

Касаад с отвращением отмахнулся:

— Какая беда, если никчемный пуш'тинг подождет?

Соли резко втянул воздух, и Инэвера увидела на его кисти кровавый росчерк — порез, оставленный острым краем пальмового листа. Брат стиснул зубы и продолжил плести.

— Прости меня, почтенный муж, но дама-то Баден ждать не станет, — проговорила Манвах, не бросая работы. — Если Кашив явится, а заказ окажется не готов, он пойдет в переулочек и снова купит корзины у Кришн. Без этого заказа у нас не будет денег на уплату военной подати — не говоря уже о кузи.

— Что?! — взревел Касаад. — Куда же ты подевала все мои деньги? Я приношу в дом по сотне драки в неделю!

— Половина которой возвращается к дама в виде военной подати, — напомнила Манвах, — а еще двадцать ты исправно кладешь себе в карман. Остальные деньги уходят на твои кузи и кускус, и их никак не хватает, особенно когда ты каждый Шаббат приводишь в дом полдюжины шарумов, которые сгорают от жажды. Кузи обходится дорого, муж мой. Хаффитам, что им торгуют, дама рубят пальцы, и в цену заложен риск.

Касаад сплюнул:

— Хаффит продал бы и солнце, кабы сумел достать его с неба. Давай же, бегом — купи немного, чтобы скрасить мне ожидание этого полумужчины.

Соли закончил корзину, поднялся и водрузил ее на вершину своего штабеля.

— Я схожу, мама. У Чабина найдется, и он никогда не закрывается до объявления сумерек.

Манвах напряглась, но не отвела глаз от работы. Она тоже принялась плести быстрее, руки так и мелькали.

— Мне не нравится, что ты уходишь, когда у нас выставлены напоказ плоды месячного труда.

— Нас никто не ограбит, пока отец здесь, — сказал Соли и вздохнул, глядя, как Касаад пытается высосать из бутылочки последнюю каплю. — Я обернусь так скоро, что ты даже не заметишь моего отсутствия.

— Не спи, Инэвера, — прикрикнула Манвах, когда Соли выбежал вон.

А Инэвера осознала, что перестала плести, наблюдая за развитием событий. Она поспешно возобновила работу.

Инэвера не посмела бы взглянуть на отца прямо, но невольно поглядывала на него краешком глаза. Отец изучал Манвах, пока та вертела корзину в босых ногах. Ее черное платье было подоткнуто, виднелись голые лодыжки и икры.

Касаад почесал мошонку:

— Иди-ка сюда, жена, я собираюсь...

— Я. Же. Работаю! — Манвах выдернула из кучи пальмовую ветвь и с треском отломала листья.

Касаад как будто искренне удивился:

— Почему ты отказываешь мужу, который и часа не пройдет, как отправится в ночь?

— Потому что я неделями надрывала спину над этими корзинами! — возмутилась Манвах. — Потому что час поздний и переулочек затихает. И потому что у нас выставлен целый склад готовых корзин, который некому охранять, кроме возбужденного пьяницы!

Касаад издал лающий смешок:

— От кого охранять-то?

— В самом деле — от кого? — раздался новый голос, и все, оглянувшись, увидели Кришу, которая обогнула стойку и уже входила в беседку.

Криша была крупная женщина. Не тучная — в Копье Пустыни мало кто мог позволить себе телесную роскошь, — но дочь воина: плотно сбитая, с тяжелой поступью и мозолистыми руками. Как все даль'тинг, она с головы до пят закутывалась в такое же черное одеяние, что и Манвах. Она тоже занималась пальмовым плетением, будучи главной соперницей Манвах в племени Каджи — менее искусной, но более честолюбивой.

За нею вошли еще четыре женщины в черных одеждах даль'тинг. Две — ее сестры-жены, их лица прятались за черными покрывалами. Другие две — незамужние дочери с открытыми лицами. Наружность их скорее отпугивала женихов. Все женщины были крупные, они рассредоточились по беседке, как шакалы, травящие зайца.

— Ты заработалась, — заметила Криша. — Почти все шатры уже закрепили пологи.

Манвах пожалала плечами, не отрывая глаз от своего ремесла.

— До комендантского часа еще час остался.

— А Кашив, насколько я знаю, всегда приходит на исходе дня в канун Растущей Луны у дама Бадена?

Манвах не взглянула на нее:

— Мои заказчики тебя не касаются, Криша.

— Касаются, когда ты уводишь их от меня с помощью своего сынка-пуш'тинга, — возразила Криша голосом тихим и грозным.

Ее дочери придвинулись к Инэвере и оттеснили ее от матери. Сестры-жены углубились в беседку, приближаясь к Касааду.

Манвах оценила происходящее.

— Я ничего не украла. Кашив пришел ко мне и сказал, что твои корзины разваливаются, едва их наполнишь. Прогораешь, так вини своих мастеров, а не меня.

Криша кивнула и взяла корзину, которую Инэвера только что добавила к остальным.

— Вы с дочерью мастерицы, — отметила она и провела пальцем по плетеному узору.

Затем швырнула корзину и с силой топнула по ней обутой в сандалию ножищей.

— Совсем ошалела, баба?! — взревел потрясенный Касаад, не веря глазам.

Он вскочил на ноги — вернее, попытался, его шатало. Огляделся в поисках копья и щита, но оружие осталось за шторкой.

Пока он собирался с мыслями, сестры-жены Криши дружно двинулись в наступление. Из просторных рукавов к ним в ладони выпали короткие ротанговые дубинки, обернутые в черную ткань. Одна женщина схватила Касаада за плечи и развернула к другой, придерживая, чтобы он сполна заработал в брюхо. Касаад хрюкнул от боли, дух вылетел из него, а женщина продолжила начатое размашистым ударом в пах. Всхрюк Касаада превратился в истошный вопль.

Инэвера с криком вскочила, но дочери Криши грубо схватили ее. Приподнялась и Манвах, но Криша сбила ее мощным ударом в лицо.

Криша взглянула на валяющуюся корзину. Та выдержала натиск и вернула исходную форму. Инэвера улыбалась, пока женщина, взгромоздившись сверху, пыталась раздавить корзину. С третьей попытки у нее получилось.

В стороне сестры-жены Криши избивали Касаада.

— Визжит, как баба! — расхохоталась одна и еще раз заехала ему между ног.

— А дерется даже хуже! — подхватила другая.

Они отпустили его, и Касаад рухнул на пол, хватая ртом воздух. Его лицо исказилось в гримасе боли и унижения. Женщины оставили его в покое и принялись разбивать корзины ротанговыми дубинками.

Инэвера попробовала вырваться, но молодые женщины лишь усилили хватку.

— Не дергайся, иначе пальцы переломаем и больше не сможешь плести!

Инэвера затихла, но прищурилась и чуть сместилась, готовясь со всей мочи топнуть по подъему вражьей ступни. Она глянула на Манвах, но мать помотала головой.

Касаад выхаркнул кровь и оперся на локти.

— Шлюхи! Пусть только дама узнает, и тогда...

Криша гоготом оборвала его речь:

— Дама?! Неужели ты, Касаад, сын Касаада, пойдешь и расскажешь, как опился кузи и был избит женщинами? Да ты и своему аджин'палу не вякнешь, когда он тебе нынче засадит!

Касаад сделал усилие, чтобы встать, но женщина пнула его в живот, и он опрокинулся навзничь. Больше не шелохнулся.

— Ха! — воскликнула та. — Он обмочился, как малое дитя!

Все расхохотались.

— А это мысль! — Криша подошла к груде корзин и задрала подол. — Зачем потеть, ломая поганые корзины, когда можно их осквернить?

Она присела на корточки и выдала фонтан, поводя тазом, чтобы задеть как можно больше добра. Остальные покатались со смеху, заголяясь с той же целью.

— Бедная Манвах! — издевательски произнесла Криша. — Два самца в семье — и ни одного мужчины! Твой муж хуже хаффита, а сына-пуш'тинга здесь вообще нет, он слишком занят отсосом.

— Не совсем так.

Инэвера повернулась вовремя, чтобы увидеть, как могучая кисть Соли сомкнулась на запястье державшей ее молодки. Женщина взвыла от боли, когда Соли дернул с жестокой подкруткой, а после выполнил новый бросок, и ее сестра растянулась на полу.

— Заткнись, — приказал он кричащей женщине, оттесняя ее. — Еще раз тронешь мою сестру — и я не вывихну тебе кисть, а отрежу.

— Посмотрим, пуш'тинг, — ухмыльнулась Криша.

Ее сестры-жены оправили одеяния и двинулись на Соли с дубинками наготове. Криша дернула рукой, и в ладонь легло ее собственное оружие.

Инэвера задохнулась от страха, но безоружный Соли шагнул к ним без всякой боязни. Первая женщина нанесла удар, но Соли оказался быстрее, увернулся и поймал ее за руку. Послышался хруст, и она с воплем упала, оставив дубинку у Соли. К нему подступила вторая, и он сперва отбил ее выпад, а после с силой ударил в лицо. Его движения были плавными и отточенными и напоминали танец. Инэвера видела, как он отрабатывал шарусак, когда на Ущерб возвращался домой из Ханну Паш. Женщина грохнулась оземь и отвела покрывало, чтобы сплунуть огромный сгусток крови.

Когда же приблизилась Криша, Соли бросил свое оружие и голой рукой перехватил ее дубинку, зафиксировал намертво. Другую сгреб ворот, развернул Кришу и перегнул через грудку корзин. Для верности стукнув ее по затылку, он взялся за подол балахона и задрал его

до пояса.

— Пожалуйста! — проскулила Криша. — Делай со мной что хочешь, но пощади девственность дочерей!

— Тыфу! — с отвращением сплюнул Соли. — Я скорее отымею верблюда, чем тебя!

— О, ну давай же, пуш'тинг!.. — подначила она, заегозив бедрами. — Представь, что я мужчина, и засади в дупло.

Соли взял ее ротанговую дубинку и принялся лупить Криту. Его голос был звучен и перекрывал шлепки дерева по голому телу и страдальческие завывания.

— Мужчине не нужно быть пуш'тингом, чтобы не совать свой жезл в навозную кучу! А что касается твоих дочерей, я не сделаю ничего, что помешает им выйти за убогого хаффита и наконец прикрыть свои безобразные рожи!

Он убрал руку с ее шеи, но лупить не прекратил и резкими ударами выгнал ее и остальных женщин из беседки. Все пятеро заковыляли по улочке, дочери Криши поддерживали ее сестер-жен.

Манвах встала и отряхнулась. Не взглянув на Касаада, подошла к Инэвере:

— Ты цела?

Инэвера кивнула.

— Проверь корзины, — велела Манвах. — У них было мало времени. Посмотри — может, удастся спасти...

— Поздно, — вмешался Соли, кивнув в сторону.

К беседке приближались три шарума в безрукавных черных балахонах; нагрудные пластины черной стали выкованы так, чтобы подчеркнуть безупречные грудные мышцы. На мощные бицепсы повязаны черные шелковые ленты, кожаные наручи сверкали заклепками. К спинам приторочены золотые щиты; короткие копья шарумы несли небрежно и двигались с неспешной волчьей грацией.

Манвах схватила небольшой кувшин с водой и окатила Касаада, тот застонал и кое-как приподнялся.

— Живо внутрь! — прошипела Манвах и отвесила ему хорошего пинка, чтобы пошевеливался.

Касаад заворчал, но заполз в палаточную часть беседки и скрылся из виду.

— Как я выгляжу? — Соли отряхнул и оправил одежду, распахнул ворот пошире.

Нелепый вопрос. Инэвера в жизни не видела никого, кто хоть бы наполовину сравнился по красоте с ее братом.

— Прекрасно, — шепнула она.

— Соли, мой милый аджин'пал! — окликнул его Кашив.

Двадцатипятилетний кай'шарум был, без сомнения, самым красивым из троицы: коротко стриженная бородка умощена благовонным маслом, на коже — безупречный шоколадный загар. Нагрудная пластина украшена лучистым солнцем, эмблемой дама Бадена — безусловно, из чистого золота, — а в центре тюрбана красовался большой самоцвет — бирюза.

— Я надеялся застать тебя здесь, когда мы придем забрать вечерний... — Кашив подошел достаточно близко, чтобы увидеть разгром, — заказ. О небо! Здесь что, пронеслось стадо верблюдов? — Он принялся. — Мочась на бегу?

Он прикрыл нос ночным покрывалом белого шелка, до сей поры свободно распущенным на шее. Его спутники поступили так же.

— У нас случилась... неприятность, — объяснил Соли. — Моя вина, я ненадолго отлучился.

— Чудовищный позор. — Кашив подступил к Соли, не обращая ни малейшего внимания на Инэверу. Провел пальцем по его мускулистой груди, там, куда чуть брызнула кровь. Задумчиво растер влагу между пальцами. — Однако похоже, что ты поспел вовремя и разобрался.

— Да, это стадо верблюдов вряд ли вернется, — согласился Соли.

— Хотя они свое дело сделали, — печально подытожил Кашив. — Придется снова покупать корзины у Кришн.

— Пожалуйста, — произнес Соли, тронув его за руку, — нам нужен этот заказ. Погибла не вся партия. Можно продать тебе хоть половину?

Кашив скосил глаза на руку Соли, улыбнулся и пренебрежительно махнул на разбросанные корзины:

— Ха! Если напрудили в одну, то осквернили все. Я не оскорблю моего господина товаром с таким душком. Окати их из ведра и продай хаффиту.

Он придвинулся ближе и вновь положил ладонь на грудь Соли.

— Но если тебе нужны деньги, можешь заработать их, неся корзины на завтрашнем торжестве, а не торгуя ими. — Его пальцы скользнули под распушенный ворот Соли, лаская плечо. — Вернешься домой с выручкой втрое большей... если пронесешь хорошо.

— Корзины — мое ремесло, Кашив, — улыбнулся Соли. — Лучше меня не носит никто.

Кашив рассмеялся:

— Мы придем завтра утром и заберем тебя на праздник.

— Ищи меня на тренировочной площадке, — ответил Соли.

Кашив кивнул и со своим сопровождением неторопливо направился к беседке Криши.

Манвах положила руку на плечо Соли:

— Прости, сынок, что тебе приходится это делать.

Соли пожал плечами:

— Сегодня ты петушок, завтра — курочка. От одного мне тошно: Криша выиграла.

Манвах отвела покрывало и сплюнула:

— Криша не выиграла ничего. У нее нет корзин на продажу.

— Откуда ты знаешь? — спросил Соли.

Манвах издала смешок:

— Неделю назад я запустила ей в склад вредителей.

Соли помог навести порядок и, как только дама с минаретов Шарик Хора пропели сумерки, отвел семью в маленькое глинобитное строение, где находились жилые помещения. Они спасли большую часть корзин, но несколько нуждалось в починке. Манвах принесла на закорках здоровый пук пальмовых веток.

— Мне нужно спешить, скоро построение, — сказал Соли.

Инэвера и Манвах обняли его и расцеловали, после чего он повернулся и побежал в темнеющий город.

Они же подняли меченую крышку люка и на ночь спустились в Подземный город.

В каждом красийском доме имелся хотя бы один заглубленный этаж с выходом в коридоры, которые вели в собственно Подземный город — огромный улей из туннелей и пещер, раскинувшийся на мили. Именно там еженощно укрывались женщины, дети и хаффиты, в то время как мужчины сражались на алагай'шарак. Огромные блоки тесаного

камня преграждали демонам прямой путь из бездны Най. Этим камни были покрыты могущественными резными метками, которые не пропускали тех, кто поднимался окольными путями, загоняли их в западню.

Подземный город был неприступным убежищем — не только укрытием для горожан, но городом как таковым на тот немыслимый случай, если Копье Пустыни падет и очутится во власти алагай. Здесь имелись спальные помещения для каждой семьи, школы, дворцы, молитвенные дома и многое другое.

Инэвера с матерью владели только подвальчиком со спальными тюфяками, стылой конурой для приема пищи и крохотным отхожим местом с глубокой ямой.

Манвах зажгла лампу, и они сели ужинать. Еда была холодной. Когда блюда опустели, Манвах взялась за пальмовые ветки. Инэвера подсела помочь.

Манвах покачала головой:

— Иди спать. Завтра у тебя важный день. Не хочу, чтобы ты предстала перед дама'тинг с красными глазами и квелой.

Инэвера взглянула на длинную очередь девочек и матерей, выстроившуюся к шатру дама'тинг. Невесты Эверам постановили, что на девятом году жизни все девочки должны, как только дама пропоят зарю в день весеннего равноденствия, пройти Ханну Паш, дабы узнать предначертанный Эверамом жизненный путь. Для мальчиков Ханну Паш растягивался на годы, но для девочек завершался с единичным предсказанием дама'тинг.

В большинстве они попросту признавались чадородными и получали свой первый платок, но некоторые покидали шатер обрученными или призванными к новому служению. Других — в основном бедных и неграмотных — выкупали у отцов и обучали постельным танцам, после чего направляли в великий гарем обслуживать воинов Красии в качестве дживах'шарумов. Их почетным долгом было вынашивать новых воинов взамен тех, что еженощно гибли в сражении с демонами на алагай'шарак.

Проснувшись, возбужденная Инэвера облачилась в бурое платье и расчесала гриву черных волос. Они ниспадали волнами и блестели, как шелк, но выставлялись напоказ последний день. Она войдет в шатер дама'тинг девочкой, но выйдет молодой женщиной, чьи волосы предназначены только для мужчины взора. С нее снимут бурое платье, заменят его на подходящие черные одежды.

— Может быть, меня заберет в гарем Дамаджи, — сказала Инэвера. — И я заживу во дворце, а выкуп дадут такой щедрый, что тебе не придется ткать.

— И больше не выйдешь на волю под ясное солнце, — подхватила ее мать Манвах тихо, чтобы не слышали окружающие. — Поговорить будет не с кем, кроме жен-сестер, и будешь ты ублажать старца, который годится тебе в прадеды. — Она покачала головой. — По крайней мере, наша пошлина уплачена и за тебя выступят двое мужчин, а потому ты вряд ли угодишь в великий гарем. Но даже такая участь лучше, чем оказаться бесплодной най'тинг и быть отвергнутой.

Най'тинг! Инэвера содрогнулась. Бесплодным запрещено носить черное, и они на всю жизнь остаются в бурых одеждах, как хаффиты, с позорно неприкрытыми лицами.

— Возможно, меня сделают дама'тинг, — предположила Инэвера.

— Этому не бывать, — фыркнула Манвах. — Никого не делают.

— Бабушка говорит, что в год ее испытания одну девочку выбрали.

— Это случилось полвека тому назад, если и было на самом деле, — ответила Манвах, — а достопочтенная мать твоего отца, да хранит ее Эверам, любит... приукрасить

действительность.

— Откуда же тогда берутся най'дама'тинг? — подивилась Инэвера, имея в виду учениц дама'тинг, чьи лица оставались открыты, но белые одежды указывали на обручение с Эверамом.

— Говорят, сам Эверам зачинает своим невестам детей и най'дама'тинг — их дочери, — просветила ее Манвах.

Инэвера вскинула брови: не иначе мать шутит.

Манвах пожалала плечами:

— Объяснение не хуже других. Уверяю тебя: ни одна мать на базаре не знает случая такого избрания и ни в одной най'дама'тинг еще никто не признал свою родню.

— Мама! Сестра!..

Инэвера расплылась в улыбке при виде Соли, которого сопровождал Кашив. Черное одеяние брата еще хранило пыль Лабиринта, а щит, повешенный на плечо, покрыли новые вмятины. Кашив был, как обычно, подтянут и свеж.

Инэвера бросилась обнимать Соли. Он рассмеялся, подхватил ее одной рукой и закружил. Инэвера восторженно взвизгнула, ни капли не испугавшись. Брат опустил ее легко, как перышко, и обнялся с матерью.

— Что ты здесь делаешь? — нахмурилась Манвах. — Я думала, ты на пути во дворец дама Бадена.

— Так оно и есть, — ответил Соли, — но я не мог отправить сестренку на Ханну Паш, не пожелав ей всех мыслимых в Ала благ.

Он потянулся и взъерошил волосы Инэверы. Она шлепнула его по руке, но брат, как всегда, оказался проворен и вовремя отдернул кисть.

— А как ты думаешь, отец придет меня благословить? — спросила Инэвера.

— Мм, — замялся Соли, — насколько я знаю, отец еще спит в беседке. Ночью он глаз не сомкнул.

Соли беспомощно пожал плечами, и Инэвера потупила взор, не желая выдать огорчение.

Брат нагнулся и ласково приподнял ей голову, заглянул в глаза:

— Поверь, отец желает тебе блага не меньше, чем я, пусть даже не всегда это показывает.

— Я знаю, — кивнула Инэвера и на прощание обняла Соли за шею. — Спасибо тебе.

Кашив взглянул на Инэверу, будто впервые заметил. Затем нацепил свою очаровательную улыбку и поклонился:

— Всех благ тебе, Инэвера вах'Касаад, в становлении женщиной. Желаю тебе хорошего мужа и много сыновей — таких же ладных, как твой брат.

Инэвера улыбнулась и зарделась. Воины неспешно пошли прочь.

Наконец очередь сдвинулась с места. Инэвера томила на солнцепеке, девочек с матерями впускали по одной зараз, и день тянулся медленно. Одни проводили внутри считанные минуты, другие — чуть ли не час. Все выходили в черном, обычно с видом вразумленным и облегчением в глазах. Иные, увлекаемые матерями домой, напряженно смотрели в пустоту и отрешенно оглаживали руки.

Перед входом в шатер мать Инэверы так сильно впила пальцами в плечи дочери, что ногти едва не проткнули материю.

— Не поднимай глаз и держи язык за зубами, когда с тобой заговорят, — прошипела Манвах. — Не отвечай, когда не спрашивают, и не перечь. Повтори за мной: «Да, дама'тинг».

— Да, дама'тинг, — покорно произнесла Инэвера.

— Запомни этот ответ накрепко, — наказала Манвах. — Оскорбляя дама'тинг, ты оскорбляешь саму судьбу.

— Да, мама. — Инэвера с трудом сглотнула, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Что творится в шатре? Разве мать не подвергалась тому же обряду? Чего она так боится?

Най'дама'тинг отвела полог шатра, выпуская девочку, что недавно стояла впереди Инэверы. Теперь на ней был головной платок, но бурого цвета, как платье, которое осталось прежним. Мать гладила ее по плечам и бормотала слова утешения, но обе побрели прочь в слезах.

Най'дама'тинг проводила их невозмутимым взглядом и повернулась к Инэвере с матерью:

— Меня зовут Мелан. — Она жестом пригласила их внутрь. — Вами займется дама'тинг Кева.

Инэвера сделала глубокий вдох, они с матерью разулись, начертили в воздухе метки и шагнули в шатер дама'тинг. Сквозь полотняный свод пробивалось солнце, заливало просторное помещение ярким светом. Все было белым, от стен до крашеной мебели и толстого напольного холста.

Тем явственнее и страшнее выделялась кровь. Пол за порогом был в огромных красных и бурых пятнах; за перегородки слева и справа густо тянулись багровые следы.

— Это кровь шарумов, — произнес чей-то голос, и Инэвера подпрыгнула, впервые заметив, что перед ними стоит невеста Эверема в белых одеждах, которые почти сливались с фоном. — На рассвете доставили раненых с алагай'шарак. Напольный холст ежедневно выкраивают и сжигают на минаретах Шарик Хора во время призыва к молитве.

И тут же, как по сигналу, вокруг Инэверы послышались крики боли. За толстыми перегородками умирали мужи. Она вздрагивала при каждом вопле и стоне, представляя отца или, того хуже, Соли.

— Забери меня, Эверам! — отчаянно голосил кто-то. — Я не буду жить калекой!

— Ступай аккуратно, — предупредила дама'тинг Кева. — Подошвы твоих ног недостойны касаться крови, которую пролили за тебя достославные воины.

Инэвера и Манвах осторожно пошли вперед, огибая кровавые пятна. Кева, закутанная до пят в белый шелк так, что обнаженными остались лишь кисти и глаза, была крупной, крепкой женщиной на голову выше матери Инэверы.

— Как тебя зовут, девочка? — Голос невесты Эверема звучал гулко и строго.

— Инэвера вах'Касаад ам'Дамадж ам'Каджи, дама'тинг, — ответила Инэвера и отвесила низкий поклон. — Наречена в честь первой жены Каджи.

Ногти Манвах впились в плечо, едва прозвучало это уточнение, и Инэвера задохнулась. Но дама'тинг, казалось, не придавала ему значения.

— Поэтому ты, несомненно, считаешь себя особенной, — отрезала Кева. — Если в Красии будет по воину на каждую никчемную девку, носившую это имя, то Шарак Ка завершится.

— Да, дама'тинг, — сказала Инэвера и вновь склонилась, а материнские ногти чуть отпустили ее.

— Ты миловидна, — заметила дама'тинг.

Очередной поклон.

— Спасибо, дама'тинг.

— Хорошенькая всегда пригодится в гареме, если еще не приспособили к полезному делу, — проговорила Кева, глядя на Манвах. — Кто твой муж и какой у тебя род занятий?

— Даль'шарум Касаад, дама'тинг, — с поклоном ответила Манвах. — Я занимаюсь пальмовым ткачеством.

— Первая жена?

— Единственная, дама'тинг.

— Мужчины склонны заводить жен по мере преуспевания, но правильно и обратное, — сказала Кева. — Пыталась ли ты, Манвах из племени Каджи, прирасти, как предписано в Эведжахе, сестрами-женами, которые помогут тебе ткать и принесут мужу больше детей?

— Да, дама'тинг. Много раз. — Манвах стиснула зубы. — Их отцы... не одобрили партию.

Невеста Эверама хмыкнула. Ответ многое сообщил о Касааде.

— Девочка грамотна?

— Да, дама'тинг, — кивнула Манвах. — Инэвера у меня в подмастерьях. Она отличная ткачиха, и я научила ее решать задачи и вести счета. Она по разу прочла Эведжах перед семью столпами Небес.

Взгляд дама'тинг был непроницаем.

— Ступайте за мной.

Она отвернулась и направилась в глубину шатра, не обращая внимания на кровь под ногами. Ее ниспадающие шелковые одежды плыли легко, их не марала ни единая капля. Не смела.

Най'дама'тинг Мелан последовала за ней, ловко огибая кровавые пятна, а Инэвера с матерью замкнули шествие. Шатер представлял собой лабиринт белых матерчатых стен с многочисленными поворотами, которые возникали прежде, чем Инэвера успевала заметить. Пол был уже чист, крики раненых шарумов сделались глуше. За очередным поворотом белое — стены и потолок — вдруг стало черным, как будто день сменился ночью. За следующим — воцарилась такая тьма, что мать Инэверы в черных одеждах даль'тинг едва было видно и даже одетые в белое дама'тинг с помощницей превратились в призрачные силуэты. Кева резко остановилась, и Мелан, обойдя ее, отвела полог, который Инэвера сперва не разглядела. За ним удалось различить лишь каменную лестницу, что спускалась в непроглядный мрак. Камень холодил босые ноги, Мелан задернула полог, и тьма стала полной. Они медленно спускались, и Инэвера обмирала, боясь оступиться и увлечь за собой невесту Эверама.

Лестница оказалась милосердно короткой, хотя Инэвера и правда споткнулась, когда неожиданно достигла низа. Она быстро восстановила равновесие, и никто, похоже, не заметил ее неловкости.

В руке Кевы вспыхнул красный огонь, распространив зловещее свечение, которое позволило видеть друг друга, но не спасло от общего гнетущего мрака. Дама'тинг привела их к череде темных келий, вырубленных в материнской скальной породе. На стенах с обеих сторон были вырезаны метки.

— Жди с Мелан здесь, — бросила Кева Манвах и пригласила Инэверу в келью.

Инэвера поморщилась, когда за ними затворилась тяжелая дверь.

В углу виднелась каменная подставка, и дама'тинг положила на нее светящийся предмет. Он напоминал кусок угля, изрезанный горящими метками, но даже Инэвера поняла: это алагай хора.

Кости демона.

Кева повернулась к Инэвере, в ее руке сверкнул кривой клинок. При красном свете казалось, что он в крови.

Инэвера вскрикнула и попятилась, но сразу налетела на стену крохотной кельи. Дама'тинг поднесла лезвие к носу Инэверы, и та свела глаза, рассматривая.

— Боишься клинка? — спросила дама'тинг.

— Да, дама'тинг, — ответила Инэвера надтреснутым голосом.

— Закрой глаза, — приказала Кева.

Инэверу трясло от страха, но она подчинилась, и сердце ее гулко колотилось в ожидании стали, которая вот-вот пронзит плоть.

Но удар не последовал.

— Представь себе пальму, дочь ткачихи, — велела Кева.

Инэвера не поняла, зачем это нужно, но кивнула. Образ дался легко, благо она ежедневно вскарабкивалась на пальмы, ловко цепляясь за ствол, и собирала ветки для плетения.

— Пальма боится ветра? — спросила дама'тинг.

— Нет, дама'тинг.

— Что она делает?

— Гнется, дама'тинг.

— Эведжах учит нас, что страх и боль суть просто ветер, Инэвера, дочь Манвах. Пусть он веет, не задевая тебя.

— Да, дама'тинг.

— Повтори трижды.

— Страх и боль суть просто ветер, — произнесла Инэвера и глубоко вздохнула. — Страх и боль суть просто ветер. Страх и боль суть просто ветер.

— Открой глаза и встань на колени, — приказала Кева.

Когда Инэвера повиновалась, она добавила:

— Протяни ладонь.

Инэвере почудилось, что рука отделилась от нее, стала чужой, но не дрогнула. Невеста Эверама подняла ткань и надрезала предплечье, оставив яркую кровавую линию.

Инэвера сделала глубокий вдох, но не отпрянула и не вскрикнула. *Страх и боль суть просто ветер.*

Дама'тинг чуть подняла покрывало и лизнула нож, пробуя кровь Инэверы. Затем вложила его в поясные ножны и сильной рукой сдавила разрез, изливая кровь на горсть черных меченых костей.

Инэвера стиснула зубы. *Страх и боль суть просто ветер.*

Кости, когда на них пала кровь, засветились, и Инэвера поняла, что это тоже алагай хора. Ее кровь соприкасалась с костями демонов. При мысли об этом она содрогнулась.

Дама'тинг шагнула назад, негромко напевая и встряхивая кости, свечение которых усиливалось с каждой секундой.

— Эверам, податель света и жизни, молю тебя послать сей смиренной слуге знание о том, что грядет. Скажи мне об Инэвере, дочери Касаада из рода Дамаджа клана Каджи.

С этими словами она метнула кости на пол перед Инэверой. Свечение взорвалось вспышкой, и Инэвера моргнула, а свет уменьшился до тусклого, из пульсирующих символов сложились лиственные ветви, из которых сплелась ее судьба.

Дама'тинг ничего не сказала. Она прищурилась и надолго приковалась взглядом к рисунку. Инэвера не могла судить точно, сколько прошло времени, но ее шатнуло — подвели мышцы, не привычные к длительному стоянию на коленях.

Кева заметила движение:

— Сядь на пятки и не шевелись!

Она закружила по келье, рассматривая костный узор под всеми углами. Свечение медленно угасало, но дама'тинг все размышляла.

Пальма на ветру или не пальма, но Инэвера изрядно разнервничалась. Напряженные мышцы сильно ломило, и тревога удваивалась с каждой секундой. Что увидела невеста Эверам? Ее отберут у матери и продадут в гарем? Она бесплодна?

Наконец Кева взглянула на Инэверу:

— Тронешь кости — заплатишь жизнью.

Она вышла. Донесли приглушенные распоряжения. Послышался топот ног — Мелан куда-то побежала.

Мигом позже в келью вошла Манвах. Осторожно обогнула кости и опустилась на колени за Инэверой.

— Что стряслось? — шепнула она.

— Не знаю, — покачала головой Инэвера. — Дама'тинг рассматривала кости так, будто не понимала смысла.

— Или ей не понравилось, что они сказали, — пробормотала Манвах.

— Что там происходит? — спросила Инэвера, холодея.

— Они зовут дамаджи'тинг Кеневах, — ответила Манвах, породив в Инэвере трепет. — Последнее слово будет за ней. Теперь молись.

Дрожа, Инэвера опустила голову. Ее уже достаточно напугала дама'тинг. Мысль о том, что для оценки явится их главная...

«Пожалуйста, Эверам, — взмолилась она, — позволь мне быть плодоносной и выносить сынов Каджи. Если я буду най'тинг, моя семья не переживет позора. Даруй мне только это, и я навеки отдамся тебе».

Коленопреклоненные, они долго молились при тусклом красном свете.

— Мама? — позвала Инэвера.

— Что? — ответила мать.

Инэвера сглотнула:

— Если я бесплодна, ты все равно будешь меня любить?

На последних словах ее голос сломался. Она не хотела плакать, но почувствовала, что смаргивает слезы.

В следующий миг Манвах обняла ее:

— Ты моя дочь. Я буду любить тебя, даже если ты погасишь солнце.

После нескончаемого ожидания вернулась Кева, сопровождаемая другой невестой Эверам — старшей, худой, с острым взглядом. На ней были белые одежды дама'тинг, но покрывало и платок — из черного шелка. Дамаджи'тинг Кеневах — самая могущественная женщина Красии.

Дамаджи'тинг взглянула на обнявшихся мать и дочь, и те поспешно разделились, утерли глаза и снова опустились на колени. Ничего не сказав, она направилась к костям и долго изучала расклад.

Наконец Кеневах буркнула:

— Забирай ее.

Инэвера задохнулась, когда Кева подскочила к ней, схватила за руку и вздернула на ноги. Она ошалело посмотрела на мать и увидела страх в округленных глазах:

— Мама!

Манвах повалилась ничком, вцепилась в подол белого балахона Кевы, когда дама'тинг оттащила Инэверу.

— Пожалуйста, дама'тинг! — возопила она. — Моя дочь...

— Твоя дочь больше не имеет к тебе отношения, — оборвала ее Кеневах, а Кева брыкнула ногой, высвобождая подол из хватки Манвах. — Отныне она принадлежит Эвераму.

— Тут какая-то ошибка, — беспомощно сказала Инэвера, когда Кева повела ее по дороге, крепко держа за локоть.

Казалось, ее гнали не во дворец, а на порку С ними шли дамаджи'тинг Кеневах и послушница Мелан, най'дама'тинг.

— Кости не ошибаются, — возразила Кеневах. — А ты должна ликовать. Ты, дочь корзинщицы и заурядного шарума, будешь обручена с Эверамом. Разве не видишь, какая честь выпала на долю твоей семьи?

— Тогда почему мне не позволили проститься с родными? Даже с матерью? — Манвах наказывала ни в коем случае не отвечать вопросом на вопрос, но Инэвере было все равно.

— Лучше отсечь их разом, — посоветовала Кеневах. — Теперь они ниже тебя и несущественны. Тебе не позволят видаться с ними во время обучения, а к моменту, когда будешь готова пройти испытание для белых одежд, ты и сама не захочешь.

У Инэверы не нашлось ответа на столь дикое утверждение. Не захотеть увидеть мать? Брата? Это немыслимо. Она затоскует даже по отцу, хотя Касаад, по всей вероятности, вообще не заметит ее отсутствия.

Вскоре показался дворец Каджи дама'тинг. Будучи ровней даже дворцам виднейших Дамаджи, он был окружен двенадцатифутовой меченой стеной, надежно защищавшей как от дневных врагов, так и от алагай. За нею Инэвера не раз видела высокие шпили и огромный дворцовый купол, но никогда не бывала внутри. В большие ворота не входил никто, кроме дама'тинг и их учениц-послушниц. На эти священные земли не смел ступить ни один мужчина, включая самого андраха.

По крайней мере, так Инэвере говорили, но, когда ворота — казалось, распахнувшиеся сами собой — захлопнулись за ними, она углядела двух мускулистых мужчин, которые толкали створки. На них были только белые бидо и сандалии, а волосы и тела блестели от масла. У обоих на лодыжках и запястьях сверкали золотые оковы, но Инэвера не заметила цепей.

— Я думала, во дворец не пускают мужчин, блюдя непорочность дама'тинг, — пробормотала Инэвера.

Невесты Эверамы отрывисто расхохотались, как от хорошей шутки. Прыснула даже Мелан.

— Ты наполовину права, — ответила Кеневах. — У евнухов нет ядер, а потому они не мужчины в глазах Эверамы.

— Значит, они... пуш'тинги? — уточнила Инэвера.

Кеневах гоготнула:

— Ядер нет, но копыа достаточно хороши для мужского ремесла.

Инэвера болезненно улыбнулась, когда они взошли по широким мраморным ступеням, отполированным до девственной белизны. Она съежилась, стараясь казаться как можно меньше и неприметнее, а очередные рабы в золотых кандалах, еще более красивые и крепкие, распахнули огромные двери. Рабы поклонились, и Кева мазнула одного пальцем под подбородком:

— День выдался трудный, Хавель. Придешь в мои покои через час, принесешь горячие камни и благовонные масла, чтобы снять напряжение.

Рабы молча отвесили глубокие поклоны.

— Им запрещено говорить? — спросила Инэвера.

— Они не могут, — ответила Кеневах. — Языки им отрезали вместе с ядрами, и евнухи неграмотны. А потому никому не расскажут о чудесах дворца дама'тинг.

И в самом деле, дворец изобиловал роскошью и богатством, превосходившими всякое воображение Инэверы. Все, начиная с колонн и высокого свода и заканчивая полами, стенами и лестницами, было вытесано из безупречного белого мрамора, отполированного до яркого блеска. Толстые ковры ручной работы, поразительно мягкие под ее босыми стопами, выстилали коридоры, наполняя их красками. На стенах висели гобелены — шедевры, на которых оживали притчи Эведжаха. На мраморных подставках красовались великолепные керамические сосуды, покрытые глазурью, а также всевозможные хрустальные, золотые и серебряные вещицы — от изящных статуэток и филигранных изделий до увесистых потиров и чаш. На базаре такие вещи угодили бы под зоркую охрану; на выручку от продажи любой из них семья кормилась бы десяток лет — но кто во всей Красии осмелится украсть у дама'тинг?

В коридорах встречались другие невесты; они проходили мимо — кто в одиночестве, кто щебечущими стайками. На всех были одинаковые одежды из текучего белого шелка, покрывала и капюшоны — даже вне мужского взора. Поравнявшись с Кеневах, все останавливались и глубоко кланялись, а Инэверу, как ни пытались это скрыть, неизменно награждали любопытными и не особо дружескими, оценивающими взглядами.

Некоторые невесты носили под сердцем дитя. Это стало подлинным потрясением, особенно если учесть, что единственные допущенные к ним мужчины были оскотлены, но Инэвера надела маску торгаша и скрыла удивление. Не стоило испытывать терпения Кеневах подобным вопросом, и, коль скоро ей предстоит здесь жить, ответ не замедлит явиться сам.

Во дворце было семь крыльев — по числу Небесных столпов, и центральное указывало на Анох-Сан, место последнего упокоения Каджи. Это было личное крыло дамаджи'тинг, и Инэверу препроводили в блистательную приемную первой невесты. Кеве и Мелан приказали ждать снаружи.

— Сядь, — указала дамаджи'тинг на обитые бархатом диваны, расставленные перед полированным деревянным столом.

Инэвера робко присела, чувствуя себя мелкой и ничтожной в огромном кабинете. Кеневах устроилась за столом, свела пальцы домиком и уставилась на нее. Инэвера обмякла под строгим взглядом.

— Кева говорит, ты знаешь о твоей тезке, — мрачно произнесла Кеневах, и Инэвера не поняла, насмешка это или нет. — Расскажи, что тебе известно о ней.

— Инэвера — дочь Дамаджа, ближайшего друга и советника Каджи. В Эведжахе сказано: она была так прекрасна, что Каджи влюбился в нее с первого взгляда и заявил, что

волею Эверамы она будет первой среди его жен.

Кеневах засопела:

— Дамаджах была больше этого, девочка. Намного больше. Возлеги на подушки с Каджи, она нашептала ему на ухо мудрые вещи и вознесла на неописуемые высоты могущества. Сказано, что она говорила голосом Эверамы, вот почему ее имя означает также волю Эверамы.

— Кроме того, Инэвера была первой дама'тинг, — продолжила Кеневах. — Она вручила нам и лекарство, и яд, и магию хора. Она соткала для Каджи невидимый Плащ и вытравила метки на его могущественных Копье и Короне.

Кеневах взглянула на Инэверу:

— И она придет вновь в канун Шарак Ка, дабы найти следующего Избавителя.

Инэвера ахнула, но Кеневах посмотрела снисходительно:

— Я сотню раз слышала эти ахи от твоих тезок, но ни одна не создала Избавителя. Сколько таких в одном клане Дамаджа? Двадцать?

Инэвера кивнула, и Кеневах хрюкнула. Она извлекла из ящика стола тяжелую книгу с потертым кожаным корешком. От былой позолоты остались только проплешины.

— Эведжах'тинг, — сказала Кеневах. — Ты прочтешь ее.

Инэвера поклонилась:

— Конечно, дамаджи'тинг, хотя я уже много раз прочла Священное Писание.

Кеневах покачала головой:

— Ты читала Эведжах, версию Каджи, а она много лет как изменена, чтобы служить целям дама. Но Эведжах — только половина истории. Ему сопутствует Эведжах'тинг — книга, написанная самой Дамаджах, в которой заключена ее мудрость и представлен отчет о возвышении Каджи. Ты выучишь каждую страницу.

Инэвера взяла книгу. Страницы оказались невероятно тонкими и легкими, но Эведжах'тинг был таким же толстым томом, как Эведжах, к чтению которого приучила ее Манвах. Девочка прижала книгу к груди, словно защищая от воров.

Дамаджи'тинг вручила ей плотный мешочек из черного бархата. Внутри тренькнуло.

— Твой мешочек с хора, — пояснила Кеневах.

Инэвера побледнела:

— Там кости демонов?

Кеневах мотнула головой:

— Пройдут месяцы, прежде чем ты обретишь навык хотя бы дотрагиваться до настоящих хора, и годы — до того, как тебя допустят в Палату Теней и ты вырежешь собственные кости.

Инэвера распустила тесемки и вытряхнула на ладонь содержимое мешочка — семь глиняных костей, у каждой — свое число граней. Все выкрашены в черный цвет, как кости демонов, и на каждой грани виднелись красные символы.

— Кости способны открыть все тайны мира, если научишься читать их правильно, — сказала Кеневах. — Это напоминание о твоей высокой цели и образец для обучения. Их толкованию посвящена большая часть Эведжах'тинг.

Инэвера ссыпала кости в мешочек, накрепко затянула его и положила поглубже в карман.

— Тебя возненавидят, — предупредила Кеневах.

— Кто, дамаджи'тинг?

— Все. И нареченные, и невесты. Здесь нет женщины, которая обрадуется тебе.

— Почему? — удивилась Инэвера.

— Потому что твоя мать не дама'тинг. Ты не была рождена для белизны, — объяснила Кеневах. — В последний раз кости призвали девушку извне два поколения тому назад. Тебе придется трудиться вдвое усерднее других, если хочешь заслужить покрывало. Твоих сестер тренируют с рождения.

Инэвера переварила новости. За стенами дворца доподлинно знали о благочестии дама'тинг. Похоже, что все и каждый, кроме самих дама'тинг.

— Тебя возненавидят, — продолжила Кеневах, — но и будут бояться. Ты воспользуешься этим, если достанет мудрости.

— Бояться? — переспросила Инэвера. — Во имя Эверамы — почему меня нужно бояться?

— Потому что последняя девушка, призванная костями, сидит перед тобою в должности дамаджи'тинг, — ответила Кеневах. — Так было всегда со времен Каджи. Кости показывают, что ты можешь наследовать мне.

— Я стану дамаджи'тинг? — Инэвера не верила ушам.

— *Может быть*, — подчеркнула Кеневах. — Если проживешь достаточно долго. Другие будут следить за тобой и судить. Кто-то из сестер по учению будет заискивать перед тобой, а кто-то попытается подчинить. Ты должна быть сильнее.

— Я... — начала Инэвера.

— Но ты не должна выглядеть слишком сильной, — перебила ее Кеневах, — иначе дама'тинг спокойно убьют тебя до того, как примешь покрывало, и предоставят костям выбрать другую.

У Инэверы кровь застыла в жилах.

— Для тебя изменится все, девочка, — сказала Кеневах, — но, я полагаю, в конечном счете ты обнаружишь, что дворец дама'тинг не так уж отличается от Великого базара.

Инэвера склонила голову набок, не понимая, шутит ли с ней эта женщина, но Кеневах проигнорировала ее и позвонила в золотой колокольчик. В приемную вошли Кева и Мелан.

— Отведите ее в Каземат.

Кева снова взяла Инэверу за локоть и то ли подняла, то ли стащила с дивана.

— Мелан, ты будешь наставлять ее в обычаях обрученных, — объявила Кеневах. — Двенадцать следующих Ущербов ее промахи будут твоими.

Мелан скривилась, но отвесила глубокий поклон:

— Да, бабушка.

Каземат располагался вне семи крыльев дворца, в подземелье.

Дворец дама'тинг, как всякое крупное здание в Копье Пустыни, уходил вниз на столько же этажей, на сколько возносился. В подземелье оказалось холоднее — и в смысле температуры, и с точки зрения общей роскоши. Здесь не было ни намека на краски, золочение и полировку, отличавшие дворец. Удаленный от солнца Подземный город — не место для показного шика. От него не ждали большого уюта.

Но в подземном дворце было все-таки больше великолепия, чем в глинобитном строении на несколько комнат, которое Инэвера и ее родные называли домом. Высоченные потолки, огромные колонны и арочные проходы придавали величия голому камню, а вырезанные на них метки казались произведениями искусства. Даже вдали от солнца здесь сохранялось приятное тепло, и каменные полы были устланы мягкими коврами с вышитыми

по краям метками. Если алагай каким-то образом проникнут в это священнейшее из мест, то невестам Эверама ничто не грозит.

Мимо то и дело проходили дама'тинг, патрулировавшие коридоры. Они кивали Кеве и шли дальше, но Инэвера чувствовала на себе сверлящие взгляды.

Они спустились по лестнице еще на несколько уровней. Воздух стал теплее и влажнее. Ковры исчезли, а мраморный пол разделился на скользкие от конденсата плитки. Портал охраняла дородная дама'тинг, которая откровенно уставилась на Инэверу, как кошка на мышь. Инэвера содрогнулась, когда они вошли в просторное помещение с десятками колышков на стенах. На большинстве висели балахоны вкупе с длинной лентой белого шелка. Впереди Инэвера различила смех и плеск воды.

— Снимай платье и бросай на пол, его сожгут, — скомандовала Кева.

Инэвера быстро сбросила бурое платье и бидо — широкую полосу материи, защищавшую ее естество от вездесущей базарной пыли и песка. Манвах носила черную и научила Инэверу быстро завязывать ее надежным узлом.

Мелан разделась, и Инэвера увидела, что под балахоном и шелковыми шароварами у нее тоже бидо, но гораздо более замысловатое, многократно выплетенное из шелковой ленты в дюйм шириной. На голову был тоже намотан шелк, скрывавший волосы, уши и шею. Лицо оставалось открытым.

Мелан развязала узелок, что находился ниже подбородка, и размотала головной убор. Ее руки действовали быстро, с выученной сноровкой расплетали хитроумное, на взгляд Инэверы, сооружение из ткани. Она постоянно поводила кистями, аккуратно и плотно наматывая на них шелк.

Инэвера была поражена, когда выяснилось, что голова девушки обрита нагло. Гладкая оливковая кожа блестела, как полированный камень.

В конечном счете от головного убора осталась тугая шелковая коса, спускавшаяся по хребту Мелан. Девичьи руки продолжили свой танец за головой, расплетали десятки перехватов, пока не остались две отдельные ленты, тянувшиеся к бидо. Но пальцы послушницы продолжали трудиться.

«Это все один лоскут», — поняла Инэвера, благоговейно следя, как Мелан медленно распускает бидо. Ощущение танца лишь укрепилось, когда Мелан принялась перешагивать через расплетаемые ленты, выбивая босыми пятками устойчивый ритм. Шелк охватывал ее бедра и промежность десятки раз и теперь падал волнами, виток за витком, укладывался петлями.

Инэвера изготовила достаточно корзин, чтобы оценить умение плести, и сейчас лицезрела совершенство. Такой мудреный наряд можно носить весь день, и ни один элемент не разболтается, а человек неискушенный наверняка запрет дело и никогда не распутает связанное.

— Плетеное бидо подобно паутине плоти, которая охраняет девственность, — пояснила Кева, швырнув Инэвере огромный моток тонкого белого шелка. — Ты будешь носить его постоянно, снимая только для омовений и по нужде; сплестать будешь здесь, в нижней палате Каземата. Ты не выйдешь отсюда без него ни при каких обстоятельствах, а если сплестешь неправильно, тебя накажут. Мелан научит, как это делать. Дочь корзищицы управится без особых трудов.

Мелан фыркнула, а Инэвера с трудом сглотнула и постаралась не глазеть на голый девичий череп. Мелан была старше на несколько лет и очень хорошенькой без головного

убора. Она простерла руки — на каждую было намотано не меньше десяти футов шелка. Инэвера сделала то же самое, и обе перешагнули через свои ленты, провисшие между руками, так что шелковые полосы расположились поперек ягодиц.

— Первый оборот называется «Страж Эверамы», — сообщила Мелан, туго натягивая шелк и перекрещивая его над лоном. — Семь перекрестов — по числу Небесных столпов.

Инэвера повторила ее действия и умудрилась какое-то время продержаться, пока не вмешалась Кева.

— Шелк перекрутился, начинай заново, — велела дама'тинг.

Инэвера кивнула, обе девушки расплели связанное и начали снова. Инэвера свела брови, изо всех сил стараясь обматываться без изъяна. Кеневах сказала, что бремя ее ошибок ляжет на Мелан, и ей не хотелось, чтобы девушку наказали за ее криворукость. Инэвере удалось дойти до головного плата, когда дама'тинг сделала очередной выговор.

— Не так туго, — сказала Кева. — Ты же завязываешь бидо, а не бинтуешь расколотый череп шарума. Еще раз.

Мелан раздраженно посмотрела на Инэверу, и та вспыхнула, но им пришлось снова все распустить и начать с нуля.

На третий раз Инэвера поймала ритм и вошла в струю. Процесс стал естественным, и вскоре они с Мелан стояли в одинаковых шелковых бидо.

Кева ударила в ладоши:

— Возможно, девочка, из тебя все же выйдет толк. Мелан училась сплетать бидо не один месяц, а она из самых смышленных. Правду я говорю, Мелан?

— Как будет угодно дама'тинг. — Мелан скованно поклонилась, и у Инэверы возникло чувство, что Кева язвит.

— В купальню, — скомандовала Кева. — День кончается, и скоро откроются кухни.

При упоминании еды у Инэверы заурчало в желудке. Она уже много часов не ела.

— Скоро покушаешь, — улыбнулась Кева. — После того, как вы с девочками подадите ужин и отскребете посуду.

Издав смешок, она указала в сторону, откуда доносился плеск и валил пар. Мелан быстро расплела бидо и устремилась туда. Инэвера провозилась дольше — старалась не запутать шелк; затем пошла следом, шлепая босыми пятками по плитке.

Проход закончился большим бассейном с горячей водой. Воздух загустел от пара. Там находились десятки девушек — все наголо обритые, как Мелан. Попадались ровесницы Инэверы, но многие были старше, а некоторые уже почти достигли зрелости. Все они либо стояли и мылись в каменной купальне, либо разморенно сидели на скользких боковых ступенях, сбывая волосы и подрезая ногти.

Инэвера подумала о ведре теплой воды, которым они с матерью обходились для мытья. Их норма позволяла только изредка менять воду. Дивясь, она пошла по купальне; горячая вода ласкала бедра, а кончики пальцев легко бороздили поверхность, будто оглаживали выставленный на рынок шелк.

Их сразу же заметили. Лентяйки сели прямо, уподобившись шипящим змеям, и все глаза в затуманенном помещении приковались к двум девушкам.

Инэвера повернула назад, но путь к отступлению оказался закрыт. Кольцо девушек смыкалось плотнее, исключая бегство и не давая увидеть обеих снаружи.

— Это она? — спросила одна.

— Та самая, которую призвали кости? — подхватила другая.

Вопрошающие затерялись в клубах пара, девицы кружили, рассматривая Инэверу под всеми углами так же, как изучала кости Кева.

Мелан кивнула, и круг еще больше сузился. Инэвера ощутила себя сокрушенной под грузом коллективного взгляда.

— Мелан, что ты...

Инэвера с колотящимся сердцем потянулась рукой.

Мелан поймала ее кисть, вывернула и с силой дернула. Инэвера повалилась на нее, и Мелан сгребла ее густые волосы в горсть, воспользовавшись инерцией падения и погрузив ее голову в воду.

Далекая трескотня, шум воды. Инэвера непроизвольно вздохнула и захлебнулась, но кашлянуть под водой не могла, внутренности свело спазмом. Горячая вода обжигала лицо, и Инэвера отчаянно сопротивлялась, но Мелан держала крепко, и все было тщетно. Она забилась, когда ожгло легкие, но Мелан, как Соли в беседке, применяла шарусак, ее движения были быстры и точны. Инэвера ничего не могла сделать.

Мелан что-то орала в ухо, но вода скрадывала звук, и Инэвера не различала ни слова. Понимала лишь, что неизбежно захлебнется. Это казалось чудовищной нелепостью. Инэвере ни разу не довелось зайти в воду выше колен. В Копье Пустыни вода считалась драгоценностью, а на базаре была и товаром, и валютой. Существовало присловье: «Сверкает золото, но божественна вода». Позволить себе утонуть могли только самые зажиточные граждане Краси.

Она уже теряла надежду, когда Мелан с плеском выдернула ее и поставила прямо. Волосы Инэверы прилипли к лицу; она сотрясалась от кашля и судорожно глотала густой, наполненный паром воздух.

— ...явилась сюда, — кричала Мелан, — затеяла беседу с дамаджи'тинг, как с постельной подружкой, и с трех попыток научилась вязать бидо!

— С трех попыток? — переспросила одна девушка.

— Убить ее за это, — добавила вторая.

— Считает себя лучше нас, — сказала третья.

Инэвера затравленно осмотрелась сквозь спутанные волосы, но напоролась на бесстрастные, мертвящие взгляды. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь ей.

— Мелан, пожалуйста, я... — пролепетала она, но Мелан усилила хватку и снова погрузила ее в воду.

Инэвере удалось задержать дыхание, но воздух вскоре вышел, и когда Мелан дозволила ей вдохнуть еще разок — она уже билась в очередном приступе паники.

— Не разговаривай со мной! — рявкнула Мелан. — Меня пристегнули к тебе на год, но мы не подруги. Ты воображаешь, что можешь явиться и одним махом занять место Кеневах? Обойти мою мать? Обойти меня? Во мне течет кровь Кеневах! А ты просто... неудачный расклад.

Откуда-то она извлекла острый нож, Инэвера в ужасе вздрогнула, а Мелан черкнула им по волосам, отсекая густые локоны.

— Ты никто.

Она перекинула нож в пальцах, взялась за лезвие и протянула его рукояткой следующей девушке, которая как раз приблизилась.

— Ты никто, — поддакнула та, сгребла очередную прядь волос Инэверы и отхватила ее.

Поочередно подошли все, беря нож и кромая волосы Инэверы, пока от гривы не

осталась лишь тень — уродливая, неровная и окровавленная.

— Ты никто, — произносила каждая в свой черед.

Когда отошла последняя, Инэвера стояла на коленях в воде, сломленная и плачущая. Ее вновь и вновь разбирал кашель, жег горло огнем. Казалось, что в легких осталась капля воды, и они непреклонны в намерении ее выхаркнуть.

Кеневах была права. Дворец дама'тинг почти не отличается от Великого базара, только нет ее заступника Соли.

Инэвера подумала о Манвах и ее последних словах насчет Кришн. Коль скоро ей неведом шарусак, то она разберется с Мелан и остальными так, как поступила ее мать. Опустит очи долу и будет делать, что скажут. Усердно работать. Слушать. Учиться.

А потом, без посторонних глаз, разыщет склад Мелан и запустит вредителей.

Глава 1

Арлен

Лето 333 П. В.

30 зорь до новолуния

Ренна еще раз поцеловала Арлена. Приятный ветерок овеивал тонкую пленку пота на их коже, даруя прохладу в удушливо жаркой ночи.

— Давно хотела выяснить, есть ли у тебя татуировки под этой тряпицей, — призналась она и пристроилась у него под боком, положив голову на его обнаженную грудь и внимая ударам сердца.

Арлен рассмеялся и обнял ее одной рукой:

— Это называется «бидо». И даже у моей одержимости есть границы.

Ренна подняла голову, приблизила губы к его уху.

— Может, тебе нужен доверенный метчик. Долг жены — хорошенько позаботиться о том, что находится у мужа под бидо. Могу расписать тебя воронцом...

Арлен сглотнул и зарделся.

— Метки расползутся еще по ходу рисования.

Ренна расхохоталась, обхватила его и вновь уронила голову ему на грудь.

— Иногда мне кажется, что я не в себе, — сказала она.

— Как это? — спросил Арлен.

— Будто я так и сижу в прядильной Селии Пустоцвет и таращусь в никуда. А все, что было после, только сон. И я гадаю, не унесли ли меня фантазии в светлое место, где я и осталась.

— Если это место для тебя светлое, твоё воображение никуда не годится, — заметил Арлен.

— Почему? Я избавилась от Харла и демоновой фермы, стала сильнее, чем могла мечтать, и танцую в открытой ночи. — Она обвела вокруг себя рукой. — Все купается в красках и свете. — Взглянула на него. — И я с Арленом Тюком. Какое же место для меня светлее?

Ренна закусил губу, едва слова сорвались с языка. Она много раз проговаривала их про себя, но не смела произнести вслух. Ее нерешительность отчасти объяснялась страхом: «Что на это ответит Арлен?» — но многим была обязана и личным сомнениям. Все сестры Таннер хотели запрыгнуть в постель к первому встречному, лишь бы человек был славный, но

влюблялись ли хоть раз?

В детстве Ренна считала, что любит Арлена, но их знакомство было шапочным; теперь же она поняла, что лелеяла фантазии, совершенно его не зная.

Этой весной Ренна убедила себя, что любит Коби Рыбака, но сейчас осознала свою лживость. Коби — неплохой малый, но если бы на ферму Харла завернул кто другой — Ренна наверняка соблазнила бы и его. Все что угодно, только бы убраться оттуда! Любое место казалось лучшим, чем ферма, а любой мужчина на свете был лучше ее папаша.

Но Ренна покончила с враньем. И больше не прикусит язык.

— Я люблю тебя, Арлен Тьюк, — сказала она.

Как только слова прозвучали, она утратила всякую смелость и задержала дыхание, но Арлен без малейшего колебания обнял ее крепче.

— Я люблю тебя, Ренна Таннер.

Она выдохнула, сомнения и страхи рассеялись.

Переполненная магией, Ренна лежала у него под боком без сна, но только радовалась этому. В тепле и безопасности она лениво подивилась, что всего несколько часов назад на этом самом месте они с Арленом сразились с князем демонов и его слугами. Казалось, это произошло в другом мире. В другой жизни. Им ненадолго удалось ускользнуть.

Но вот высох пот, мерцание страсти угасло, и снова проступил реальный мир, ужасный и грозный. Их окружали тела мертвых подземников, вся поляна залита черным ихором. Один, перевертыш, сохранил ее собственный облик; его аккуратно отсеченная голова источала ихор. Невдалеке лежал Сумеречный Плясун с ногами, скрепленными шинами, едва не погибший от нападения демона-оборотня.

— Плясуна придется еще подлечить, прежде чем он сможет идти, — прикинул Арлен. — И даже после этого может понадобится ночь-другая, чтобы он вошел в полную силу.

Ренна оглядела поляну:

— Не по душе мне провести здесь еще одну ночь.

— Мне тоже. Подземники потянутся сюда завтра, как черви к дождевой луже. У меня есть неподалеку лежбище, там спрятана телега; она достаточно большая, чтобы перевезти Плясуна. Я могу забрать ее и вернуться вскоре после рассвета.

— Все равно придется ждать ночи, — возразила Ренна.

Арлен склонил к ней голову:

— Почему?

— Конь весит больше, чем дом твоего папаша. Как мы уложим его на телегу, не зарядившись силой ночи? И кто ее повезет?

Арлен взглянул на нее, и выражение его лица сказало ей все, несмотря на густо вытатуированные метки.

— Прекрати, — шикнула она.

— Что прекратить?

— Прикидывать, соврать мне или нет, — ответила Ренна. — Теперь мы стоворены, а между мужем и женой не должно быть лжи.

Арлен удивленно уставился на нее, покачал головой:

— Я не врать собрался, а решал, время ли об этом говорить.

— Да, если шкура дорога, — кивнула Ренна.

Арлен прищурился на нее, но она выдержала взгляд, и чуть погодя он пожал плечами.

— Я не теряю всю силу днем, — признался он. — И даже под полуденным солнцем смогу, пожалуй, поднять молочную корову и зашвырнуть ее дальше, чем у тебя получится с речным камешком.

— Почему ты такой особенный? — спросила Ренна.

Арлен вновь наградил ее знакомым взглядом, и она, посуровев, погрозила ему кулаком — и только наполовину в шутку.

— Расскажу тебе сразу как только попадем в убежище, — рассмеялся Арлен. — Честное слово.

Ренна ухмыльнулась:

— Поцелуй — и считай, что договорились.

В ожидании Арлена Ренна вынула выданный им рисовальный набор, дар суженого, расстелила на земле чистую тряпицу и аккуратно в ряд разложила инструменты. Затем достала бусы из речных камешков и нож и принялась медленно, тщательно, любовно их чистить.

Бусы были подарком Коби Рыбака, сделанным на помолвку: прочный шнурок, продетый сквозь десятки гладких, отполированных камней. Он был таким длинным, что Ренне приходилось делать двойную петлю, и все равно украшение свисало ниже груди.

Нож — острый как бритва, — принадлежал ее отцу, Харлу Таннеру. Тот всегда носил его на поясе. Он убил им Коби, когда Ренна убежала к жениху, а она, в свою очередь, убила тем же ножом его самого.

Не случись этого, к возвращению Арлена в Тиббетс-Брук Ренна и Коби стали бы мужем и женой. Бусы были символом ее неверности Арлену, свадебным подарком от другого мужчины. Нож служил напоминанием о человеке, который всю жизнь продержал ее в частных Недрах.

Но Ренна не могла расстаться ни с тем ни с другим. К добру или худу, это были единственные вещи, которые она называла своими, последние фрагменты ее дневной жизни, которые перешли в ночную. Она пометила обе: бусы — защитными метками, нож — боевыми. Ожерелье могло при надобности служить переносным кругом, но как удавка оказалось эффективнее. А нож...

Нож прошел сквозь грудь князя подземников. Даже сейчас ее меченые глаза различали яркое свечение магии. Не только метки — все лезвие давало тусклый свет. Слабейшего касания хватило, чтобы из пальца выступила кровь.

Она знала, сила выгорит на солнце, но сейчас оружие казалось несокрушимым. И будет сильнее даже днем. Магия всегда улучшала предметы. Таким же образом обычнейшая протирка тряпицей восстановила блеск бус, а шнурок стал прочнее прежнего.

Ренна прокараулила Сумеречного Плясуна до рассвета. Лучи утреннего солнца пали на трупы подземников и предали их огню. Это зрелище никогда не надоедало Ренне, хотя цена оказалась высокой. От тепла горящих демонов ее кожные метки, нанесенные воронцом, начало припекать — из них вытекала магия. Нож раскалился в ножнах, обжег бедро. Пришлось прислониться к дереву, она ощутила себя куклой жонглера с перерезанными нитями, слабой и полуослепшей.

Морок быстро прошел, и Ренна глубоко вздохнула. Она отдохнет и через несколько часов почувствует себя как никогда хорошо, но даже это будет бледным подобием ночных ощущений.

Как удастся Арлену сохранять мощь при солнечном свете? Может быть, дело в том, что его метки намертво вытатуированы, а не начертаны воронцом? Если так, она сегодня же возьмется за иглу и чернила.

Трупы демонов горели жарко и споро, через считанные секунды от них остались только выжженная земля и зола. Ренна затоптала последние костерки, чтобы пожар не разошелся по кустарнику, а после наконец смирилась с изнеможением, свернулась калачом подле Сумеречного Плясуна и заснула.

Проснувшись, она обнаружила, что так и лежит возле Сумеречного Плясуна, но уже не на ложе из мха, а на грубом одеяле да в катящейся телеге. Она вскинула голову и увидела Арлена, увлекавшего за собой пару волов. Скорость, с которой он их тащил, впечатляла.

Картина согнала с нее последний сон. Ренна легко перепорхнула на козлы, схватила вожжи и звучно прищелкнула. Арлен подскочил от неожиданности, она рассмеялась.

— Н-но!..

Арлен наградил ее кислым взглядом, и Ренна снова прыснула. Она соскочила с телеги и пошла в ногу с ним. Дорога была разбита, местами заросла, но не настолько, чтобы помешать им идти.

— Сладкий Колодезь прямо по ходу, — сообщил Арлен.

— Сладкий Колодезь?

— Так назван поселок, — объяснил он. — В нем вода очень вкусная.

— Я думала, мы избегаем селений, — заметила Ренна.

— В этом нет никого, кроме призраков. — (Ренна расслышала в словах Арлена боль.) — Ночь забрала Сладкий Колодезь пару лет тому назад.

— Ты знал это место раньше?

Арлен кивнул:

— Наведывался, когда был вестником. В поселке жило десять семей. «Шестьдесят семь работяг», — любили они говорить. Немного чудаки, но всегда были рады вестнику, а самогон гнали — крепче не бывает.

— Ты бы хлебнул у моего папаши, — буркнула Ренна. — Годился и как выпивка, и как керосин.

— В Сладком Колодезе варили такой, что герцог Энджирса его запретил, — с ностальгией проговорил Арлен. — Стер поселок с карт и приказал гильдии вестников там впредь не показываться.

— Но вы все равно приезжали.

— Еще бы, провалиться мне в Недра! Что он о себе возомнил — отрезать поселок? Да и один самогонный рейд в Сладкий Колодезь приносил вестнику доход, равный полугодовому жалованью. К тому же мне нравились колодезники. Они пометили весь поселок, жизнь кипела в нем днем и ночью. Их песни слышались за милю.

— Что же произошло? — спросила Ренна.

Арлен пожал плечами:

— Работа загнала меня далеко на юг, и я несколько лет не навещал это место. Вернулся вот этим путем, когда уже начал расписывать метками свою плоть. Я уже несколько месяцев жил сам по себе, вдали от всех. Мне было так одиноко, что я разговаривал с Плясуном, вел диалог за обоих. Я сходил с ума и знал это.

Ренна вспомнила, как часто общалась с животными на отцовской ферме. Сколько

задушевных бесед провела она с Сударыней Царапкой и Копытцем? Она познала одиночество, хотя рядом был Харл.

— Однажды я сообразил, что нахожусь неподалеку от Сладкого Колодезя, — продолжил Арлен, — и решил закутать лицо и руки да наплести маревниковых баек про то, как обгорел после огненного плевка. Все что угодно, лишь бы поговорить и послушать. Но в поселке впервые за все время было тихо.

Они миновали купу деревьев, и показалась деревня: десять крепких домиков с соломенными крышами и Праведный дом ровно окружали центральный дощатый тротуар с большим колодцем в центре. По внешнему периметру высились меченые столбы, а в каждом доме было два этажа: верхний — жилой, и нижний — под мастерскую или лавку. Там обнаружили кузница, таверна, конюшня, пекарня, ткацкая мастерская и другие заведения.

Ренне стало жутко, когда они пересекли тротуар и направились к конюшне. Все отлично сохранилось. Ничто не указывало на нашествие демонов, — грезилось, что вот-вот кто-нибудь выйдет наружу. Мысленным взором она прозревала призраков местных жителей с их жизненным строем.

— Я подступил ближе и увидел, что тротуар завален костями, залит кровью и дерьмом демонов, — сказал Арлен. — И вонь стояла, словно прошло всего несколько дней. Дней! Приди я раньше, мог бы...

Ренна молча тронула его за руку.

— Один меченый столб выглядел так, будто треснул и повалился на ветру, — продолжил Арлен. — Должно быть, лесные демоны нашли прореху и напали, когда люди ужинали. Несколько человек бежали в ночь, но я прошел по следу и обнаружил только останки.

Ренна живо представила, как колодезники собрались за деревянными столами на тротуаре за общей трапезой, совершенно не подготовленные к удару подземников. Она слышала крики и увидела смерть. Стало дурно, она опустилась на колени, и ее вывернуло.

Мигом позже Арлен положил руку ей на плечо, и Ренна поняла, что плачет. Она виновато вскинула взгляд.

— Здесь нечего стыдиться, — произнес он. — Я сам воспринял случившееся намного хуже.

— Что ты сделал?

Арлен с силой выдохнул:

— Отключился на несколько недель. Дни напролет хоронил кости, хлестал самогон, а по ночам убивал все демоново отродье, что восставало в пределах десяти миль от Сладкого Колодезя.

— Я видела свежие следы по пути сюда, — заметила Ренна.

— Завтра утром займутся костры, — прорычал Арлен.

Ренна положила ладонь на рукоятку ножа и плюнула на деревянный тротуар:

— Честное слово.

Они вошли в конюшню, и Арлен уложил Сумеречного Плясуна на пол. Он крикнул от натуги, но справился с задачей. Ренна покачала головой, сомневаясь, что сможет повторить подобное, даже заряженная магией в ночи.

— Нужна вода, — сказал Арлен.

— Я принесу, — отозвалась Ренна и повернулась к центральному колодцу. — Хочу проверить, так ли сладка вода, что в ее честь называли поселок.

Арлен схватил ее за руку:

— Вода уже не сладка. Я нашел в колодце поселкового старейшину Кеннита, по прозвищу Сладкий Колодезь. Гнил там больше недели, пока я не сумел спуститься и выудить то, что от него осталось. Отныне в колодце яд. Насосы за таверной еще подают чистую воду, но ничего подходящего для названия поселка больше нет.

Ренна вновь сплюнула, подхватила ведро и зашагала к таверне. Ее рука опять потянулась к ножу, лаская косяную рукоять. Дождаться бы ночи.

Позабывшись о Плясуне, они вымылись и перекусили холодной пищей в пустой таверне.

— Наверху сдавалась комната, — сообщил Арлен. — Можем несколько часов поспать до наступления ночи.

— Сдавалась комната? — переспросила Ренна. — Пустуют же целые дома!

Арлен помотал головой:

— Негоже занимать постель, владельца которой выпотрошили. В этой комнате я ночевал в мою бытность вестником, и она достаточно хороша.

«Я люблю тебя, Арлен Тюк», — подумала Ренна, но повторять уже сказанное не было смысла. Она кивнула и последовала за ним наверх.

Даже съемная комната оказалась больше любой, где доводилось спать Ренне. В ней стояла большая кровать с пуховой периной. Ренна села, дивясь ее мягкости. Она никогда не спала на чем-либо толще соломенного матраса. Она легла навзничь и словно очутилась на облаке.

Утопая в пуховых объятиях, Ренна шарила глазами по комнате. Ясно, что Арлен уже провел здесь какое-то время. Всюду виднелись его вещи, разбросанные в характерном беспорядке: банки с красками, кисти, гравировальные инструменты и книги. Маленький письменный стол превратился в верстак, пол покрывали стружка и опилки.

Арлен пересек комнату, свернув коврик и обнажив расшатанные половицы. Он поднял целую секцию пола. Изобличающие щели были предусмотрительно засыпаны опилками. Ренна села и округлила глаза, когда увидела, что находится внутри. Склад оружия — смазанного, наточенного и густо измеченного. Она соскользнула с постели, подошла и присела на корточки, пожирая глазами работу Арлена.

Арлен выбрал небольшой лук из златодрева и колчан стрел. Вручил их Ренне со словами:

— Пора тебе научиться стрелять.

Ренна недовольно скривилась. Опять он ее бережет. Удерживает от ближнего боя. Сохраняет целой и невредимой.

— Не хочу. И копий мне не нужно.

— Почему?

Ренна воздела бусы из речных камешков и выхватила нож:

— Не хочу убивать подземников из укрытия. Я убью демона так, чтобы он знал, кто это сделал.

Ренна ожидала спора, но он лишь кивнул:

— Отлично тебя понимаю. — Арлен по-прежнему протягивал ей оружие. — Но иногда мы оказываемся в меньшинстве или должны уничтожить демона быстро, пока он кого-нибудь не растерзал. — Он улыбнулся. — И должен признать, это довольно приятно — прицелиться и свалить подземника издалека.

Ренна глубоко вздохнула. Конечно он прав. Да, он защищает ее, но на свой обычный

манер.

Обучая обороняться самостоятельно.

«Я люблю тебя, Арлен Тюк».

Она взяла лук и восхитилась его легкостью. Арлен вручил ей маленький колчан с мечеными стрелами, после чего извлек остальное оружие и завернул в промасленную ткань.

— Зачем тебе все? — не поняла Ренна.

— Этого даже мало, нужно намного больше, — отозвался Арлен. — Я поступлю так, как следовало давным-давно. Выдам меченое оружие каждому мужчине, женщине и ребенку — достаточно сильному, чтобы его удержать. Я понаделал арсеналов по всей Тесе, но все хранил для себя. Хватит. Мне не нужно оружие, чтобы убивать демонов. Я шагнул дальше.

— Как это?

Ренна решила, что он и сейчас отведет глаза, как делал всегда, когда уклонялся от ответа. Любовь не любовь, а пусть только попробует — она в момент расшибет его лысую кочку.

Но Арлен взглянул в лицо, и в его глазах плясал огонь.

— Я кое-что покажу тебе ночью. — Он погладил метки видения вокруг ее орбит. — Тебе понадобится ночное зрение, чтобы понять.

Ренна взяла его руки в свои и поднялась. Она попятилась, увлекая его за собой, пока ее ноги не коснулись ложа. Они утонули в пуховой перине, и поцелуи быстро сменились ласками. В ушах стучала кровь — нежная дробь, которая наполнила ее той же жизненной силой, что прибавлялась ночью.

Солнце садилось, когда они вернулись в пивную на ужин. После еды Арлен встал и скрылся за стойкой. Мгновением позже пришел с тяжелым глиняным кувшином в руках.

— Демонам нравится восставать в полях, что начинаются от заднего двора. Почему бы не выпить, пока мы их ждем?

Они вышли в сумерки, лавандовое небо потемнело. Поля колодезников лежали к югу от поселка и занимали много акров. Росли там в основном картофель, пшеница и сахарный тростник. Поля не возделывались уже годами, но дикий урожай там и тут упорно цеплялся за почву. В полях на равном расстоянии друг от друга стояли меченые столбы. Большинство пришло в плачевное состояние и стало бесполезно, но Ренна замечала все новые и новые, покрытые четкими свежими метками. Она оценила картину в целом в поисках закономерности.

— Ты превратил это место в лабиринт. Вроде того, пустынного, о котором рассказывал.

Арлен кивнул, нашел место почище и сел.

— Так удобнее отрезать демонов от стаи, а до поддержки всегда бывает не больше шага.

Он поднял увесистый кувшин и наполнил две крохотные глиняные чашки прозрачной жидкостью.

— В Красии есть спиртной напиток, который шарумы иногда выпивают перед сражением. Называется кузи. Говорят, он повышает боевой дух. — Арлен протянул ей чашку. — Я обнаружил, что самогон обладает таким же действием.

— По-моему, ты говорил, что шарумы принимают свой страх, — заметила Ренна.

Она устроилась рядом, кувшин стоял между ними.

— Большинство — да, и это отменная способность, — согласился Арлен. — Но принятие оставляет тело холодным. Здесь, в Сладком Колодезе, я хочу быть не холодным, а бешеным, как сами Недра.

Ренна кивнула. Это она понимала. Проигнорировав чашечки, она подцепила пальцем кувшин за ручку. Утвердила его на плече и с плавностью знатока приложила к напитку, сделав солидный глоток.

Арлен не соврал, самогон оказался на редкость крепок, и Ренна чуть поперхнулась, но он был слаще отцовского варева, и огненный шар в желудке вскоре умерил свой жар и растекся теплом по телу.

Арлен бросил чашки, взял кувшин и приложился по ее примеру. Они передавали его друг другу, пока свет не померк полностью и не закурились демаскирующие дымки, что возвещали приход подземников. Клубы тумана сгущались в полевых демонов — гладких и приземистых, рыщущих на четырех лапах, аки львы, быстрее всего живого. Появилось и несколько лесных демонов, те были крупнее, а потому воплощались дольше.

Ренна встала и чуть качнулась, но сразу восстановила равновесие. Она направилась к сгущавшемуся лесному демону, на ходу помахивала висящим на пальце кувшином, который стал значительно легче.

Ренна сверлила взглядом материализующуюся тварь и вспоминала о ночи в отцовском нужнике, где она сидела взаперти и орала благим матом, а демоны скреблись в дверь. Подумала об оставшихся позади пустых домах и отравленном колодце.

Она в последний раз приложила к самогону и закупорила кувшин. Другую руку сунула в мешочек на поясе.

Демон наконец уплотнился и разинул пасть, готовый зареветь. Он мог бы проглотить ее голову целиком; внутри громоздились ряды острых зубов.

Прежде чем он издал звук, Ренна швырнула в зияющую глотку желудь. Тепловая метка, которую она нарисовала на нем, активизировалась при соприкосновении с языком демона, и желудь взорвался.

В ту же секунду Ренна плюнула самогоном в морду чудовища.

И посторонилась, когда его голову объяло пламя. Демон рухнул на землю и забился в конвульсиях, его похожая на кору броня прогорала изнутри.

Послышался смех; Ренна обернулась и увидела, что Арлен ей аплодирует.

— Красиво исполнено, но я сделаю лучше.

Ренна ухмыльнулась, скрестила руки и отступила под защиту меченого столба.

— Любопытно взглянуть, Арлен Тюк.

Арлен поклонился. В нескольких футах от него соткался полевой демон, крупнее ночного волка. Он зарычал и подобрался, готовый прыгнуть.

Не трогаясь с места, Арлен скрестил руки так же, как Ренна. Капюшон был снят — он теперь почти не надевал его, — но прочая дневная одежда осталась на месте, скрывая могущественные метки, вытатуированные по всему телу. Полевые демоны были быстры как ветер, и без защиты меток казалось, что тварь собьет его с ног и разорвет. Рука Ренны метнулась к ножу и стиснула рукоятку.

Но полевой демон пролетел сквозь Арлена, будто тот был соткан из дыма. Тело вспенилось в том месте, где прошел монстр, и мигом позже вновь стало четким.

Демон за его спиной очухался, а Арлен коротко поклонился.

— Ничто в ночи, Рен, отныне не в силах тронуть меня, если я замечу атаку.

Полевой демон, не теряя времени, развернулся и снова прыгнул. Ренна подумала, что он опять пройдет насквозь, но Арлен на сей раз скользнул в обход быстрее, чем видно глазу, обхватил подземника за шею и резко остановил. Сохраняя зажим, проворно переместился

демону за спину, уклонившись от выставленных когтей. Другой рукой, голым пальцем начертил ему на груди тепловую метку.

Едва он дочертил символ, линия занялась огнем, Арлен отпустил демона и отступил, а того пожрало пламя.

Ренна разинула рот, но Арлен еще не закончил урока. Он устремился к другому полемому демону, провоцируя нападение. Тот соблазнился, зарычал и пошел на приступ, топорща когти.

— Конечно, если я вовремя не замечу приближения... — Арлен отлетел на несколько шагов, упал навзничь и заворчал, когда зубы демона впились в его живот.

Ренна ахнула при виде крови, которая брызнула дугой. Она выхватила нож и бросилась вперед, чтобы втиснуться между Арленом и демоном.

Но Арлен выпрямился и остановил ее, вскинув руку. Демон прыгнул снова, но Арлен опять разошелся, как дым.

Когда он собрался вновь, от раны не осталось следа. Затянулась даже одежда.

— Имея секунду на раскачку, я могу исцелиться от всего, что не убьет меня сразу.

Демон приступил к нему в третий раз, но Арлен стремительно начертил в воздухе метку — и тварь отлетела, как от удара копытом. Его новообретенное могущество казалось безграничным.

Но когда демон грохнулся в нескольких ярдах от него, Арлен пошатнулся в поклоне. Меченые глаза Ренны видели, что еще мигом раньше он ярко сиял от магии. Сейчас же свечение меток потускнело.

Арлен перехватил ее взгляд и кивнул:

— Я рисую метки на демоне, и подземник питает их сам. Но если черчу их в воздухе, они забирают магию из меня.

Демон бросился на него в четвертый раз, однако теперь Арлен схватил его за горло и припечатал к земле в зажиме шарусака. Ренна видела, как пульсировали силой наручные метки и его свечение восстанавливалось, а демона — убавлялось. Демон заверещал и дернулся, но Арлен усмирил его легко, как мужчина — малое дитя. Сила в его руках нарастала, пока горло демона не поддалось. Тогда Арлен одним движением мускулов оторвал ему голову.

Ренна засекла крадущегося к ней полевого демона и изменила позу, прикинувшись слабой и беспомощной. Это оказалось нетрудно. Достаточно вспомнить ту бесполезную корову которой она была всю жизнь. Жертву.

Но эта ее часть умерла вместе с Харлом. Подземник прыгнул и наткнулся на невидимую стену а Ренна моментально развернулась и всадила нож в его грудь. Метки на лезвии вспыхнули, пробив демонову броню и отослав Ренне дозу магии, которая согрела ее лучше, чем самогон. Она надвинулась, пыряя снова и снова, и каждый удар наполнял ее трепетом силы.

Когда демон упал замертво, она присела на корточки и начертила на грубой броне тепловую метку.

Ничего не произошло.

— Почему у тебя получается, а у меня нет? — окликнула Ренна Арлена, озирая поле в поисках новых врагов.

Несколько демонов еще ходили кругами, но пара людей успела их насторожить, и они держались на расстоянии.

— Я и сам долго не знал, — отозвался Арлен. — Не понимал, что у меня за силы. Но когда сразился с демоном по пути в Недра, наши сознания соприкоснулись и многое стало ясно. Я действительно частично стал демоном.

— Дерьмо это демонское! — фыркнула Ренна. — В тебе нет их зла.

Арлен пожал плечами:

— Большинство демонов тоже не злы. У них ума не хватает быть злыми — или добрыми, если на то пошло. С таким же успехом можно назвать злой осу за то, что она жалит. Однако мозговые демоны...

— Эти сволочи злее Харла, — бросила Ренна.

— В тысячу раз, — кивнул Арлен.

Ренна свела брови.

— Значит, по-твоему, выходит... что? Подземники всего лишь животные? Сомневаюсь. Осы не горят на восходе солнца. Может быть, демоны не злы, но они и не часть природы.

— Это речи жителей дня, — возразил Арлен. — Тех, кто не покрыл глаза метками. Оглянись! Разве магия не естественна?

Ренна задумалась. Она видела, как сила выходит из Недр и стелется над земной поверхностью, подобно светящемуся туману, что клубится в ногах. Она наблюдала ее в сердцевине деревьев и трав, даже животных и людей. Возможна ли жизнь без нее?

— Может, и естественна, — допустила она, — но это не объясняет, почему ты считаешь себя частично демоном и сохраняешь силу днем, когда магию выжигает солнце.

Арлен замялся и отвел глаза, размышляя. Ренна прищурилась, и Арлен это заметил.

— Рен, я не буду ни врать тебе, ни темнить. Просто здесь нет повода для гордости, а я не хочу, чтобы ты... думала обо мне хуже.

Ренна подошла ближе, положила ему на щеку ладонь. Его кожу защипало от магии.

— Я люблю тебя, Арлен Тюк. Ничто на свете не в силах это изменить.

Арлен печально кивнул, избегая смотреть ей в глаза:

— Мне придало сил мясо.

— Что?

— Мясо демонов, — пояснил Арлен. — В пустыне я ел его месяцами. Это казалось вполне справедливым, они-то нас пожирают.

Ренна ахнула и отступила на шаг. Арлен встретился с ней взглядом, и по выражению его лица она поняла, что выглядит онемевшей от ужаса.

— Ты... *ел* их? Демонов?

Арлен кивнул, и Ренну замутило.

— Выбор был невелик. Меня бросили умирать в пустыне без еды, без надежды. Я был бесконечно жалок.

— Я бы, наверное, предпочла умереть. — На лице Арлена написалась мука, и Ренна пожалела о своих словах.

— Да, — вздохнул он. — Наверно, я не такой сильный, как ты, Рен.

Ренна метнулась к нему, взяла за руки, ткнулась лоб в лоб.

— Арлен Тюк, ты сильнее, чем я когда-либо была, — заявила она, чувствуя, что к глазам подступают слезы. — Не выбей ты из меня дурь, я так бы и померла, только бы сохранить в тайне позор Таннеров. Какая же тут сила?

Арлен помотал головой, и на губу ей капнула его слеза, прохладная и сладкая.

— Из меня самого надо было выбить дурь, да не раз и не два, за все эти годы.

Ренна поцеловала его:

— Ты уверен, что именно мясо демонов придало тебе сил?

Арлен кивнул.

— Колин Тригг говаривала, что съеденное становится частью тебя, и, я полагаю, это правда. Я впитал способность подземников накапливать в клетках магию, но кожа осталась защитой от солнца. Я превратился в батарею.

— В клетках? Батарея?

— Наука старого мира. Это не важно.

Арлен отмахнулся от вопросов в обычной несносной манере, утаивая от нее сведения лишь потому, что считал объяснения чересчур утомительными. Как будто она не готова слушать его всю ночь. Как будто на свете возможен звук лучше его голоса.

— Представь себе дождевую бочку после ливня. Она полна воды, даже когда небо расчистится, а земля высохнет. Я не могу пользоваться магией на солнце, но чувствую ее внутри себя — она залечивает раны, делая меня неутомимым и сильным. А по ночам я словно вынимаю пробку, и это лишь малая часть возможного. Я еще только скребусь в двери.

Ренна помолчала, раздумывая. Что бы ни говорил Арлен, невозможно считать подземников чем-то иным, нежели злым обезображиванием природы, оскорблением Создателя. Ей часто случалось измазаться в мерзком ихоре, который они называли кровью, но мысль о том, чтобы взять его в рот, казалась чудовищной.

Но мощь...

— Я знаю, о чем ты думаешь, Рен, — сказал Арлен, выдергивая ее из грез. — Не пробуй.

— Почему? Тебе это вроде не повредило.

— Ты не представляешь, как это было, Рен. Я обезумел. Живота своего не щадил. Жил как животное.

Ренна покачала головой:

— Один посреди запустения, и не с кем поговорить, кроме Плясуна и подземников. Знакомое дело. Тут каждого одолеют черные мысли о мясе демонов.

Арлен посмотрел на нее и кивнул:

— Честное слово. Но поесть демонов не то же самое, что расписывать кожу воронцом. Последствия не улетучатся через несколько недель, а ты к этому не готова.

— Кто ты такой, чтобы судить, к чему я готова? — ощерилась Ренна.

— Рен, я не команду, а умоляю. — Арлен опустил перед ней на колени. — Не ешь мяса, а если кто спросит, скажи, что это отрава.

Ренна долго рассматривала его, не зная, как поступить — обнять или врезать. Наконец она вздохнула, выпуская пар:

— Я подумаю. И никому не скажу. Честное слово.

Арлен кивнул и встал:

— Тогда идем охотиться. Мне нужна уйма магии, когда я лечу Плясуна.

Когда они вернулись в конюшню, Сумеречный Плясун на свой лад стenal от боли, вывалив язык. Он не прикоснулся к еде, а воду выпил только ту, которую ему залили в глотку. И он тяжело дышал.

Демон-оборотень одним ударом сломал огромному скакуну ребра, и только Создатель знал, что пострадало внутри; перевертыш отправил Плясуна в полет, и Плясун ударился о дерево, опять же сломал хребет, а при падении — и ноги. Арлен магией спас ему жизнь,

однако без дальнейшей помощи тому не суждено было не то что скакать — ходить.

Но Арлен так напился магией, что его метки сияли сами собой, и в конюшне стало светло как днем. Он уподобился самому Создателю, когда взялся за ногу Плясуна, вправил сломанные кости и начертил в местах перелома метки.

Плясун страдальчески заржал, когда кости воссоединились с сухожилиями, — ужасный звук, невыносимый для Ренны. Свечение Арлена слабело с каждым лечебным маневром, а их было много. Вскоре метки потускнели, а потом полностью погасли. Но он все трудился; чуткие пальцы ощупывали тело коня, выискивали точки для приложения силы. Как только ребра зажили, Плясун расправил грудь и задышал ровно. Ренна облегченно вздохнула, но Арлен слабо застонал и обмяк.

Она понесла его в постель, а он дрожал, дышал мелко и коротко. Ренна почти не слышала биения его сердца, а магический свет умалился настолько, что грозил погаснуть в любой момент. Она разделась, скользнула к нему под бок, крепко обняла и попыталась передать ему толику собственной магии, но ничего не изменилось.

— Не умирай у меня на руках, Арлен Тюк, — попросила она. — Мы слишком много пережили вдвоем.

Арлен не ответил. Ренна встала, утерла слезы и заходила по комнате, лихорадочно соображая.

«Ему нужна магия — так поди и достань».

Нож прыгнул ей в руку; она схватила плащ и выбежала за дверь, не потрудившись одеться. Плащ-невидимка скрыл ее от подземников, и она быстро нашла полевого демона, который рыскал невдалеке от меток.

Ренна отшвырнула плащ и, прежде чем тварь осознала ее присутствие, прыгнула демону на спину, запрокинула ему башку и перерезала горло. Затем наполнила прихваченное из конюшни ведро черным ихором, богатым светящейся магией.

Этой жидкостью вскоре покрылась ее обнаженная кожа, и Ренна почувствовала, как наливаются мощью воронцовые метки. Она ощутила себя невероятно сильной и быстрее ветра помчалась к Арлену. Уложив на пол, окатила его из смрадного ведра и увидела, как метки становятся ярче, впитывая магию, а после тускнеют по мере укрепления света его личной ауры. Дышать ему стало легче, и Ренна упала на колени.

— Хвала Создателю, — прошептала она и нарисовала в воздухе метку.

Машинальный жест, но очень похожий на те, которыми Арлен лечил Плясуна. Если бы она могла сделать то же самое для него!

Ренна взглянула на ведро, с его кромки свисал скользкий кусок демоновых потрохов. Она взяла его в руку и потыкала пальцем. Студень. Черный. Он вонял, и ее желудок взбунтовался. Пришлось глубоко вдохнуть, чтобы удержать в нем ужин.

«Арлен обгонит меня, — подумала Ренна. — И ему не справиться одному, как бы он ни был силен. Мне нужно шагать в ногу, иначе снова останусь снаружи, когда его затянет в Недра».

— Хорош рассусоливать, — пробормотала Ренна.

И, задержав дыхание, положила мясо в рот.

Глава 2

Зарука

Лето 333 П. В.

28 зорь до новолуния

Ренна проснулась вскоре после рассвета. Арлен мирно спал, и она постаралась не шуметь, когда смывала с себя корку Шторы были наглухо задернуты, и Ренна по-прежнему чувствовала заряд силы, но мощь выгорела, стоило выйти на солнце. Она потянулась, выискивая признаки эффекта от мерзкой трапезы. Если перемена и наступила, то неуловимая. Арлен достиг своего уровня силы, месяцами питаясь исключительно мясом демонов. При мысли о новой порции Ренну чуть не вывернуло.

В конюшне она почистила Сумеречного Плясуна и задала ему утренний корм. Скакун выглядел здоровым, ничто не указывало на то, что всего две ночи назад он находился на грани смерти. Даже рубцы побледнели и стали едва заметны.

Покончив с делом, Ренна отправилась в поле, где набрала дикого картофеля и других овощей — достаточно и неплохо для разового завтрака. Тот поспел, когда в кухню приковылял измученный Арлен. Казалось, он вовсе не спал.

— Пахнет, как на Небесах, — сказал он.

— Яиц и нормального хлеба не нашла, зато поймала кролика, так что у нас есть мясо, — ответила Ренна, выкладывая рагу в деревянные тарелки, которые они принесли в пивную.

Они сели, Арлен секунду смотрел в тарелку, после чего обхватил руками голову:

— Пожалуй, я ночью перестарался.

— Это мягко сказано, — хмыкнула Ренна.

Арлен надул щеки и медленно выдохнул:

— Теперь жалею о самогоне.

— Ешь! — приказала Ренна. — Желудок успокоится, когда туда что-нибудь попадет. И выпил бы ты воды, сколько влезет, сладкая она или нет.

Арлен кивнул, набросился на еду, и его тарелка быстро опустела.

— Еще есть? — спросил он, и Ренна вздрогнула.

Она так увлеченно наблюдала за его трапезой, что не притронулась к своей пище.

— Забирай мою. — Она подтолкнула к нему тарелку и взяла его, пустую. — Я положу еще.

Вернувшись, Ренна с радостью обнаружила, что он умял и вторую порцию.

— Получше? — спросила она.

— Чувствую себя человеком. — Арлен чуть улыбнулся краем рта. — Когда-то им был.

— Лежи сегодня, — предложила Ренна. — А ночью снова зарядишься.

Арлен помотал головой:

— Нынче придется пройти много миль, Рен. Днем сделаем остановку, а дальше на всех парах — в Лощину.

— Что за остановка?

Арлен снова улыбнулся, на сей раз шире, и сверкнул глазами:

— Нужно подобрать тебе подходящий свадебный подарок.

Они устремились по дороге вестников, Арлен мчался с огромной скоростью рядом с Плясуном. Через несколько часов Ренна заметила, что он притомился, но ехать верхом наотрез отказался.

— Плясуну нужен отдых больше, чем мне, — заявил он.

Солнце давно миновало зенит, когда они дошли до развилки, и Арлен свернул на не столь исхоженный тракт, немногим шире узенькой тропки, что уходила в пустынную холмистую долину.

— Кто там живет? — поинтересовалась Ренна.

— Знакомый коневод, — бросил Арлен. — За ним должок.

Ренна подождала дальнейших разъяснений, но ничего не последовало.

Ранчо показалось лишь через час ходьбы. В нем было три хлева, каждый с собственными метками помимо столбов вокруг объездных загонов и двора. Помечены были и просторные пастбища.

На крыше ближайшего хлева появился паренек, он держал короткий лук с нацеленной на них стрелой.

— Кого там несет? — крикнул он.

Ренна присела, готовая метнуться влево или вправо, если мальчишка выстрелит. Она схватилась за родную костяную рукоятку отцовского ножа, хотя от него не приходилось ждать проку. Она ненавидела Харла Таннера, но всегда чувствовала себя в безопасности, когда прикасалась к ножу, которым его убила.

Арлен беззаботно заорал в ответ:

— Того, кто пожалеет, что не отдал тебя лесному демону, Ник Жеребец, если ты не опустишь лук и не кликнешь папашу!

— Вестник! — завопил Ник, опустил лук и замахал рукой. — Мам! Пап! Вестник пришел и привел Плясуна!

Паренек съехал с крыши на крылечный навес, откуда с легкостью прыгнул на землю. Он сбегал в огород, выдернул пару морковок, поспешил к гостям и потрясенно уставился на Плясуна:

— Вымахал с амбар!

Он осторожно приблизился к огромному скауну, держа перед собой морковины.

— Спокойно, малыш, это же я, Ник. Ты ведь помнишь меня?

Сумеречный Плясун заржал и взял морковь, но паренек не расслабился, готовый задать стрекача.

Ренна удивилась. Если он знает Плясуна, ему должно быть известно, что конь кроток как утренняя заря.

— Мальчик! Он не укусит и не лягнет.

Ник повернулся, собираясь что-то сказать, но осекся, впервые заметив Ренну. Он ощупал взглядом ее тело, и она не разобрала, на что он глазел — на воронцовые метки или на плоть, которую те покрывали. Не то чтобы ее это смутило, но хамство есть хамство, она уперла руки в боки и зыркнула на него в напоминание о приличиях. Мальчишка вздрогнул и отвернулся так быстро, что Ренна подавила смешок.

Ник густо покраснел и обратился к Арлену:

— Ты что, его... приручил?

Арлен рассмеялся:

— Вряд ли. Плясун по-прежнему коварнейший зверь на свете, но кусает и лягает теперь только подземников.

Позади негромко свистнули, и Ренна крутанулась на месте. Не задумываясь, она снова нашарила рукоятку ножа и быстро отняла руку в надежде, что никто этого не засек.

«И это я учу Ника хорошим манерам».

Подоспевший мужчина ничем не показал, что заметил ее нервный жест. Он, как и мальчик, первым делом уставился на коня. Приблизился неспешно и спокойно, дал Плясуну время привыкнуть к его присутствию. Скакун всхрапнул и притопнул копытом, но прикосновение стерпел.

— И впрямь вырос. — Мужчина огладил его могучие бока.

Человек этот был высок и худощав, с густой, но короткой бородкой. Длинные каштановые волосы перехвачены сзади шнурком.

— Ладони на две выше родителя, а я не видывал коня крупнее, чем старый Облом. — Он приподнял бабу. — Впрочем, неплохо бы подковать.

Хозяин наконец посмотрел на гостей и, как и мальчик, смерил взглядом Ренну, оценивая, словно лошадь. Она издала глухой горловой звук, и мужчина вздрогнул, натолкнувшись на яростный взор.

Арлен встал между ними.

— Это всего лишь взгляд, Рен, — обронил он тихо. — Они хорошие люди.

Ренна стиснула зубы. Ей отчаянно не хотелось это признавать, но он был прав насчет вещей, которые даже днем творит магия. Теперь она заводилась с полуоборота. Глубоко вдохнув, она отогнала гнев.

Арлен кивнул и повернулся к коневоду:

— Ренна Таннер, это Жон Жеребец и его мальчонка Ник. Жон объезжает и разводит диких энджирских мустангов.

— Во всяком случае, отлавливает и разводит, — уточнил Жон и с извиняющимся видом протянул руку. — Не так-то просто приручить того, кто в состоянии затоптать насмерть полевого демона и оторваться в открытой ночи от кого угодно.

Ренна пожалала руку, но быстро отпустила, когда он поморщился от ее хватки.

— Иногда я знаю, что они чувствуют, — пробормотала она.

Жон кивнул на Плясуна:

— Этого вот споймал. Изловил жеребенком, ему и шести месяцев не было. Решил, что из такого молодого я дикость-то выбью, но он невзлюбил узду и вырывался из хлева не раз и не два.

— Открытая ночь беспощадна, — сказал Арлен. — Шесть месяцев среди демонов — это целая жизнь.

Жон кивнул:

— Я не думал, что даже тебе удастся его приручить.

— Мне и не удалось, — отозвался Арлен. — Я просто вернул его туда, откуда он вышел.

— Однако надел на него седло и уздечку, — возразил Жон, — хотя мне вряд ли следует удивляться. Тогда ты был свихнувшимся татуированным вестником, который спас моего мальчугана. А ныне ты, я слышал, грозный Избавитель!

— Нет, — качнул головой Арлен. — Я Арлен Тюк из Тиббетс-Брука, и у меня вместо ума чаще бывала сума.

— Значит, имя у тебя все-таки есть, — послышался новый голос, и из фермерского дома вышла женщина.

Она была невзрачна, но энергична, как та, что привыкла к тяжелому труду. Одета в мужскую одежду: высокие кожаные сапоги, портки и жилет поверх простой белой блузы. Каштановые волосы перехвачены шнуром, как у Жона.

— Не обращай внимания на мальчиков, — обратилась она к Ренне. — Когда живешь на одной конине, больше и поговорить не о чем. Меня зовут Глин.

— Ренна.

Ренна пожала ей руку, но стиснула кулаки, когда Глин обняла Арлена. Что настроило ее против женщины, которая к нему прикасается, — магия?

— Рада вновь свидеться, вестник. Останешься ужинать?

Арлен кивнул и впервые на памяти Ренны кому-то тепло улыбнулся.

— С удовольствием.

— Зачем пожаловал? — спросил Жон. — Догадываюсь, что не просто подковаться.

— Мне нужна еще лошадь, — кивнул Арлен. — Кобыла на племя для Плясуна. — Он криво улыбнулся Ренне. — Начинаем обзаводиться семьей.

Мэк Выгон, что жил по соседству с фермой отца Ренны, разводил лошадей. Пока была жива мать, Ренна часто навещала его ранчо — оно было куда меньшее, чем у Жона Жеребца, но в остальном почти такое же. Плясуна отвели к кузнецу, после чего Жон и гости направились к большому огороженному полю, где под зорким присмотром конных работников и лающих псов паслись лошади. По пути они миновали надежные корали, слишком высокие даже для Сумеречного Плясуна, чтобы перемахнуть при свете дня. Их использовали для объездки и карантина.

В одном Ренна увидела огромного черного жеребца, который бежал легким галопом под наблюдением двух озабоченных верховых с кнутах наготове. Она резко остановилась.

— А, вот и старик Облом, — сообщил Жон. — Родитель Плясуна. Споймал его на равнине с полудюжиной кобыл и молодым Плясуном. Назвали Обломом за то, что нам пришлось пережить, пока не загнали его в кораль. Этот здоровый гад ни в жисть не станет работать, зато готов ночь напролет пробивать копытами стены хлева, только позволь. Коварен, как демон, и чересчур хитер. Городские коневоды скажут, что у диких лошадей ума нет в помине, потому и не слушаются команд, но ты им не верь. Мустанг живет своим умом. Его хватает, чтобы выжить в открытой ночи, чем большинство людей похвастать не может. Облomu нравилось сбрасывать всех, кто пытался его оседлать, а после втапывать их в дворовую пыль. Мы упокоили его в племенном загоне, когда надоело вправлять себе кости.

Ренна посмотрела на необыкновенное животное и загрустила: «Ты был королем равнин, а здесь нарезаешь круги по загону и день-деньской осеменяешь кобыл». Пришлось подавить

желание шагнуть к воротам и выпустить его.

— Этим летом хороший приплод, — похвастался Жон, когда они вышли в поле. — Невест полно, выбирай любую.

— Рен, выбор за тобой, — объявил Арлен. — Бери, какую хочешь.

Ренна присмотрелась к табуну. На первый взгляд лошади Жона почти не отличались от Мэковых, но стоило подойти ближе и оценить размер... У нее расширились глаза. По сравнению с матерями жеребята выглядели малышней, но даже они были больше иных жеребцов Мэка. У Жона водились годовики достаточно крупные, чтобы ездил зрелый мужчина, а дрянных не было. Демоны выбраковали всех слабых, остались только гиганты, гладкие и темношкурые.

Крепких молодых хватало, но Ренна поймала себя на том, что не сводит глаз со взрослой кобылы, стоящей особняком. Та, в черных и бурых пятнах, была на ладонь выше остальных. Она выглядела угрюмо, и другие лошади не покушались на ее обширную территорию.

— Как насчет той? — показала Ренна.

Жон хрюкнул:

— У тебя зоркий глаз, девочка. Большинство не видит ничего дальше уродливой масти. Это Буря. Споймал ее прошлым летом перед худшим ненастьем, какое видывал. Сильнее многих жеребцов, и ей всего пять годков. Сбежать пыталась столько раз, что я сбился со счета. Подойди к ней с уздечкой — ночь, да подойди к ней вообще! — и она покажет, на какую подлость способна. Укусила даже старого Облома, когда я свел ее к нему в загон посмотреть, не поладят ли.

— Уздечка не нужна. — Ренна перепрыгнула через ограду и пошла полем.

— Сказано же, лошадь опасна! — крикнул Жон вслед. — Ты понимаешь, что творишь?

Ренна отмахнулась и даже не потрудилась взглянуть в его сторону.

Буря не попятилась, когда Ренна приблизилась. Добрый знак. Казалось, кобыле все равно, но Ренна знала по наостренным ушам, что полностью завладела ее вниманием.

Она подняла пустые ладони.

— Я без узды. Мне она не по нраву, поэтому и тебя не заставляю.

Буря подпустила ее ближе, но, когда Ренна потянулась к холке, проворно щелкнула мощными челюстями. Ренна едва успела отдернуть руку до того, как откусят.

— А это лишнее! — цыкнула она и с силой хлопнула кобылу по носу.

Буря пришла в неистовство, встала на дыбы и взбрыкнула, но Ренна была начеку. Многомесячная охота на демонов и поглощение их магии сделали ее сильнее и быстрее, чем можно было мечтать, и сейчас, когда ее кровь вскипела, руки и ноги зацепало и она почувствовала привкус ночной силы — даже при свете дня.

Ренна выгнулась, как стебелек на ветру, ощутив дуновение воздуха, когда грозные копыта промахнулись на считанные дюймы. Обезумевшая кобыла снова и снова пыталась ее сокрушить. Мощными ударами. И быстрыми. Такими, что переломили бы хребет полевого демона.

Однако Ренна двигалась плавно и ровно, как в танце, и оставалась нетронутой. Так продолжалось какое-то время, Ренна гадала, кто сдастся первым. Новая сила в ее конечностях — лишь толика того, что она чувствовала ночью. Лошадь казалась неумолимой.

Но вот наконец удары Бури замедлились, и она напряглась всеми мышцами, готовая бежать. Ренна бросилась к ней, не дав пуститься вскачь, сгребла гриву в горсть и запрыгнула на голую спину.

Если раньше Буря пребывала в бешенстве, то теперь ее ярость утроилась. Она сражалась в полном согласии с кличкой, прыгая и извиваясь в полете, вставала на дыбы и галопировала кругами в попытке сбросить Ренну.

Но Ренна сидела прочно и не уступала. Она сомкнула руки на шее лошади — такой толстой, что еле удалось сцепить пальцы. Едва получился захват, могучая шея составила весь ее мир, превратилась в единственного противника. Все прочее потеряло значение.

Она призвала всю силу, какую могла собрать, и сжала.

Казалось, это продолжится вечно, но Буря в конце концов начала успокаиваться. Она перестала вставать на дыбы и побежала вокруг загона, приводя в исступление псов, другие лошади убирались с ее пути.

Ренна продолжала стискивать ее шею, медленно и уверенно, и вскоре даже галоп сменился норовистым кайтером. Ренна улыбнулась. Норовистость — это хорошо.

Она ослабила хватку, двумя руками вцепилась в гриву и с силой повела влево. И рассмеялась, когда Буря покорно свернула. Ренна обжала бока коленями, забрав гриву в кулак, вынула нож и шлепнула им плашмя по лошадиному крупу.

— Н-но!..

Буря рванулась вперед, пустилась галопом. Ренна зачехлила нож и взялась за гриву двумя руками. Дернуть в сторону — и можно свернуть, но Ренна дала лошади волю, возбуждаясь от ветра, что трепал длинную косу, и непрерывно сотрясаясь от неистовой скачки.

Она подалась вперед, придвинула губы к уху Бури:

— Ты принадлежишь ночи, девочка. Я не позволю тебе кончить жизнь, как Облом. Даю зарок.

Ренна направила лошадь обратно и резко остановилась у изгороди, где ждали Арлен и остальные.

— Выбрала, значит? — спросил Арлен. — Бурю?

Ренна кивнула:

— Но Буря — плохое имя. Я назову ее Зарукой.

Трапезы на ранчо Жеребца были семейным делом, а семьей считались все, вплоть до последнего работника и прачки, в целом больше тридцати человек. Даже собаки расположились на одеялах вдоль стен просторной столовой, готовые метнуться за обедками. Ренна и Арлен сели рядом с Жоном, Ником и Глин во главе длинного стола на козлах, заставленного снедью и кувшинами с водой и элем.

Жон читал молитву Создателю, а Ренна заметила, что кое-кто из работников таращится на меченое лицо Арлена. Даже сквозь речитатив Жона ее острый слух различил слово «Избавитель», шепотом произнесенное за столом. Пальцы погладили гладкую костяную рукоятку ножа.

Жон закончил молитву и выпрямился:

— Не ведаю о Тебе многого, но я проголодался! Так перейдем же к суетному.

Притихший стол пришел в движение, и тридцать едоков с усвоенной сноровкой передавали друг другу подносы с мясом, миски с овощами, хлебные корки и соусницы.

Все наполнили тарелки, смеясь и болтая по ходу еды и выпивки, а солнце тем временем садилось. Люди поглядывали на Арлена, однако он притворялся, будто этого не замечает, и уплел три порции. Он встал не раньше, чем опустели тарелки и раскурились трубки.

— Глин, обед был великолепен, как всегда, но нам пора в путь.

— Чушь, — возразила Глин. — Снаружи не видно ни зги. Ночуйте здесь, у нас полно комнат.

— Мы ценим выше гостеприимство, — ответил Арлен, — но впереди у нас много миль.

Глин надулась, но все же кивнула:

— Велю девочкам собрать кое-что в дорогу. Один Создатель знает, что за еда у вас в седельных сумках. — Она встала и направилась в кухню.

Арлен вручил Жону тугой кошель:

— За Заруку.

Жон покачал головой:

— Твои монеты здесь не нужны, вестник, после того что ты совершил для меня и моей родни. Ты спас не только мальчонку — твоих меченых стрел хватило надолго, чтобы всем спать спокойно.

Арлен тоже покачал головой:

— Наступают трудные времена, Жон. Беженцы из Райзона потоком текут на запад. Не надейся, что сюда не придет война. Красийцы положили глаз на Милн и дальше, а что касается подземников — народ дает им отпор, и не рассчитывай, что им это понравится. Они нахлынут в ночи всей ордой, особенно в новолуние.

Он силой вложил кошель в руки Жона:

— Золота у меня полно. Не вижу причины не заплатить за то, что беру. Я еще оставлю тебе пару меченых копий. Ты умен, привлечешь кузнецов и метчиков, чтобы сделать такие же и вооружиться до зубов.

Ренна тронула его за руку и, когда Арлен взглянул, умоляюще посмотрела ему в глаза:

— Забери и Облома! Негоже держать его взаперти. Он создан для ночи.

— Поспорить трудно, — согласился Арлен, — но нам придется в спешке проделать длинный путь, и у нас нет времени тащить до самой Лощины еще одного дикого мустанга.

Он глянул на Жона и отсчитал еще монет:

— Можешь выслать его следом?

— За мной куда больший долг, — ответил Жон, — но я не могу рисковать работниками, отправляя их в такое путешествие. Едва они встанут лагерем, Облом выдернет кол и порушит охранные круги.

Арлен кивнул:

— Я пришлю за ним лесорубов, как только доберусь до Лощины. Если кто и может справиться с таким огромным конем, то это они.

Они пустились вскачь по дороге. Сумеречному Плясуну пришлось сбавить обычную скорость, чтобы подстроиться под Заруку, но Ренна знала: нужно лишь подождать.

— Я разметила тебя, — шепнула она в ухо кобыле, — и это *ему* придется принаравливаться к *тебе*.

Зарука уже обзавелась подковами, которые Арлен пометил лично, как у Плясуна. На дорогу выступил лесной демон, и Ренна сбила его в громовом разряде магии. Затем остановилась, чтобы растоптать невезучую тварь, и расхохоталась, когда Зарука вышибла из демона жизнь и впервые вкусила магии. С новым рвением она понеслась за Плясуном, сокращая разрыв.

Незадолго до рассвета они разбили лагерь.

— Побудь с лошадьми, — попросил Арлен. — Мне нужно маленько восстановить силы.

И он растворился во мраке.

Ренна дала ему время исчезнуть — это заняло несколько вдохов. Затем снялась с места на собственную охоту. Невдалеке от лагеря она заметила полевого демона и превратилась в прежнюю безмозглую Ренну, всхлипывающую и задыхающуюся от страха.

Демон заурчал и пошел на приступ, но Ренна была начеку и повергла его на землю броском шарусака. Ее кулаки были исчерчены мощными метками, и она молотила выползня по голове, пока тот не затих.

Затем вытащила нож и, как и в прошлый раз, даже не подумала о том, чтобы приготовить мясо, съела его сырым, всосала ихор демона, как соус Глин. Вкус оказался еще гаже, но память о силе при свете солнца укрепила желудок Ренны.

Она утерлась и вернулась в лагерь, жуя дурнолист. Возвращение Арлена слышала, когда вырезала метки на копытах Заруки.

— Он не узнает, что я сделала, — поделилась с нею Ренна. — Вовек не узнает. И даже если проведает, то что? Арлен Тюк мне не указ, сговорены мы или нет.

Это прозвучало довольно правдиво, но все равно показалось ложью.

Когда Арлен появился, Ренна вздернула подбородок. Он так лучился магией, что ей пришлось прикрыть меченые веки. Она поняла, почему его считали Избавителем. Бывали времена, когда и сам Создатель так не сиял.

Глава 3

Овсюжники

Лето 333 П. В.

27 зорь до новолуния

На следующий день они скакали по разбитой дороге вестников, разговаривали мало. Арлен надвинул от солнца капюшон, но Ренна знала — на его лице написана досада.

«Что за спешка и что за важные дела у Арлена в Лощине Избавителя?»

Она понимала, что это связано с девушкой. С Лишей Свиток. Ее имя прицепилось к Ренне, как клещ. Когда Ренна впервые спросила, кем ему приходится Лиша, Арлен уклонился от ответа, но тогда они не были сговорены и она не имела права настаивать. «Пожалуй, пора повторить», — подумала Ренна.

— Берегись! — крикнул Арлен на крутом повороте.

Путь преградила перевернутая телега, и объехать ее не позволяли густые кусты с обеих сторон. Ренна стиснула коленями бока Заруки и с силой дернула за гриву. Огромная лошадь заржала, встала на дыбы и неистово взбрыкнула; Ренне осталось только крепче держаться. Арлен весело наблюдал за нею с Сумеречного Плясуна, который уже встал как вкопанный и успокоился.

— Я пообещала, что не будет узды, — напомнила Ренна кобыле, когда та наконец утомилась. — О седле речи не было. Подумай об этом.

Зарука всхрапнула.

— Эй, рачитель! Пособил бы ты нам! — крикнул седобородый человек и махнул им старой расплющенной шляпой.

Он и еще один тип стояли за телегой и толкали, а костлявая кляча вытягивала спереди.

— Дай-ка я разберусь, Рен, — пробормотал Арлен и выдвинул Сумеречного Плясуна вперед Заруки.

— Что случилось? — окликнул он неизвестных.

Человек подошел к ним, снова сняв на ходу шляпу и грязной рукой утер со лба пот. Его волосы и борода были сплошь седыми, глубокие морщины забились пылью.

— Застряли в гнилой грязище! Не одолжите большую лошадь, чтобы выбрались?

— Прости, не могу, — ответил Арлен, изучая окрестности.

Тот уставился на него:

— Что значит «не могу»? Что же ты за рачитель?

Ренна взглянула на Арлена, удивленная его грубостью по отношению к попавшему в беду седобородому.

— Плясун их вытащит в два счета.

Арлен покачал головой.

— Телега не застряла, Рен. Это старейший трюк из разбойного справочника. — Он засопел. — Не думал, что им еще пользуются.

— Разбойники? Честное слово?

Ренна огляделась, на сей раз ночными глазами. Отрезаны невесть где середь бела дня — в час, когда они слабее всего. Грязь даже не доходила до щиколоток незнакомцев, а в кустах по обе стороны дороги могли запросто скрываться другие. Ее пальцы потянулись к ножу, но Арлен подал упреждающий знак, и клинок остался в ножнах.

— Мало нам демонов в ночи, — продолжил Арлен. — Еще и люди нападают друг на друга днем!

— Что за нелепица! — воскликнул седобородый, но попятился.

И Ренна так отчетливо увидела в его глазах ложь, что подивилась, как не заметила раньше. То, что дневной народ, даже престарелый, бывает не лучше демонов, не было для нее новостью. До седины дожили и Харл, и Рэддок Стряпчий.

Человек за телегой на миг пригнулся и скрылся из виду, после чего нарисовался снова с арбалетом в руках. Двое, с охотничьими луками, вышли из кустов и взяли их на прицел. Сзади, из-за поворота, появились еще трое с копьями, перекрыв путь к отступлению. Все, как один, костлявые, с темными кругами вокруг глаз и в обносках.

Безоружен был только седобородый.

— Я никого не хочу забидеть, рачитель, — произнес он и надел шляпу, — но времена отчаянные, а у тебя больно солидный груз для рачителя и его...

Он прищурился на Ренну. Она держалась в тени, и меток на коже не было видно, но возмутительный покррой ее одежды не укрылся ни от кого. Мужчина с арбалетом негромко присвистнул и подался вперед, чтобы взглянуть поближе.

— Не вздумай, Донн, — предупредил седобородый, и арбалетчик опомнился.

Седобородый снова зыркнул на Арлена:

— В любом случае мы заберем у вас всю еду, одеяла и снадобья, не говоря уже о больших лошадках.

Ренна взялась за нож, но Арлен только хохотнул:

— Поверь мне на слово, ты не захочешь этих лошадок.

— Не учи меня, чего мне хотеть, рачитель, — окрысился седобородый. — Создатель давно нас покинул. Слезайте, пока мои люди не понаделали в вас дыр.

Арлен в мгновение ока спрыгнул с Сумеречного Плясуна. Ренна едва успела моргнуть, а он уже подскочил к седобородому, скрутил старика удушающим захватом шарусака и поставил между собою и лучниками.

— Я, как ты выразился, тоже не желаю никого «забидеть», — признался Арлен. — Хочу лишь продолжить путь. Так что скажи своим людям...

Речь оборвалась: лучник выстрелил. Ренна задохнулась, но Арлен поймал стрелу в воздухе, как проворный малый ловит слепня.

— Она скорее летела в тебя, а не в меня, — заметил Арлен, держа стрелу перед седобородым.

Затем отшвырнул ее.

— Недра тебя заberi, Брайс! — заорал седобородый. — Убить меня хочешь?!

— Виноват! — крикнул Брайс. — Сорвалась!

— «Сорвалась»!.. — буркнул старик. — Помоги нам Создатель.

Пока все глазели на лучника, один из копейщиков крался к Арлену сзади. Для дневного народа он был достаточно ловок, но Ренна не стала бить тревогу. По позе Арлена она поняла: он знает об опасности за спиной. И даже приманивает.

Едва копейщик прыгнул, Арлен оттолкнул седобородого. Копье прошло над головой Арлена, хотя должно было выйти из горла. Арлен перехватил древко, нагнувшись с поворотом так, что инерция нападавшего обратилась против него самого, и вот копейщик тяжело грянулся на спину. Арлен, теперь вооруженный копьем, поставил ему ногу на грудь и посмотрел на остальных.

В схватке его капюшон слетел, и люди разинули рты.

— Меченый, — произнес Брайс, разбойники принялись перешептываться.

Чуть погода седобородый присмирел.

— Выходит, это тебя зовут Избавителем, — прищурился он. — По мне, так не похож.

— Я никогда и не называл себя так, — ответил Арлен. — Я Арлен Тюк из Тиббетс-Брука, а избавлять намерен исключительно от дурных манер — тех, кто не начнет сию секунд вести себя по-товарищески.

Седобородый посмотрел на него, потом на своих людей. Махнул — и они перестали целиться, устались на Арлена, который испепелял их взглядом, как делала мать Ренны, когда заставляла девчонок за озорством и собиралась задать им взбучку.

Не выдержал долго даже седобородый. Он снова вытер пот с обветренного лба и смял шляпу.

— Извиняться не буду, — заявил он. — У меня семеро по лавкам есть просят, и люди нуждаются в помощи. Я накуролесил, но не из жадности и не со зла. Человек забывается, когда подолгу мается на дороге, а пойти ему некуда.

— Знакомая история, — кивнул Арлен. — Как тебя зовут?

— Варли Овес, — ответил седобородый.

Арлен снова кивнул:

— Ты, стало быть, из Овсюга? Три дня пути на север от Форта Райзон, за Желтыми Садами?

Варли выпучил глаза, но признал его правоту.

— Ты далеко забрался от Овсюга, Варли, — заметил Арлен. — Сколько времени проторчал на дороге?

— Почти три сезона. С тех пор как красийцы взяли Форт Райзон, — ответил Варли. — Я понял, что следом пустынные крысы заявятся к нам, и велел народу паковать все, что нажили, да сниматься с места.

— Ты городской гласный?

Варли рассмеялся:

— Я был рачителем. — Он пожал плечами. — Наверно, им до известной степени и остался, хотя сомневаюсь, что сверху это кто-нибудь видит.

— Тоже знакомое чувство, — кивнул Арлен.

— Вот и подался в бега весь поселок Овсюг, — продолжил Варли. — Шестьсот человек. У нас были травницы, метчики, даже отставной вестник во главе. Полно припасов. Честное слово — мы взяли больше, чем могли унести. Но все быстро изменилось.

— Как всегда.

— Пустынные крысы прибыли быстро, и всюду шныряли их разведчики. Убегая, мы потеряли много людей, а зимой — еще больше. В конце концов красийцы прекратили нас преследовать, но до Лактона никто не чувствовал себя в безопасности.

— Но в Лактоне вас не приняли, — догадался Арлен.

Варли помотал головой:

— К тому времени мы малость поистрепались. Если на неделю разбивали лагерь в парующем поле или малость рыбачили в их пруду, на это смотрели сквозь пальцы, но никто не собирался впускать в город пятьсот чужаков. Обвинили бы при случае в краже, и не успели бы мы оглянуться, как весь город погнал бы нас в шею мотыгами и граблями. Оттуда мы подались в Лощину, где райзонцев принимали тысячами, но тамошний люд жевал кору и выкапывал жуков, только бы брюхо набить, а лесорубы шерстили лагеря беженцев в поисках рекрутов, чтобы те поубивались в открытой ночи. Некоторые из нас лишились всего стараниями красийцев, а нам еще предлагали взяться за демонов? Да никого бы и не осталось.

— И вы отправились на север, — подхватил Арлен.

Варли пожал плечами:

— Это представлялось самым разумным. На мне еще висело триста душ. В Лощине нам дали пару меченых копий и еще помогли, чем сумели. В Крестьянском Пне не были и наполовину так любезны, а гады из Форта Энджирс мигом нас завернули. Я слышал, что работенка может найтись в Ривербридже, но там оказалось не лучше. Набито битком. И вот мы здесь, и деваться нам некуда.

— Покажи ваш лагерь, — предложил Арлен.

Разбойник какое-то время смотрел на него, затем кивнул и повернулся к своим людям. Телегу мигом убрали из грязи, и вскоре все сошли с дороги на узкую лесную тропу. Арлен спешил и повел Сумеречного Плясуна в поводу. Ренна поступила так же, направляла Заруку, положив ладонь на ее могучую шею. Кобыла била копытом и всхрапывала при каждом приближении постороннего, но постепенно привыкала к прикосновению Ренны.

Прошло больше часа, прежде чем показался лагерь овсюжников, надежно спрятанный подальше от дороги. У Ренны расширились глаза при виде убогого скопления наспех залатанных палаток и крытых фургонов, среди которых густо воняло потом и фекалиями. Там собралось душ двести. Люди Варли, сами одетые в лохмотья, казались сливками общества.

По лагерю бродили женщины, дети, старики — измученные, грязные и полуголодные. Многие ходили в бинтах, а ноги у большинства были обмотаны тряпьем. Трудились все — чинили и метили ветхие укрытия, следили за котелками с овсянкой, сушили белье и скребли посуду, собирали хворост, сооружали меченые столбы, присматривали за худосочной скотиной. Без дела лежали только больные и раненые, ютившиеся под дрянным дождевым навесом. По лагерю звучно разносились их стоны.

Арлен повел через него Сумеречного Плясуна, деревеня при встрече с потухшими и усталыми взглядами. Местные дрогнули, когда увидели его меченое лицо, и принялись перешептываться, но никто не отважился к нему подойти.

Возле убежища для больных Ренну затошнило, как от мяса демонов. На узких походных койках распростерлось десятка два человек — в окровавленных бинтах, зловонные и грязные. Двое испражнились под себя, еще один лежал в собственной блевоте. Никто не выглядел жильцом.

За всеми сразу пыталась ухаживать одна-единственная изможденная женщина. Ее седые волосы были собраны в тугий пучок, на худом лице застыло страдальческое выражение. Поверх заношенного платья не оказалось даже фартука с карманами.

— Создатель, у них даже толковой травницы нет!.. — шепнул Арлен.

— Это моя жена, Еви, — буркнул Варли. — Она не травница, но заменяет ее для тех, кому нужно.

Еви подняла взгляд, ее глаза потрясенно округлились при виде меченой кожи Арлена и Рейны.

Арлен подошел к седельной сумке, взял мешок с травами:

— Я немного владею искусством травниц, особенно когда речь идет о ранениях, нанесенных подземниками. Рад помочь, чем могу.

Еви упала на колени:

— О, прошу тебя, Избавитель! Мы что-нибудь да сделаем!

Арлен свел брови в приступе гнева.

— Начни с того, что не веди себя как дура! — процедил он. — Я не Избавитель. Я Арлен Тюк из Тиббетс-Брука и просто хочу помочь.

У Еви был вид, будто ее ударили. Бледные щеки зарделись, она быстро поднялась.

— Прошу прощения... не знаю, что на меня нашло...

Арлен сжал ей плечо:

— Ты не обязана объяснять. Я знаю про кабацкие байки, которые рассказывают обо мне жонглеры. Но говорю тебе: я такой же человек, как все, и попросту научился кое-каким фокусам старого мира, ныне забытым.

Еви кивнула, посмотрела ему в глаза и расслабилась.

— Милях в шестидесяти севернее находится деревня Мертвый Колодезь, — обратился Арлен к Варли. — Я могу нарисовать приличную карту с указанием мест, где можно разбить лагерь по пути.

— С какой же стати нас примут в Мертвом Колодезе лучше, чем где-то еще? — спросил Варли.

— Потому что в Мертвом Колодезе никого не осталось. Подземники прорвались и перебили всех мужчин, женщин и детей. Но мы там только что побывали и хорошо зачистили местность. Сперва будет тесновато, однако в поселке есть все, чтобы начать жизнь заново. Главное, замуруйте старый колодец и выкопайте новый.

Варли разинул рот:

— Ты... отдаешь нам деревню?

Арлен кивнул:

— Я часто в нее навещался. Это было особое место. Мне бы хотелось, чтобы оно вновь стало домом для хороших людей. — Он многозначительно посмотрел на Варли. — Для людей, которые не жалуют разбойный промысел.

Варли не выглядел убежденным.

— В Каноне сказано: «Не доверяй человеку который в минуту острейшей нужды предложит все, чего ты желаешь».

Арлен улыбнулся:

— Создатель покинул тебя, но рачитель Варли не может не цитировать Канон?

— Мир полон противоречий, — усмехнулся тот.

— В Мертвом Колодезе вам будет никак не хуже, чем здесь, — заверил Арлен. — Ваши

метки слабы. Мне было достаточно пройти мимо, чтобы оценить.

Варли кивнул и сплюнул:

— Метить ограду некому, только больничные койки. Народ старается, как может, расписать хотя бы палатки и телеги.

Арлен кивком указал на Ренну:

— Это Ренна Таннер, моя суженая. Она мастерица ставить метки. Кликни своих людей, и проведите ее по лагерю. Подскажете сами, чем вам помочь.

Еви склонилась перед Ренной:

— Твоя помощь — истинное благословение.

Ренна с улыбкой схватила Арлена за локоть:

— Прошу прощения, мы на минутку, — и увлекла Арлена назад, к лошадям и дальше. — Что за шутки, Арлен Тюк? — спросила она. — Мне пришлось царапаться и кусаться, чтобы с твоего позволения пометить собственный зад, а теперь ты доверяешь мне расписать целый лагерь?

Арлен взглянул на нее:

— Хочешь сказать, что не готова? И я не должен тебе доверять?

Ренна уперла руки в боки:

— Не смей так говорить.

— Тогда о чем речь? — недоумевал Арлен. — Свет меркнет, и ты должна любой ценой укрепить их метки. Страдай местных, выбивай из них дурь, если понадобится, но дело сделай. Возьми несколько копий и меченых стрел, раздай всем, кто в состоянии воспользоваться.

Ренна моргнула. Раньше ей доверяли метить разве что хлев. Да и вообще не поручали ничего, кроме дойки и стряпни. И вот Арлен Тюк не колеблясь превратил ее для этих людей в Селию Пустоцвет.

«Я люблю тебя, Арлен Тюк».

Ренна вскоре увидела, что метки даже хуже, чем они с Арленом опасались. Правильным кругом лагерь и вовсе не был окружен. Овсянники как попало рассеялись по поляне, отдельно и с разным уровнем мастерства пометили свои телеги, фургоны, палатки. Лучшие метки еле-еле дотягивали до годных.

— Сколько народу вы теряете еженощно? — спросила она.

— Слишком много, — со злостью ответил Варли. — И с каждой ночью все больше.

— Если оставаться на одном месте, то с каждой ночью и будет становиться только хуже, — объяснила Ренна. — Такой большой лагерь, где пахнет кровью и страхом, притягивает подземников, как яблочная кожура муравьев.

Варли сглотнул.

— Не по душе мне твои слова.

— И не должны быть. Делай что хочешь, но завтра все эти люди должны выступить в Мертвый Колодезь.

Ренна остановилась перед телегой, окруженной врытыми в землю мечеными столбами.

— Столбов-то порядочно, — заметила Ренна.

Варли кивнул:

— Это наш метчик понаделал до того, как его разорвали. Поначалу хватало, чтобы окружить лагерь, но нескольких мы лишились, а заменить не смогли.

— Будь добр, выдерни их все и отнеси на край поляны. — Ренна показала, куда. — Мы окружим самые большие фургоны и поставим столбы в промежутках. Лагерю придется сильно ужаться и поместиться внутри.

— Людям не понравится, если мы повыдергиваем их столбы, — возразил Варли.

Ренна наградила его тяжелым взглядом:

— Не думай о том, что им понравится, седая борода. Или тебе. Если хочешь потерять нынче меньше, лучше сделай, как я говорю, и управься до заката.

Мохнатые брови Варли разъехались, он снова снял шляпу и принялся ее терзать.

— Ладно-ладно.

— Мне нужна краска, — продолжила Ренна. — Сгодится любая; чем темнее, тем лучше, да побольше. И столбы вот такой высоты.

Она показала ладонью.

— Как можно больше. Рубите живые деревья, если придется. Все это понадобится только на последнюю ночь перед уходом в Мертвый Колодезь.

— Донн! — кликнул Варли. — Собери столбы. Всех несогласных посылай ко мне.

Донн кивнул и ушел, захватив с собой несколько человек.

— Брайс, — позвал Варли, — краску сюда. Живо!

Тот убежал, а Варли обратился к остальным:

— Свежие столбы. Разломайте все, что понадобится. — Он выжидающе оглянулся на Ренну.

— Фургоны нужно переставить до того, как я начну вкапывать столбы, — сообщила она, — то есть сейчас.

Варли кивнул и пошел толковать с владелицей телеги.

— Да мы же в самую помойку угодим! — расстроилась та.

— Тебе куда больше хочется — в помойку или демону в брюхо? — осведомился Варли.

Ренна вернулась к Арлену, когда почти стемнело. Отдельным пациентам импровизированной больницы чутко полегчало, но многие по-прежнему сильно страдали. Арлен стоял на коленях подле койки и держал за руку юную девушку. Другая ее рука заканчивалась на уровне локтя бинтом, который пропитался изжелта-бурым гноем. Половину лица, все еще воспаленную и красную, покрывала мокнувшая короста после ожогов от огненных плевков. Кожа была мертвенно-серой, дыхание — поверхностным. Глаза закрыты.

— Демонова лихорадка, — доложил Арлен, не глядя на Ренну. — Огненный демон откусил ей руку и вызвал жуткое заражение. Я дал ей снадобий, какие знаю, но болезнь зашла слишком далеко; сомневаюсь, что ее развитие хотя бы замедлится.

Боль в его голосе резанула Ренну, но она приняла это чувство и дала ему раствориться. Работа осталась, и ее придется выполнить.

Арлен окинул взглядом других больных.

— Пару я, может, и спас, но у меня кончились травы, а в большинстве случаев и навыков всяко не хватит. — Он вздохнул. — По крайней мере, при свете дня.

— Ты зря сегодня распетушился, — покачала головой Ренна. — Начнешь исцелять людей в ночи, и историям про Избавителя не будет конца.

Арлен взглянул на нее, по его лицу текли слезы.

— А что прикажешь делать? Оставить их умирать?

Ренна смягчилась:

— Конечно нет. Я просто напоминаю, что приходится платить.

— Платить приходится всегда, Рен, — отозвался Арлен. — Во всем этом виноват я.

Он обвел рукой лагерь овсюжников:

— Я это допустил.

— И как же? — вскинула брови Ренна. — Ты вытурил людей из домов?

Арлен помотал головой:

— Разбудил демона, который это сделал. Нельзя было приносить Копье в Красию.

Нельзя было доверять Джардиру.

— Какое Копье? Кто такой Джардир?

— Мозговой демон был готов на убийство ради ответа на эти вопросы. Ты точно хочешь знать?

— Демоны ничем другим и не занимаются, кроме убийств, — напомнила Ренна и показала на свою метку против мозгового демона, нарисованную воронцом на лбу. — И эти головастые твари больше не заползут в мой череп.

Арлен кивнул:

— Джардир — предводитель красийцев. Я познакомился с ним давным-давно, мы стали друзьями. Ночь, да больше чем друзьями! Он научил меня половине того, что я знаю, и много раз спасал мне жизнь. Я не любил бы сильнее даже родного брата. — Арлен сжал кулак. — И все это время он готовился вонзить мне в спину нож.

— Что случилось?

— Я обзавелся на черном рынке картой затерянного в пустыне города, который считался родиной Каджи.

— Что за «черный рынок»? — не поняла она. — Открыт только ночью?

Арлен улыбнулся, но не весело.

— Так и знал, что ты это подумаешь. «Черный рынок» означает, что я купил краденое.

Ренна нахмурилась:

— Это не похоже на Арлена Тюка, которого я знаю.

— Гордиться нечем, — согласился он, — но я вел дела со многими темными личностями, с тех пор как покинул Тиббетс-Брук. Варли — честняга по сравнению с ними. Бывает, выйдешь за метки, а там только такие и шастают.

Ренна хмыкнула:

— Итак, ты раздобыл карту этого места, Каджи. Что дальше?

— Каджи не место, — поправил Арлен. — Это человек. Последний полководец времен войн с демонами. Избавитель, если ты веришь в такие вещи.

Ренна расхохоталась:

— Ты, Арлен Тюк, открыл охоту на Избавителя? Я поняла: ты плетешь историю для пивной.

— Я охотился не за Избавителем, — огрызнулся Арлен. — Я искал его метки. И нашел их, Рен. Избавитель Каджи или нет, но я разыскал его гробницу и забрал его Копье. В мир вернулись древние боевые метки, призванные разить подземников! Я принес Копье Джардиру, и у него хватило духа заявить, что я его украл. Что оно принадлежит ему. Я предложил сделать копию, вплоть до последней метки, но это его не устроило.

Арлен глубоко вздохнул и некоторое время дышал размеренно, беря себя в руки. Ирония в том, что облегчение приносила красийская техника медитации, но Ренна и ей была рада.

— Что он сделал? — спросила она чуть погодя.

— Отнял Копье в ночи. Подготовил ловушку и улыбнулся, когда его люди швырнули меня в яму на растерзание демонам. Теперь он идет на север, намереваясь поработить нас всех для новой войны с демонами.

— Так убей его, и делу конец, — предложила Ренна. — Есть люди, без которых мир только чище.

Арлен вздохнул:

— Иногда мне кажется, что он станет чище без меня.

— Что? — изумилась Ренна. — Ты же не можешь всерьез сравнивать себя с этим....

— Я не оправдываю Джардира, — перебил ее Арлен. — Но как ни стараюсь, не могу не думать, что ничего не случилось бы ни с тобой, ни с райзонцами, ни с кем другим, сдержи я наш зарок и останься на ферме. Все ждут, что я наведу порядок, но как мне это сделать, если я же все и испортил?

Ренна стиснула зубы и вlepила ему пощечину Потрясенный Арлен отшатнулся. Еви и больные обернулись на звук, но Ренна оставила их без внимания.

— Не надо удивляться, Арлен Тюк, — сказала она. — Ты сам велел мне выбивать дурь из всех, кто не занят метками, а сейчас почти темно. Я не видела, чтобы ты творил иных дел, кроме правых, и нам некогда вникать в эту ахинею.

Арлен встряхнул головой, проясняя мысли, и неожиданно улыбнулся:

— Я люблю тебя, Ренна Таннер.

Ренна затрепетала от восторга, но приняла это чувство и позволила ему миновать. Предстояли дела.

— Мы пошарили и заготовили достаточно столбов, чтобы на три четверти окружить лагерь. Для замыкания цепи пришлось рисовать метки в пыли.

— Никогда не полагайся на пылевые метки, — напомнил Арлен.

— Я не дура. Выставила посты с мечеными копьями, но половина людей Варли спит на ходу и только придушивается, а другая — готова обмочиться от страха.

Арлен кивнул, тень его кривой улыбки вернулась.

— Не волнуйся. С этим я справлюсь.

Ренна привела его к дозорным постам. Там, как она и сказала, маялось полдюжины человек с новенькими мечеными копьями в дрожащих руках, а вторая группа, разбойники Варли под командованием Донна и Брайса, устроилась на земле играть в шарак. Их меченое оружие лежало, полузабытое, рядом. Все фургоны и меченые палатки были закрыты, но у многих людей не нашлось и такого убежища, и они со страхом следили за садящимся солнцем. Варли стоял невдалеке, все еще безоружен. И по-прежнему мям свою шляпу.

При появлении Арлена лагерь зашептался, кое-кто даже приотворил ставни в фургонах и отвел пологи палаток.

Арлен направился к людям Варли и пинком выбил из руки Донна стаканчик с костями.

— Эй, в чем дело? — взвился тот.

— Солнце садится, а ты играешь в кости — вот в чем дело, — прорычал Арлен.

— Ты спятил, Донн, перечить Избавителю? — подал голос Брайс.

— Он не Избавитель, — возразил Донн. — Сам сказал. — И повернулся к Арлену. — До захода солнца еще десять минут, а метки — вот они, в пыли, не проглядишь.

— Нельзя доверять пылевым меткам, — отрезал Арлен.

Донн посмотрел на небо:

— Дождь вроде не собирается.

— Тебе надо печься не только о дожде. — Арлен изучал метки. — Пылевую метку может стереть что угодно.

С этими словами он выставил обутую в сандалию пятку и стер целый ярд тщательно нарисованных Ренной меток. Ренна ахнула, но Арлен рассмеялся, глядя, как дозорные вскакивают и расхватывают оружие.

— Что, десять минут уже не кажутся долгим сроком? — осведомился он зычно, чтобы слышал весь лагерь.

— Создатель, да ты рехнулся? — крикнул Варли, но Арлен проигнорировал его и снова устремился к игрокам в кости.

Он кивнул Донну, уже стиснувшему новое меченое копье. Другие тоже поспешили взяться за меченое оружие.

— Вот теперь вы проявляете уважение к наступающей ночи.

Донн испепелил его взглядом:

— Лучше бы тебе оказаться Избавителем, потому что иначе ты буйнопомешанный.

Арлен улыбнулся и подступил к остальным, которые ужаснулись вдвойне, — и было от чего. Стемнело достаточно, чтобы ожило меченое зрение Ренны. Из почвы засочились люминесцентные клочки магии, невидимые другим; они собирались в тени и укреплялись против света. Вскоре дороги в Недра откроются полностью — и демоны восстанут.

Жеред, которому едва исполнилось шестнадцать, так сжал копье, что побелели костяшки пальцев.

— Почто ты это сделал? Я не хочу умирать!

— Все умирают, — возразил Арлен. — Как умереть — вот что важно. Ты хочешь погибнуть из-за того, что слишком перетрусил, чтобы защититься? Хочешь, чтобы твоя семья погибла из-за того, что у тебя затряслись колени, когда пришла пора ее защитить? Или хочешь забрать с собою подземника? Может, даже не одного?

— Ты, парень, решил для убедительности запустить в лагерь демонов? — Варли в гневе указал на силуэты, которые сгущались на краю поляны, окутанные мраком.

— В этот лагерь не проникнет ни один демон, — пообещал Арлен и сделал глубокий вдох.

Ренна увидела, как мягкий светящийся туман, клубившийся у его ног, метнулся к нему, словно дым в кузнечные мехи. Воздух вокруг Арлена потемнел, когда он впитал магию, и вновь прояснился, когда ожили и зажглись накожные метки. Это увидели даже непомеченные глаза овсюжников, и все вокруг ахнули, как один.

Полевой демон сгустился и ринулся к бреши. Где-то в лагере взвизгнула женщина. Арлен взмахнул рукой, рисуя в воздухе большую метку. Она вспыхнула, едва демон достиг цели, и тварь с хрустом остановилась в прыжке. Магия спружинила, отшвырнув демона от лагеря.

— Создатель!.. — прошептал Варли.

— Не одолжишь копье? — обратился Арлен к Жереду и выхватил оружие из безжизненных пальцев паренька.

Арлен шагнул за метки и указал копьем на восстанавливающегося демона.

— Посмотрите, как бьется полевой демон! — объявил он громко, чтобы слышали все. — Когда он стоит на четырех, на свете нет никого быстрее, а острая чешуя выдержит удар даже меченого копья...

Демон бросился на него, но Арлен проворно посторонился и врезал ему тупым древком. Ударные метки вспыхнули и опрокинули демона на спину.

— Но сбейте его с ног — и откроется брюхо, где нет брони. — Он с силой вонзил копьё демону в грудь.

Пока он говорил, Ренна приготовилась сразиться с очередным сгущавшимся демоном. Она вдохнула, как Арлен, стремясь напитаться магией. Воздух не потемнел, но Ренна могла поклясться: она что-то почувствовала. Дневная усталость прошла. Она обрела силу.

Полевой демон ударил ее лапой, как хлыстом, но Ренна засекла движение и упредила сверкнувшие когти. Не дав твари опомниться, она метнулась стрелой и захлестнула на горле демона бусы. Метки на речных камешках зажглись и врезались в плоть. Демон попробовал взвыть, но издал только хриплый стон. Ренна, пока он катался и корчился, сжимала его ногами, предусмотрительно подобрав их и держа подальше от когтей. Еще секунда — и полыхнула магия, бусины резко высвободились, а голова демона откатилась. Ренна извлекла нож Харла и принялась следить за другими демонами, которые подкрадывались, покуда Арлен продолжал урок.

Арлен пришел к больничной палатке под утро. Все овсюжники спали, кроме дозорных, которые патрулировали метки. Ренна расписала последние столбы, и Арлен вручил Варли карту с указанием маршрута до Мертвого Колодезя. Над поселковым колодцем нарисовал маленький череп.

— Ты уверен, что должен это сделать? — спросила Ренна.

Арлен кивнул:

— Я не могу закрыть на это глаза, Рен.

— Не сомневаюсь. Тогда делай быстро, пока никто не видит.

Арлен опустился на колени подле безрукой, умирающей от демоновой лихорадки девушки и начертил в воздухе метки. Девушка резко вдохнула, когда сквозь нее пронеслась магия, и снова обмякла. С лица исчезли краснота и пузыри, кожа обретала здоровую бледность.

— Откуда ты все-таки знаешь целебные метки? — поинтересовалась Ренна. — Вытянул из сознания демона?

— Вроде того, — отозвался Арлен. — Это не совсем целебные метки. Тело желает себе добра и знает, как исцелиться. Метки лишь придают ему сил, чтобы ускорить процесс.

Арлен переходил от пациента к пациенту, действовал быстро. Он зарядился энергией, насколько смог, но лечение стремительно высасывало ее. Вскоре его зашатало. Наконец он полуприкрыл глаза и споткнулся.

Ренна поддержала его.

— Довольно, — шепнула она. — Ты сделал все, что мог. Хочешь себя убить, чтобы вылечить остальных?

— Оно подкрадывается, — произнес Арлен. — Сейчас неуязвим, а через секунду, глядишь, сморил сон. Мне надо усвоить свои пределы.

Он глубоко вдохнул, и клубящийся магический туман вновь потянулся к нему. Метки засияли ярче, но это было ничто по сравнению с мощью, которую он излучал минутами раньше. Он выглядел измученным, под глазами залегли темные круги.

— Пора уходить, — сказала Ренна.

Они проскакали несколько миль, прежде чем Ренна остановила кобылу. Арлен увидел, что она отстала, и развернул Сумеречного Плясуна.

— Ступай, — произнесла Ренна.

— Что?

— Поохотиться на что-нибудь. Еще не рассвело, а тебе, чтобы взбодриться, мало воздушной магии. Не время для церемоний.

Арлен склонил голову набок, изучая Ренну, и слабо улыбнулся на привычный манер.

Ренна осталась невозмутима. Она указала в сторону от дороги вестников, на равнины:

— Иди.

Он кивнул и направил Сумеречного Плясуна прочь с дороги, в траву. Ренна дождалась, когда он скроется из виду, после чего повернула Заруку и помчалась обратно тем путем, каким они прибыли.

Время поджигало, но Ренне много и не надо. Лесной демон, которого она заметила минутами раньше, еще хоронился за толстым деревом, чей ствол и спрятал его от меченых глаз Арлена.

Она подогнала Заруку к дереву и понудила лягаться; меченые копыта разили демона, как молнии, тот завертелся юлой и рухнул на землю.

Ренна легко соскочила с лошади, извлекла нож Харла.

«Арлен суров к себе».

Демон извивался, когда она приступила к нему. Его магия уже залечивала раны. Через считанные секунды он сможет напасть вновь, но у подземника не осталось секунд. Броня лесного демона — толстая грубая шкура в узлах и наростах поверх выступающих тяжелых костных пластин. Участки между последними — самые уязвимые. Ренна ударила, развела грудные пластины и вырезала сердце до того, как оно перестало трепыхаться.

«Он бы продолжил лечить людей, пока не умер бы сам. Постоянно рвешься отдать за кого-то жизнь, Арлен Тюк. За многие годы ты в этом не изменился».

Казалось, Арлен досадовал, не будучи в силах найти на убой достаточно крупного демона, и никакое бремя не было для него чрезмерным. Он будет искать, пока не отыщет, стремясь принять смерть по-красийски.

Ренна впилась зубами в сердце демона. Оно воняло и горчило, скользкое от черного ихора, липкое и жесткое. Оно лопнуло, когда ее зубы сомкнулись, и рот наполнился жидкостью еще более мерзкой. Ренна считала, что хуже вкуса не бывает, пока не срыгнула и желчь не затопила полупережеванное сердце демона, не хлынула в ноздри. Отчаянно захотелось выплюнуть жуткую смесь и опорожнить желудок, но, вместо этого, она стиснула зубы.

«Арлен не может найти здесь смерть, он будет искать ее в Недрах, и я не пушу его одного. Я обещала быть с ним и не превращаться в обузу».

Ренна глотнула и дала волю слезам. Она приняла тошноту, объезжая ее, как объезжала Заруку — забыв обо всем на свете и сдерживаясь, пока желудок наконец не унялся. Тогда она откусила еще.

Когда вернулся Арлен, восстановивший свое свечение, она уже взяла себя в руки. Темные круги под его глазами исчезли, движения вновь стали быстрыми и отточенными. И в нем выиграла кровь. Она слышала это по дыханию и увидела трескучую магию, что окружила его и принесла с собой первобытные желания, которые не так легко подавить.

Она испытывала во многом то же самое. Только предельная концентрация позволила

сосредоточиться на метках, которые она рисовала на пятнистой шкуре Заруки. Кобыла хлестала Ренну хвостом, но не кусалась и не отходила.

— Прибавилось силенок? — спросила Ренна.

Арлен кивнул:

— Правда, на душе все так же пусто. Заряжен и изнурен одновременно. Но я оклемаюсь. Впереди долгий путь, и я не хочу останавливаться до самой Лощины. — Он указал вперед. — Эта тропа выведет нас на восток к дороге на Старохолмье. Ее забросили лет девяносто тому назад, когда подземники разорили Форт Хилл. По ней мы напрямик и без помех доберемся до Лощины. Будем ехать всю завтрашнюю ночь и доберемся к полудню следующего дня.

Ренна кивнула:

— Кем тебе приходится Лиша Свиток?

Арлен ритмично вздохнул три раза — вернейший признак того, что он принимал какое-то чувство или воспоминание, однако понять их было невозможно.

— Лиша Свиток — травница из Лощины Избавителя, но больше похожа на Селию Пустоцвет из Брука. Люди вытягиваются перед нею по струнке. Трактирщик из Ривербриджа сообщил, что Джардир похитил ее из Лощины и силком уложил в постель. Нужно выяснить, так ли это. Если сумею, возьму след. Если Джардир ее хоть пальцем тронул, я убью его.

Ренна улыбнулась:

— Иначе ты не был бы мужчиной моей любви. За то, что он сделал с тобой, меня и саму подмывает его убить.

— Даже не пытайся, Рен, — предостерег Арлен. — Ты ему не ровня, и не важно, чему научилась. Мы еще не родились на свет, а Джардир уже воевал с демонами.

Ренна пожала плечами:

— Ты не ответил на мой вопрос. Я не спросила, кто такая Лиша Свиток. Я поинтересовалась, кем Лиша Свиток приходится тебе. Красийцы, по слухам, уложили в постель много женщин, так почему ты спешишь ради этой одной?

— Она мой друг, — сказал Арлен.

— Ты говоришь о ней не как о друге. Ты весь напрягся. Заледенел. Я не могу прочесть твои мысли. Поэтому мне кажется, что ты темнишь.

Арлен взглянул на нее и вздохнул:

— Каких ты ждешь от меня слов, Рен? У тебя был свой Коби Рыбак, а у меня — свой.

— Коби Рыбак — один-единственный, — проговорила Ренна, и кровь застучала у нее в висках. — Папаша отваживал каждого, кто приходил на двор больше раза. А у тебя сколько было?

Арлен пожал плечами:

— Две или три.

— Да, спрос на тебя невелик. — Ренна сплюнула.

И почувствовала, как в ней просыпается монстр, демоническая сущность, вопиющая о насилии. Она сжала губы. Это слишком много, чтобы принять. Это расплющивает. Она напряглась, подавляя острое желание наброситься на него. И даже убить.

— А что? — озлился Арлен, он выдержал ее яростный взгляд и ответил сторицей: — Я должен был хранить верность, ибо наши отцы сторговали нас, как скотину? Я покинул Тиббетс-Брук, Рен, и возвращаться не собирался.

Ренна отпрянула. Арлен Тюк — одна только дума о нем, память о поцелуе на сеновале и ее слова зарок составляли для Ренны Таннер целый мир в юные годы. Грезы об Арлене

помогли пережить тяжелые времена, которые сломили бы других. Да и сломили. Мысль о том, что тогда она ничего не значила для него и даже не вспоминалась, оказалась невыносимой.

Арлен бросился на нее, и она инстинктивно обнажила нож. Он оказался проворнее, схватил ее за руки и придержал с силой, достойной скального демона. Она рванулась прочь, но тщетно.

— Я не знал тогдашнюю девочку, — сказал Арлен. — Не знал и женщину, которой ты стала. Иначе бы немедленно повернул назад и забрал тебя с собой.

Ренна перестала бороться и посмотрела на него:

— Ты не лукавишь?

— Честное слово, — кивнул Арлен. — Ты спрашиваешь, были ли у меня женщины? Были, да. Но это прошлое, с которым покончено.

Он заключил ее лицо в ладони и приподнял его так, чтобы их глаза встретились.

— Мое будущее — Ренна Таннер.

Ренна отшвырнула нож, но, когда Арлен ее отпустил, все равно набросилась на него.

Глава 4

Второе пришествие

Лето 333 П. В.

27 зорь до новолуния

Они мчались до рассвета и перешли на шаг, лишь когда солнце выжгло ночную силу. Арлен свел их с дороги, уверенно направив Сумеречного Плясуна на тракт вестников, который так зарос и петлял, что был почти невидим. Тропа под ногами Ренны не исчезала, но открывалась впереди и смыкалась позади внезапно, словно Ренна брела сквозь густой туман.

Около полудня тропа превратилась в широкую дорогу вестников, и путники, перекусив и справив нужду, снова поехали верхом. Подобно дорогам в Ривербридже, эта, на Старохолмье, была каменной, но большей частью растрескалась и приросла огромными рытвинами, заполненными землей и густо покрытыми низкорослым кустарником и сорняками. Не раз пробивалось и дерево, выворачивая каменные глыбы, которые одевались в грязный мох. В других местах большие отрезки дороги не пострадали от времени, и плоское полотно из серого камня тянулось на мили без единой трещины.

— Как же перевозили такие здоровые камни? — подивилась Ренна.

— Никак, — ответил Арлен. — Замешивали грязевую кашу под названием «бетун», которая затвердевала в сплошной камень. Все дороги были такими, широкими и каменными, порой на сотни миль.

— И что с ними случилось?

Арлен сплюнул:

— Мир сделался слишком мал для больших дорог. Дорога на Старохолмье — едва не последняя. Природа не торопится их забрать, но в конце концов забирает.

— Мы проедем по ней далеко и быстро, — заметила Ренна.

— Да, но ночью придется гнать, — предупредил Арлен. — Полевых демонов тянет сюда, как свиней к корыту. Выползают из рытвин.

Ренна ухмыльнулась:

— Кто я такая, чтобы тревожиться? Со мной Избавитель!

Арлен насупился, и она рассмеялась.

Но вскоре ей стало не до смеха. Зарука уступила и согласилась на несколько сплетенных полосок кожи в качестве уздечки, но на этом ее покладистость закончилась. И Ренна только

чудом не слетела на скаку, когда огромный энджирский мустанг во весь опор помчался по древнему шоссе, перемахивая через преграды и еле опережая орду полевых демонов, которые следовали по пятам.

Сумеречный Плясун справлялся не лучше, у него на хвосте висела такая же прорва подземников, что и у Заруки. Демоны казались рожденными для дороги и пожирали мили длинными неустойчивыми прыжками.

С ночного неба неслись хищные крики воздушных демонов. Ренна глянула вверх и четко различила их по магическому свечению: массивные, широкие крыла застили звезды. Даже воздушным демонам не доставало скорости, чтобы спикировать и атаковать галопирующего коня, но если замедлить ход...

— Дадим бой? — крикнула Ренна Арлену.

Их чувства обострились в ночи, но все равно трудно сказать, услышал ли он ее сквозь грохот копыт и пронзительный визг демонов, настроенных убивать.

— Их слишком много! — прокричал Арлен. — Если остановимся, подтянутся новые! Гони!

Его встревоженное лицо не обмануло ее ночные глаза. Конечно, ему не грозила опасность. Ничто не в силах повредить Арлену в ночи. Ренна — уязвимее. Ее меченый плащ не защищал при скачке, она поставила много меток на пятнистую шкуру Заруки, но они не продержатся долго в напряженном бою с демонами, которых становилось все больше. Даже в меченых доспехах Сумеречного Плясуна имелись проемы, необходимые для подвижности.

У Ренны чесались руки взяться за нож, но она крепко держалась за могучую шею Заруки. Подземник дотянулся до копыт и в награду за старания получил в рыло. Вспыхнули вырезанные Ренной метки, раздробили длинные, бритвенно-острые зубы демона и отшвырнули назад.

Но радовалась Ренна недолго. Зарука споткнулась, потеряла скорость, и тут же подоспели другие подземники, едва не напрыгнули на нее. Покатившийся по дороге демон, которого она лягнула, остановился и кое-как встал. Магия уже залечивала раны. Очень скоро он продолжит погоню.

Арлен отпустил поводья Сумеречного Плясуна, развернулся и начертил в воздухе метку. Ренна ощутила порыв ветра, и гнавшихся за ней подземников сдуло, как палую листву.

Ренна весело посмотрела на Арлена, но улыбка исчезла, когда она увидела, как потускнело его свечение. Фокус не повторится, а полевые демоны отставали лишь на шаг. Она прокляла свое упрямое нежелание освоить лук, который он ей вручил.

Полевой демон прыгнул. Длинные крючковатые лапы пропахали глубокие борозды в бедре Сумеречного Плясуна под самым доспехом, пытаясь повергнуть массивного жеребца на землю.

Плясун остановился и лягнул, меченые копыта сокрушили череп демона, но пауза позволила другим тварям взгромоздиться на кучу битого древнего бетуна и броситься на Арлена.

Арлен извернулся, перехватил летящую лапу и врезал демону по голове.

— Не останавливайся! — крикнул он, и Зарука промчалась мимо.

Накулачные метки вспыхивали с каждым ударом, превращали рыло демона в месиво. Он швырнул подземника в гущу собратьев, сшибив на землю и разметав орду и снова пустил Плясуна галопом.

Вскоре они догнали Ренну, но бока Плясуна намокли от крови, и он замедлился, тогда

как демоны возобновили погоню.

— Ночь! — Ренна взглянула на дорогу и увидела вторую волну демонов, которая катилась на них с противоположной стороны, растянувшись на всю ширину полотна.

Часть Ренны рвалась в бой. Демон в ее крови зывал о резне, но ей хватило ума понять, что сражение безнадежно. Если они не прорвут кольцо и не обгонят свору, только Арлен увидит рассвет.

Эта мысль слегка утешила, когда она приняла вызов.

— Топчи напролом, — шепнула она в ухо Заруке.

— Следуй за мной! — крикнул Арлен.

Он почерпнул немного силы от убитого демона, хотя ее все равно было меньше, чем в начале. Он быстро нарисовал в воздухе метку, и ближайших демонов расшвыряло в стороны. Он же, разя длинным копьем, пронзал каждого демона, который подступал слишком близко, но один оказался недостаточно расторопен — угодил под копыта Сумеречного Плясуна и породил вспышки магии в ночи. Ренна следовала по пятам и окончательно затоптала беспомощного демона, оставив его раздавленным и переломанным.

Будучи предоставлен себе, он бы оправился даже от столь серьезных увечий, но сотоварищи уловили его слабость и временно прекратили преследование. Они свирепо набросились на покалеченного собрата, разорвали броню длинными лапами и принялись отрывать зубами большие клоки плоти.

Ренна оскалилась и на секунду представила, что присоединилась к пиршеству и насыщается силой из мяса демона.

— Вперед смотри! — гаркнул Арлен, выводя ее из транса.

Ренна встряхнула головой и отвернулась от мерзкого зрелища, возвращаясь к делам насущным.

Казалось, можно вырваться из капкана, но стычка задержала их достаточно, чтобы на Ренну спикировал воздушный демон, он выставил когтистые лапы в намерении сдернуть ее с лошади и унести.

Воронцовые метки на руках и плечах Ренны вспыхнули, возводя барьер, и в лапы демона ничего не попало, но сила отдачи сбросила Ренну со спины Заруки. Она крепко ударилась о землю и с хрустом разбила правое плечо; рот наполнился пылью и кровью. Воздушный демон с пронзительным клекотом опустился рядом, она откатилась, едва избежав бритвенно-острого когтя на конце массивного крыла.

Плечо пронзило болью, когда она вскочила на ноги, но Ренна приняла ее, как дерево принимает огонь, и левой рукой неуклюже извлекла нож. Лежать бревном — смерти подобно.

Шансы на выживание резко уменьшились. Рядом вставала на дыбы Зарука, разбрасывала копытами полевых демонов, которые кусали и когтили ее со всех сторон. Через секунду они накинута и на Ренну.

— Ренна! — Арлен развернул Сумеречного Плясуна, но даже он не успевал.

Воздушный демон неловко встал. На земле твари неповоротливы, чем Ренна и воспользовалась, сделала подсечку и глубоко вонзила ему в горло меченый нож. Руку обдало горячим ихором, и Ренна ощутила в себе волну прихлынувшей магии. Ее поврежденное плечо укрепились.

Полевой демон метнулся на спину Заруки, и Ренна вынула из мешочка пригоршню каштанов. Тепловые метки, которые она начертила, активировались, едва соприкоснулись с

подземником, и каштаны взорвались серией хлопков и вспышек, прожгли шероховатую броню. Демона ранило не сильно, но он опешил, обжегся, и Ренне этого хватило, чтобы сшибить его с ненадежного насеста.

Наблюдать за дальнейшим было некогда: подземники заметили ее и устремились к ней. Ренна увернулась от первого и пнула его в брюхо. Мощно вспыхнули воронцовые ударные метки на голени и подъеме стопы. Демон отлетел как мячик. Второй напал сзади, прокусил туго зашнурованный жилет и оставил длинные борозды на спине. Она упала на колени, а спереди надвинулся третий, который яростно впился в плечо.

На сей раз ее меток не хватило, чтобы отделаться от демона. Кровь и грязь ослабили их, и Ренна заорала, когда подземник блокировал ее, терзая всеми четырьмя когтистыми лапами. Некоторые метки еще работали, но прочие — нет. Челюсти демона зашарили по ходу вспышек, нашли прорехи и с силой сомкнулись.

Но боль и магия стали для Ренны дурманящим снадобьем. В тот миг ей было все равно, выживет она или погибнет; ясно одно: она не умрет первой. Ее рука ходила, как поршень, вонзала в подземника отцовский нож и купалась в ихоре. Ее сила росла соразмерно слабению демона. Она медленно отцепляла его от себя, чувствовала, как когти выskalывают из плоти мучительные дюйм за дюймом.

Он был уже мертв, когда Сумеречный Плясун расшвырял его собратьев, встал над ней и на землю прыгнул Арлен, отбросивший свое одеяние. Его метки ярко зажглись, когда он разомкнул пасть демона, оттащил его от Ренны и швырнул в других, свалив их в куча-мала. Еще один ринулся на него, но Арлен уложил его броском шарусака и воткнул в глаз подземника палец с шипением, как от раскаленной кочерги.

Ренна рыкнула, вскинула нож. Тело изнемогало от боли, однако впитавшаяся в нее магия оказалась сильнее. Ночь наполнилась мельтешением размытых фигур, но она различила огромный силуэт Заруки в окружении демонов. Один неистово извивался, повиснув на шее, и нащупывал точку опоры. Если уцепится, Зарука рухнет. Ренна взвыла и бросилась к ней.

— Ренна, в Недра эту затею! — крикнул Арлен.

Но она проигнорировала его и вторглась в самую гущу демонов, отчаянно расшвыривала подземников, работала ножом и пробивалась к Заруке. Каждый удар отзывался волнующим приливом магии, делал ее сильнее, быстрее — неуязвимой. Она поймала угнездившегося на спине Заруки демона за скребшуюся заднюю конечность, стянула, развернула и пырнула в сердце.

Арлен устремился за ней, растворяясь в дымное облако при столкновении с демонами, лишь с тем чтобы в следующее мгновение стуситься в несокрушимую твердь. Он бил мечеными кулаками и ступнями, коленями и локтями, даже выбритым теменем. Миготом оказался подле нее и пронзительно свистнул, подзывая Плясуна.

Огромный скакун раскидал по пути очередную стаю и дал Арлену время окружить их воздушными метками против полевых демонов. Ренна меченым зрением разглядела тонкую нить магии, которую он оставил для сцепления символов. Полевой демон прыгнул, и две метки вспыхнули, отбросили его. Метки только укреплялись от соприкосновений с нечистью. Арлен не отклонялся от маршрута, замыкал круг, но несколько демонов преградили ему путь, продолжая терзать бок Заруки. Ренна двинулась к ним, держа наготове нож.

Арлен схватил ее за руку, потянул назад:

— Стой на месте.

— Я могу драться, — окрысилась Ренна.

Она попыталась высвободиться, но он легко удержал, несмотря на ее ночную силу. Затем повернулся и начертил в воздухе несколько ударных меток, отшвыривая от Заруки одного демона за другим.

После этого его хватка ослабла, и Ренна с утробным рыком освободилась:

— Не учи, что мне делать, Арлен Тюк!

— Не заставляй выбивать из тебя дурь, Рен! — рявкнул Арлен. — Посмотри на себя!

Ренна глянула вниз и задохнулась при виде глубоких зияющих ран, из которых текла кровь, спина и плечи горели. Безумная ночная сила покинула ее; нож выпал из руки, стал слишком тяжелым. Ноги подкосились.

Арлен подхватил ее, опустил на землю и отошел, чтобы закончить сеть меток вокруг и над ними. По дороге прибывали все новые полевые демоны, окружали их, как безбрежное море травы, но даже такая орда не сумела прорваться за метки Арлена — не удалось это и кружившим в небе воздушным демонам.

Как только сеть была готова, он вернулся к Ренне и бросился очищать ее раны от грязи и крови. Внутри запретного круга нашелся павший демон, и Арлен окунул в его иxor палец, как в чернильницу перо. Начертил метки на коже Ренны. Она почувствовала, как плоть напрягается и стягивается. Немыслимая боль, но Ренна глубоким вдохом приняла ее как плату за жизнь.

— Надень плащ, пока я займусь лошадьми, — велел Арлен, когда сделал все, что мог.

Ренна кивнула, вытащила из поясного кошель меченый плащ. Тот, легче и тоньше всего, что приходилось ей носить, был покрыт хитроумно вышитыми метками невидимости. В нем Ренна становилась незримой для подземников. Она никогда не пользовалась плащом, предпочитала, чтобы демоны видели ее приближение, но не могла отрицать его пользы.

Зарука, в отличие от Сумеречного Плясуна, не носила доспехов и пострадала больше, но топнула и фыркнула на Арлена, захрапела и оскалила зубы. Арлен оставил это без внимания, подскочил к ней неуловимым прыжком, сгреб гриву в огромную горсть. Кобыла попыталась отпрянуть, но Арлен отнесся к ней, как мать к непослушному ребенку, когда меняет подгузник. В конечном счете Зарука сдалась и позволила о себе позаботиться, сообразив наконец, что ей хотят помочь.

Днями раньше будничное проявление силы удивило бы Ренну, но она успела привыкнуть к сюрпризам Арлена и едва на них отвлеклась. Перед ее умственным взором снова и снова возникали зияющие раны; она ужасалась при мысли, что игнорировала их, не чувствуя, как вытекает животворная кровь.

— Что же с тобой происходит? — спросила Ренна, когда Арлен вернулся. — Ты чувствуешь себя настолько живым, что не замечаешь, как это тебя убивает?

Арлен кивнул:

— Иногда забываю дышать. Так опьяняюсь силой, что кажется, будто мне незачем заниматься столь... земными вещами. Потом вдруг начинаю задыхаться. Несколько раз чуть не довел себя до полного опустошения. — Он поднял глаза и встретился с нею взглядом. — Магия будет внушать тебе, Рен, что ты бессмертна, но это не так. Смертны все, даже подземники. — Он указал на лежавший позади нее скелет полевого демона. — И борьба никогда не заканчивается. Каждый раз, когда ты вкушаешь силы, начинается новый бой.

Ренна содрогнулась, подумала о неодолимом притяжении магии.

— Как тебе удастся не заплутать?

Арлен издал смешок:

— Завел себе Ренну Таннер! Теперь есть кому напоминать, что я всего-навсего тупица Тюк из Тиббетс-Брука и недостаточно хорош, чтобы дышать.

Ренна улыбнулась:

— Тогда тебе нечего бояться, Арлен Тюк. Ты никуда от меня не денешься.

К утру Ренна и лошади вполне оправились, но Арлен сбавил темп и пускал Сумеречного Плясуна только рысцой, а до полудня они дважды остановились на привал.

— Я думала, мы торопимся, — напомнила Ренна, когда они спешили во второй раз.

— День-другой значения не имеет, — заявил Арлен.

— Вчера ты иначе говорил.

Арлен отвернулся, его плечи поникли.

— Я неправильно расставил приоритеты, Рен. Извини. Не стоило требовать от тебя и лошадей невозможного.

Ренна глубоко вздохнула. Она терпеть не могла эту манеру отворачиваться, сообщая неприятные, по его мнению, вещи. Мужчины думают, что таким образом щадят чьи-то чувства.

«Может быть, и щадят, — подумала Ренна. — Свои собственные».

— Но и нянчиться с нами не надо, — возразила она.

— Рен, ты была на волосок от гибели ночью. Зарука и Плясун — тоже. Ничего страшного не случится, если мы пару раз остановимся размять ноги и справить нужду.

Он был прав, хотя Ренна не считала, что ей грозила неминуемая смерть. На самом деле она чувствовала себя сильнее и живее, чем когда-либо. На месте ран возникла новая розовая плоть — светлее ее врожденной, смуглой, которая нуждалась в свежем воронце, но была гладкой без малейшего намека на шрамы. Тело звенело от силы.

Взгляд пал на Заруку — увы, с ней дело обстояло иначе. Арлен лечил бок кобылы теми же целебными метками, что и Ренну, рисуя их демоновым ихором, насыщенным магией. О ранах Заруки напоминало лишь несколько проплешин на пятнистой шкуре, но движения все еще были скованными от боли, и от прежнего норова не осталось следа.

Ренна посмотрела на утреннее солнце и улыбнулась: «Отныне во мне есть сила. И чем больше я ем, тем сильнее становлюсь. Я не стану обузой, Арлен Тюк. Скоро тебе понадобится помощь, чтобы не отставать от меня».

— Тогда расскажи мне о Лощине, — попросила она. — Там тебя тоже считают Избавителем?

Арлен вздохнул:

— Там — в первую очередь. Два года назад Лесорубова Лощина была поселком чуть меньшим, чем Южный Дозор. Но в прошлом году ее поразила горячка, свалила половину жителей. Кто-то уронил лампу на постоялом дворе, огонь мгновенно распространился, а тушить некому. Метки погибли быстро.

Ренна представила бедствие и скрипнула зубами. Она поймала себя на том, что вцепилась в костяную рукоятку ножа, понадобились все силы, чтобы разжать пальцы.

— Мама говорила, беда не приходит одна.

— Честное слово, — кивнул Арлен. — Я прибыл на следующий день и обнаружил, что больше сотни мертвы, а половина выживших лежит в лежку. Близилась ночь, я пометил их топоры и научил сражаться тех, кто мог. Прочих поместили в Праведный дом и выставили

караул. Той ночью погибло много людей, но они отплатили с лихвой, а на ногах к рассвету стояло больше, чем пало. Поселок отстроили заново с пустого места, превратили дома и дороги в одну большую запретную метку Отныне демоны в Лощину ни ногой, даже князя.

— Похоже, ты устроил из этого настоящее жонглерское представление, — хмыкнула Ренна. — Сдается мне, ты пусть немного, но хочешь, чтобы тебя там сочли Избавителем.

Лицо Арлена потемнело.

— Это последнее, чего я хочу. Нельзя так считать, вот уже триста лет хоронясь за метками в ожидании Избавителя.

— Но разве ожидание не закончилось? Явился Меченый, который нас всех спасет.

Арлен гневно сверкнул глазами, но Ренна отмахнулась:

— Ой, да, ты выбиваешь дурь из каждого, кто кланяется тебе и называет Избавителем, но так же быстро смягчаешься, когда народ беспрекословно выполняет твои указания.

Уязвленный Арлен отпрянул, но Ренна ответила ему тем же свирепым взглядом и не отступила. Наконец он беспомощно усмехнулся и пожал плечами:

— Не стану отрицать, Рен, это полезно для дела. А дел предстоит много. Народ понятия не имеет, что принесет следующее новолуние, а мне недосуг с ним нянчиться.

— Я ведь не спорю, просто понуждаю тебя к честности, — улыбнулась Ренна.

Проворно, как кролик, она метнулась к нему и поцеловала в меченую щеку.

Вскоре они свернули с дороги на Старохолмье и устремились по густо заросшему тракту вестников. На исходе дня им встретилась утоптанная грунтовка. На пересечении обнаружился большой меченый лагерь.

— Ха! — Арлен спрыгнул с Сумеречного Плясуна и изучил метки. — Немного корявые, но жирные и сильные. Это работа Дарси, она из лесорубов. — Он хмыкнул. — Лощина, верно, разрастается, как лесной пожар, коль скоро они уже забрались так далеко на север.

— Солнце садится, — заметила Ренна и чуть выдвинула нож из ножен, глядя, как магия просачивается в удлиняющиеся тени и открывает проходы в Недра. — Нужно двигаться.

Арлен помотал головой и снова уклонился от ее взгляда.

— Мы остановимся здесь.

— Я не собираюсь прятаться за метками каждую ночь, едва возникнет опасность, — процедила Ренна.

— Я и не прошу, — отозвался Арлен.

— Тогда едем!

— Куда? Мы уже на месте.

Арлен подошел к лагерному дровяному складу, набрал хвороста и ссыпал его в костерную яму. В глаза Ренне не смотрел, но действовал самодовольно и небрежно, будто играл.

В Ренне разгорелся гнев, краем глаза она увидела, как магия, которая тихо клубилась у ее лодыжек и свивалась в воронки, устремилась в нее, подобно дыму из трубки. Но едва она это заметила, струение замерло и не вернулось.

Она посмотрела на Арлена — тот все сооружал костер с видом довольным, как у кота, поймавшего мышь, — и разозлилась еще пуще. Магия притекала к нему легко, как воздух, но почему не к ней? В чем дело?

«Маловато съела. Еще не пройден путь».

— Тогда я пойду на охоту, — заявила Ренна.

Арлен пожал плечами:

— Не умрешь, если сначала поужинаешь.

Подмывало врезать ему по выбритому затылку. Ренна сжала кулаки, ногти до крови впились в ладони. Захотелось рвать и метать...

Она опомнилась. Первобытная, мощная магия пульсировала в ней, пробуждала примитивные инстинкты и доводила их до неистового влечения.

«Возможно, я уже съела слишком много».

Ренна несколько раз ритмично вздохнула, применив красийскую технику, которую Арлен показал ей, когда обучал шарусаку. Кулаки постепенно разжались, сердцебиение успокоилось — по крайней мере, умерилось до сильного, но ровного. Она заставила себя спешиться, наскоро почистила Заруку и отпустила ее пастись в густую траву на обочине.

Они почти закончили трапезу, когда Арлен вытянул шею, прислушался к чему-то далекому. Улыбнулся:

— Вот оно.

— Что? — спросила Ренна, но он быстро встал, выскоблил тарелку и уложил ее к котелку.

Затем начертил в воздухе метку и костер погас.

— Поехали.

Арлен вскочил в седло и пустил Сумеречного Плясуна галопом. Тот стрелой полетел по дороге.

— Сын Недр, — пробормотала Ренна, встряхнула собственную тарелку и поспешила следом.

Зарука неплохо оправилась за день, но ей все равно понадобилось несколько минут, чтобы догнать Арлена, который успел остановиться. Впереди виднелось смутное зарево, доносился шум битвы, однако Арлен выглядел безучастным.

— Похоже, Лощина опять расширяется. Видать, лесорубы навели порядок. — Арлен спешился и кивнул в сторону леса. — Надень плащ, глянем.

Он быстро повел ее через чащу. Лесной демон заступил им путь, готовый напасть, но Арлен шикнул на него, а нательные древесные метки вспыхнули и отогнали подземника.

Вскоре они достигли узкого просвета на краю огромной вырубki, здесь повсюду торчали пни и пахло свежезаготовленной древесиной. Арлен остановился, всмотрелся во мрак.

Посреди вырубki в большом меченом круге горели костры; там было много палаток, тяглогового скота и разного инструмента. В свете костров виднелись мужчины и женщины, которые вели бой с сонмом лесных демонов и десятифутовым скальным.

Все инстинкты воззвали к Ренне, понуждая ввязаться в сражение, — кровь закипела в стремлении убивать. Она учуяла ихор, и у нее потекла слюна, готовая помочь проглотить их гнусное мясо.

Но Арлен стоял спокойно, не собираясь вмешиваться. Она заставила себя расслабиться, убрала руку с ножа и закуталась в меченый плащ, скрываясь от глаз подземников.

С тех пор как она начала пожирать их плоть, плащ изменился. Метки вытягивали ее личную магию, но, вместо того чтобы вспыхивать ярче, они, как и плащ, тускнели и затуманивались. Если Ренна долго смотрела на них, у нее кружилась голова. Сколько еще демонов придется съесть, чтобы плащ полностью скрылся из виду? Наверное, больше, чем слопал Арлен, — он все еще видел плащ, хотя и никогда не смотрел на него подолгу.

— Что они делают? — подала голос Ренна.

Тишина и бездействие начали ее угнетать.

— Расчищают место под великую метку — объяснил Арлен. — Сперва валят деревья, готовят пространство для центра поселка; потом ветвят участок дальше, вырубая лес так, чтобы получилась метка, которая обезопасит селение на целые мили. По ночам убивают демонов, восстающих в огороженной зоне, чтобы сокращать их численность, а не просто отгонять к запретной черте, когда метка оживает.

— А почему так не поступают все? — спросила Ренна.

Такая большая метка накопит столько магии, что никакому подземнику не пройти, а испортить ее почти невозможно.

— Думаю, что так поступали — во времена войн с демонами, — предположил Арлен. — Но люди все забыли, а после Возвращения оказались слишком заняты тем, чтобы прятаться, а не шевелить мозгами.

Ренна хмыкнула, присмотрелась к сражению и мгновенно узнала в людях лесорубов. Прозвище «Лесоруб» часто встречалось на хуторах; его носил каждый, кто валил деревья и торговал лесом. Даже в Тиббетс-Бруке, до которого тянулись сотни миль, насчитывалось почти сто Лесорубов, живших общиной близ золотых деревьев. Они поразительно напоминали обитателей Лощины.

Мужчины были крупны и кряжисты, одевались в толстые кожаные жилеты, носили наручи, а бицепсы их, казалось, превосходили размером голову Рейны. Она прищурилась и словно воочию увидела Брайна Лесоруба, который несколько месяцев назад защитил ее на совете. Той ночью ей не хватило воли ни шевельнуться, ни пикнуть в свою защиту, но она запомнила каждое слово старейшин Тиббетс-Брука, что приговорили ее к смерти.

На вырубке обнаружили и женщины, вооруженные либо арбалетами, либо густо помеченными клинками. Сначала Ренне показалось, что они одеты в тяжелые юбки, но потом она рассмотрела их в действии и различила разрезы, которые позволяли свободно двигаться без ущерба для скромности.

Ренна фыркнула. Так же нелепо поступили бы и жены Тиббетс-Брука, которые за то и не жаловали ни Ренну, ни ее сестер. Девушки Таннер редко скрывали кожу от солнца. Сама Ренна обнажилась, сколько могла, чтобы открыть воронцовые метки для заряженного магией ночного воздуха.

Женщин окружала группа мужчин, разительно отличавшихся от лесорубов. Они были облачены в толстые, сильно опаленные деревянные доспехи с лаковыми метками и тяжелые шлемы; орудовали копьями и щитами, которые составляли одинаковые комплекты. В центре меточного круга на щите красовался игрушечный солдатик.

— Кто это? — спросила Ренна.

— «Деревянные солдаты», — объяснил Арлен. — Энджирская королевская гвардия. Герцог Райнбек пообещал направить их сюда для обучения лесорубов.

— Похоже, они засиделись, — заметила Ренна.

Несмотря на отменные доспехи, мужчины стояли столбом, крепко сжимали свое оружие и нервно поглядывали на демонов.

— Городская стража, — бросил Арлен. — Привыкли допекать народ и, может быть, способны на пару зуботычин, но до Лощины применяли копье только на плацу. А принц Тамос выглядит хуже всех, — показал он пальцем.

Действительно, человек, которого имел в виду Арлен, нарядился в согласии с

представлениями Ренны о принце. Его стальные доспехи были расписаны золочеными метками и начищены до блеска. Сам он был высок и статен, крепко сложен и носил аккуратную черную бородку.

Но принц переминался с ноги на ногу, потягивал руки и вертел головой, тщетно пытаясь расслабить мышцы. Ренна чуяла страх Тамоса издалека и знала: его уловят и демоны.

Было ясно, что лесорубы перевели «деревянных солдат» в тыл, поручили охранять женщин, которые, впрочем, не нуждались в такой защите и не желали ее.

Много лет назад отец Ренны попросил Брайна и еще нескольких лесорубов из Тиббетс-Брука помочь расчистить участок под посевы. Ренна и Бени наблюдали, как те трудились часами, методично валили деревья, отвозили лес и выкорчевывали корни. Каждое движение выглядело отточенным и экономило силы, благо удары осуществлялись за счет веса орудий труда.

Во многом так же сражались и лесорубы Лощины. Те же орудия были помечены и разили с убийственной эффективностью.

Два человека, вооруженные огромными топорами с длинными ручками, метили в ноги лесного демона. Тот, долговязый и тощий, мог действовать с невероятным размахом, но стоило ему напасть на одного, как второй подступал с противоположной стороны. Когда демон подбирался слишком близко, лесорубы принимали удары на меченые наручи, отражали атаку вспышками магии. Наконец топор подсек демона под колено, его нога прогнулась.

— Сэмм! — кликнул топорник, и позади демона возник третий лесоруб.

Он ударил тварь чудовищным сапогом в спину, и подземник грузно рухнул ничком.

Лесоруб был вооружен огромной двуручной пилой. Он нагнулся и принялся за дело: распиливал толстую, похожую на кору броню шеи так, что магия посыпалась искристым дождем. Брызнул ихор. Через несколько секунд голова отвалилась.

— Ночь!.. — прошептала Ренна.

Арлен с улыбкой кивнул:

— Это Сэмм Лесоруб, но все зовут его Сэммом Пилой. Привычный спиливать ветви для отвоза леса. По сотне деревьев на дню. Теперь он с той же скоростью отрезает конечности демонов.

Сэмма позвали вновь, и он повернулся к лесорубу, который опускал на голову лесного демона тяжелую киркомотыгу. Каждый удар меченым лезвием отбрасывал подземника на шаг, тот не мог восстановить равновесие, но не страдал всерьез, и раны затягивались столь же быстро, как наносились удары. Сэмм подошел сзади и распилил похожие на древесные стволы ноги, когда демон еще стоял. Тварь с визгом упала, а лесоруб зычно поблагодарил Сэмма и вскинул киркомотыгу, чтобы закончить дело.

С десятков лесорубов веревками волокли через вырубку скального демона, стянули ему руки и плечи и дергали так, что подземника швыряло из стороны в сторону. Две женщины без устали стреляли из арбалетов; тяжелые стрелы торчали из обсидианового панциря, как иглы дикобраза, но толку от них было немного, и они лишь усиливали ярость скального демона.

Трое мужчин и мальчик стояли в сторонке; двое, помоложе, держали маленькие, но увесистые киянки, а третий, старший, — тяжелую кувалду. У мальчика был толстый металлический клин.

— Томм Клин с сыновьями, — указал на них Арлен. — Смотри.

Скальный демон уперся ногами, стремясь натянуть веревки, и младшие метнулись к нему, всадили меченые костыли в зазоры между бронированными пластинами на коленях. Одновременно ударили киянками — один раз, второй, рассыпая магические искры, по мере того как забивали костыли.

Демон заверещал и пошатнулся, кренясь все больше, когда лесорубы налегли на веревки всем весом, чтобы его повалить. Он лупил хвостом, задел им группу людей и сбил троих с ног, вырвал из рук веревку. Внезапное освобождение швырнуло демона в другую сторону, он потерял равновесие и рухнул.

Мальчишка проворно, как белка, вскочил ему на спину и приставил меченый металлический клин к стыку бронированных пластин. Дальше за дело взялся Томм Клин. Плавнов взмахнул кувалдой и опустил ее на металл, породив громовой разряд магии. Вспышка оказалась такой яркой, что Ренна моргнула, а когда открыла глаза, демон уже застыл, сраженный отдачей.

Умело. Действительно. Без лишней траты сил.

— Какая жуть! — произнесла Ренна. — Как деревья валят.

Арлен кивнул:

— В первую ночь было некогда делать оружие и учить местных драться. Мне пришлось метить то, что имелось, и лесорубы отдали свою главную драгоценность — инструменты. Теперь к борьбе ежедневно присоединяется все больше людей, изготовление копий поставлено на поток, но даже лучшие не сравнятся с лесорубами. Они применяют старые орудия. Стоят особняком. Народ ступает легко, когда они в сборе, и травит о них застольные байки, когда их нет.

— И все потому, что в тяжелую пору им повезло встретиться с Арленом Тюком, — подвела итог Ренна. — Как и мне.

Арлен взглянул на нее, но она остановила его жестом.

— Я не больше, чем ты, считаю тебя Избавителем, но ты не можешь отрицать, что умеешь убедить людей в том, что у них есть зубы. — Она снова дотронулась до рукоятки ножа. — И когти.

— Каждый что-нибудь да умеет, — буркнул Арлен.

— Моя сестра говорила: невелика беда, если жители Лощины такие бугаи, что приходится подпрыгивать ради поцелуя, — заметила Ренна.

— Все началось не так, — возразил Арлен. — Магия сыграла свою роль. Хотя с утра ее выжигает солнце, она успевает подействовать на все, к чему прикоснулась. Меченое оружие не ломается и не тупится, а лесорубы почти год еженощно пропитываются магией. Старики молодеют, а молодые раньше срока мужают.

Он показал пальцем:

— Видишь того, с пепельной шевелюрой?

Ренна посмотрела, куда было велено, и увидела человека с мускулистыми, оплетенными толстыми жилами руками и ногами, что стоял нос к носу с семифутовым лесным демоном. Она кивнула.

— Его зовут Седой Ион, и он самый старый в Лощине. Год назад его волосы были белее снега. Руки тряслись, и даже с палкой он едва ковылял.

— Честное слово? — не поверила Ренна.

Арлен кивнул и указал снова, теперь на огромного человека в расцвете сил, который подкрадывался к демону сзади, пока Ион отвлекал внимание твари.

— Это Линдер Лесоруб. Ему лет пятнадцать, не больше.

Лесной демон ударил слева какого-то здоровяка, отшвырнул на несколько футов. Тот тяжело шлепнулся, выронил киркомотыгу. Ренна не заметила крови, но упавший ничком человек не успел подняться и увернуться от нападения демона.

Нож сам прыгнул ей в руку, и Ренна изготовилась рвануть вперед, но Арлен придержал ее за плечо. Ренна увидела, как на спину демона сиганул огромный волкодав, свалил подземника с ног и сомкнул гигантские челюсти на его шее. Пес прокусил броню и погрузил клыки в мягкую плоть.

Тем временем упавший пришел в себя и с чавкающим звуком вогнал киркомотыгу в череп демона. Пес вскинул на него взгляд, морда испачкалась черным ихором и ярко светилась магией — Ренна отчетливо видела ее мечеными глазами. Ренна в жизни не встречала такого большого пса; он весил не менее пятисот фунтов, угольно-черный мех — спутан, а когти такие здоровенные, что втягивались не до конца. Он зарычал на лесоруба, но тот лишь рассмеялся и почесал за ухом. Лесоруб свистнул и побежал обратно в гущу битвы, а пес слизнул ихор с зубов и последовал за ним.

— Создатель, — выдавила Ренна, — он ростом с ночного волка!

— Он не был таким, — отозвался Арлен, — но наелся демонов. Проклятая псина с каждым разом все больше, как ее вижу.

— Поэтому и ночные волки такими вымахали?

— Скорее всего.

Восьмифутовый лесной демон обошел увлеченных сражением лесорубов и ринулся на «деревянных солдат». Те заорали, напрочь позабыв о копьях, — только бы сомкнуть меченые щиты. Отдача от вспыхнувших меток отбросила их на женщин, которых им наказали охранять. Один солдат и вовсе упал, свалил заодно двух воительниц с заряженными арбалетами. Другой завопил, когда арбалет выстрелил и стрела впилась ему в заднюю часть бедра, пробив лакированный доспех.

Лесной демон почти не пошатнулся от неудачной атаки и с грозной скоростью устремился в образовавшийся проем.

Принц Тамос издал вопль, отбросил страх и метнулся наперерез. Он отразил щитом удар когтей, и те соскользнули в рое магических искр; принц сделал выпад коротким копьем, вонзил его демону в брюхо. Ренна видела магию, которая потекла по древку в руку принца, напитывая его силой.

Атака мастерская, но Тамос не задел жизненно важных органов, демон быстро оправился от короткого шока и снова простер к нему ветвистые руки. Тамос увернулся от первого удара и поймал на щит второй, не выпуская копья и тщетно пытаясь выдернуть его из толстой, похожей на кору брони. Колющие метки на острие проломили ее довольно легко, но не помогли его извлечь.

— Такое славное копье и такие скверные метки, — сказал Арлен. — Он умный, он бросит это дело и предоставит разобраться женщинам.

Действительно, несколько женщин держали наготове арбалеты и могли бы выстрелить, не стой у них на пути принц.

Но Тамос удивил их. Он взревел, крепче вцепился в древко, поднял ногу в армированном сапоге и принялся бить подземника, целясь в корпус. Ударные метки на подошве зажглись, и вот измочаленный демон упал на спину: принц все-таки стряхнул его с копья. Тамос немедленно вскочил сверху и вонзил высвободившееся копье в сердце подземника.

Затем он уперся ногой в грудь демона и выдернул копьё, исторгнув фонтан ихора, после чего с криком повернулся, намереваясь помочь двум лесорубам, которые были заняты своей схваткой. Рыча, он всадил копьё в спину их демона и притиснулся так, что на доспехах вспыхнули метки.

Перепуганный человек, которого видела Ренна, исчез: принц орал как буйнопомешанный, носился по вырубке, сражался отчаянно и самозабвенно.

Раздался вопль; Ренна обернулась и увидела, что лесной демон впился когтями в грудь лесоруба. Слабым ударом топора тот отогнал подземника на шаг, но выронил оружие и упал.

Ренна напряглась, однако Арлен уже сорвался с места. Она помчалась за ним, но оба не успевали: демон приготовился к смертоносному прыжку.

Внезапно Ренна увидела размытое пятно и испытала знакомое головокружение при появлении стройной девушки, которая отбросила полы меченого плаща, очень похожего на тот, что носила Ренна. Девушка была одета в яркий шутовской наряд — просторные панталоны, блузу и тесный жилет. Она оказалась вполтину ниже сраженного лесоруба и, заступив дорогу огромному лесному демону, уподобилась домашней кошке, которая шипит на ночного волка. Но она отважно выдержала его взгляд, а когда он потянулся к ней когтями, вскинула скрипку и провела по струнам смычком, рождая нестройные звуки.

Демон взвизгнул и замахнулся, но девушка отскочила, споткнулась, упала и вновь встала на ноги, не прекращая играть. Демон попятился, зажал когтистыми лапами уши и снова взвыл.

Еще одно расплывчатое, чреватое дурнотой пятно — и позади демона возникла крупная женщина, которая оставалась незамеченной, пока не отсекла ему тонкую лапу тяжелым изрисованным клинком. Вкупе со скрежетанием скрипки рана оказалась для демона чрезмерной, он бросился наутек и вылетел на Арлена и Ренну. Арлен почти не замедлился, схватил его за рог, притянул к себе и начертил ему на груди тепловую метку. Затем отшвырнул демона, тот превратился в визжащий огненный шар и устремился к раненому лесорубу.

Глаза обеих женщин зажглись при виде бегущего к ним Арлена. В них промелькнули узнавание, потрясение и немалый страх. Та, что отсекла демону лапу, опаматовалась первой.

— Ты вовремя вернулся. — Она опустилась на колени подле раненого и вынула из туго набитых карманов фартука лекарские принадлежности.

Юная девушка таращилась на Арлена разинув рот.

Арлен криво улыбнулся:

— Рад снова свидеться, Дарси. — Он посмотрел на девушку. — Музыку, Кендалл, — не спи!

Он указал подбородком на скрипку, после чего встал на колени рядом с травницей. Кендалл приосанилась, приложила скрипку к плечу и огляделась в поиске новых опасностей.

Лесоруб мучительно закашлялся, брызнул кровью Арлену в лицо и затих. Арлен невозмутимо держал его, пока Дарси осматривала раны.

— Ночь!.. — прошептала она; три глубоких разреза тянулись от груди до таза, кровь была повсюду. — Мы ничего не сможем сделать.

— Демоново дерьмо! — рыкнул Арлен, свел края первого разреза и начертил в воздухе несколько меток.

Его и раненого окутало слабое сияние, а Дарси и девушка, онемевшие, смотрели, как затягиваются смертельные раны.

Лесоруб резко глотнул воздуха, зашелся в приступе кашля и попытался встать. Арлен положил ладонь ему на грудь и припечатал к земле. Тот открыл глаза и каркнул:

— Ты вернулся!

— Конечно я вернулся, Джоу Лесоруб.

— А говорили, ты нас бросил, но я не утратил веры, — прошептал Джоу.

Арлен поджал губы, но нагнулся и поднял его, как ребенка. Он понес Джоу за меченый круг. Там бродил рачитель, пожилой мужчина с седой бородой цвета пасмурного неба. Поверх обычного бурого одеяния на нем был плотный стихарь, украшенный защитными метками вокруг кривого посоха, символа его ордена. Он округлил глаза при виде Арлена, но вместе со служкой бросился на помощь, подхватил Джоу и отнес в меченую палатку с изображением посоха рачителей на полах. При этом он не сводил взгляда с Арлена, а через несколько секунд вышел из палатки опять же с посохом из полированного златодрева, на котором были вырезаны метки, и принялся наблюдать из безопасного круга.

Бой заканчивался, и принц, что метался от поединка к поединку, внезапно остался без противников. Он безумно огляделся, тяжело дыша, не нашел угрозы, содрогнулся всем телом и оперся о копье. Его люди немедленно подоспели, окружили и скрыли от посторонних глаз. Ренна лишь слышала, как принца рвет за кольцом доспехов.

— И так всегда, — хмыкнула Дарси. — Когда кровь кипит, нет никого отчаяннее графьев, да только закипает она медленно, а потом графья валятся как подкошенные.

— Тут нечего стыдиться, — возразил Арлен. — Со мной не раз творилось то же самое. То, что он вышел в ночь, уже говорит о многом... — И осекся. — Граф?

Дарси кивнула:

— Явился с диковинным королевским указом, где наречен «Повелителем Лесорубовой Лощины и всех ее окрестностей», а с ним — вереница груженных подвод на целую милю. И солдаты. Больше тысячи, с множеством лучников, чтобы укрепиться против красийцев. Ему уже начали строить форт. Народ был так благодарен за провизию и одеяла, что спорить не стал, к тому же вы с Лишей уехали Создатель знает куда.

— Значит, вы просто отдали ему Лощину? — подытожил Арлен.

— Выбор был невелик, — огрызнулась Дарси. — Но все не так плохо. Тамос, как правило, не мешает людям заниматься своими делами, и никто не отрицает ни его помощи, ни надежды, которую он дал тем, у кого больше ничего не осталось.

Битва закончилась, но Ренна оценила плоды проведенной Арленом подготовки, ибо лесорубы методично прочесывали вырубку, убеждались в смерти подземников. Демоны исцелялись как по волшебству, и даже сраженные меченым оружием почти насмерть или лишенные членов восстанавливались в считанные минуты. Не раз случалось, что демон, который казался мертвым, пронзительно взвизгивал при приближении лесорубов и бросался на них или порывался бежать. Таких быстро пришили к месту, и они дико извивались, когда лесорубы вскрывали толстые бронированные гребни, что окольцовывали их шеи. Дабы отхватить голову даже маленькому лесному демону, приходилось бить топором несколько раз, и к делу подключился Сэмм Пила.

Ренна подошла к Арлену и женщинам, рассмотрела их меченые плащи, от которых кружило голову.

— Им ты тоже пометил плащи? — осведомилась она.

Ответа ждала с ужасом.

Дарси повернулась, впервые заметив Ренну — особенно состояние ее одежды или

нехватку оной. Она взглянула на плечи Ренны и раздула ноздри. Схватила край ее плаща, подняла его к свету, желая лучше рассмотреть, после чего с негодованием поворочилась к Арлену и наставила ему в лицо мясистый палец:

— Ты отдал свой плащ-невидимку?! Да ты хоть знаешь, скольких трудов он стоил госпоже Лише? Больших, чем ее собственный! Ты даже не поблагодарил ее и ни разу его не надел! А теперь сбагрил ни за грош...

— Тупая корова! — вскричала Ренна, выдернула у нее плащ и встала между ними. — Не смей с ним так разговаривать!

— Иначе что? — осведомилась Дарси и нависла над Рейной, их носы почти соприкоснулись. — Это не твое дело, девка, поэтому заткнись, пока не заломала!

Дарси была травницей, но Ренна узнавала воина с первого взгляда. Дарси на голову выше, более мощная — гора мышц без капли жира. Она носила такие же свободные панталоны, как и вторая воительница, а ее густо измененный нож был загнут внутрь, как коса. Им можно с равным успехом резать толстые стебли и конечности демонов. Рукоятка сильно истерта...

Но все это потеряло значение, когда Ренна схватила ее за горло и сжала. Дарси сопротивлялась, пыталась мужицкими лапищами отвести руки Ренны, но с тем же успехом можно разжать стальные брусья. Она ударила могучим кулаком, но Ренна с легкостью перехватила запястье и рывком выпрямила ее руку, превратив в рычаг. Лицо Дарси побагровело, шейные жилы вздулись.

— Довольно, Рен! — повысил голос Арлен и схватил ее за плечи.

Стиснул, и ее кисти разжались. Он переставил ее в сторону запросто, как снял бы кошку, которая запрыгнула на прилавок понюхать мясницкую колоду.

— Она первая начала, — прорычала Рен, сопротивляясь его железной хватке во многом так же, как Дарси боролась с ее. — Ты сам видел.

— Да, — невозмутимо согласился Арлен. — Верно. Но это не повод к убийству. Или в Бруке не ошиблись и за дело привязали тебя к столбу?

Ренну словно окатили из ушата, и она прекратила борьбу. Конечно он прав. Мало кто отрицал бы, что Харл Таннер получил по заслугам, когда Ренна вонзила в него его собственный нож, но Дарси Лесоруб — не Харл.

И все-таки какая-то часть Ренны жаждала крови. Ренна сделала глубокий вдох, приняла это чувство и разрешила ему пройти. Арлен ощутил, что она расслабилась, и немедленно выпустил.

— Ты в порядке? — спросил он у Дарси, которая хватала ртом воздух и растирала горло.

— Все прекрасно, — каркнула Дарси.

Арлен отрывисто кивнул:

— Тогда запомни: то, что я делаю с моим имуществом, не твое дело. И не надейся, что Лиша будет слушать твои бредни про ее отношения.

— Ясно. — Дарси кашлянула. — Наверное, ты прав.

Она повернулась к Ренне:

— Мамуля пыталась меня воспитать, но так и не сумела.

— Я тоже вела себя не очень приветливо, — буркнула Ренна.

В этот миг девушка прочистила горло, и все взоры обратились к ней. Она была лет семнадцати и хороша собой, но при близком рассмотрении Ренна увидела толстые рубцы, тянувшиеся извыреза. Когда-то ей угрожала смерть. Всерьез. И она умела зачаровывать

подземников музыкой. Ренна сомневалась в правдивости рассказов Арлена о рыжем жонглере, но сейчас увидела все своими глазами.

Арлен с улыбкой поклонился девушке:

— Ты играешь все лучше и лучше, Кендалл. Похоже, Рожер неплохо натаскал подмастерьев.

Кендалл печально уставилась себе под ноги.

— Рожер не один месяц как уехал, — сообщила Дарси голосом еще хриплым, но уже окрепшим. — Отправился с госпожой Лишей в Райзон. А остальным его подмастерьям больше нравится играть кадрили, чем воевать с демонами. — Она дружелюбно толкнула Кендалл в плечо. — Но к нашей малютке-ведьме это не относится. Она стоит дюжины мужиков с копьями.

Кендалл по-прежнему смотрела в землю, но Ренна заметила, что ее бледная кожа порозовела, а губы дрогнули в улыбке.

— Когда уехала Лиша? — поинтересовался Арлен.

— Два месяца назад. С красийцами, — ответила Дарси.

Арлен издал короткий рык:

— Значит, это правда? Джардир пришел в Лощину и похитил Лишу?

— Сначала поухаживал.

Арлен сдвинул брови:

— О чем ты говоришь?

Дарси глубоко вздохнула и посмотрела на него:

— Он позвал ее замуж.

Арлен выкатил глаза, челюсть у него отвисла. Всего на долю секунды, но он лишился дара речи — это было ясно как день. Даже его магическая аура изменилась: затрещала с поверхности, как брошенный в костер лапник.

Ренна ни разу не видела, чтобы хоть что-нибудь застало Арлена врасплох, и не знала, как к этому отнестись. Лиша Свиток осталась в прошлом, но власть над ним сохранила.

Арлен подался вперед с лицом безмятежнейшим, но взглядом пытливым.

— Ты хочешь сказать, что Лиша выходит замуж за Ахмана Джардира? За лживого, кровожадного сына Недр? Ты на это намекаешь, Дарси Лесоруб?

Он говорил все громче. Не кричал, но повышал голос. Ренна снова увидела, как окрестная магия устремилась к нему, а метки разгорелись. Дарси отпрянула, как от озлившейся гремучей змеи.

— Она не согласилась! — выкрикнула Дарси. — И не валяет дурака! Сказала: это возможность взглянуть, что он натворил на юге. Счесть его войска, разобраться в его положении и намерениях. И поехала не одна. Взяла с собой Рожера, Гарета, Уонду и своих родителей, чтобы присматривали за ней.

— Не важно, — выдохнул Арлен. — Она поехала и прихватила отца, это говорит красийцам, что Эрни выставил ее на продажу и ждет, когда предложат хорошую цену.

— Как ты смеешь?! — ощерилась Дарси. — Госпожа Лиша не корова, ее не купишь и не продашь!

— Для них — корова! — рявкнул Арлен. — Красийцы не считают женщин свободными людьми. Герцогиня или молочница — им все равно, для этих людей женщина — имущество, которым торгуют! А если на добычу нацелился Ахман Джардир, его не перещеголяет никто, Дарси Лесоруб. Никто.

Дарси сникла, ее задор улетучился, и она кивнула:

— Я говорила, что это глупо, но она не слушала. Упрямая, как подземник. — Лицо Дарси страдальчески исказилось, ей было тягостно признать оплошность за своей драгоценной госпожой.

Ренна сплюнула. Дарси вздрогнула, но комментировать не стала.

— Не думаю, что госпожа попала в беду, — парировала она. — Она исправно пишет мне, и, судя по условным знакам, у нее и остальных все в порядке. У красийцев отличные вестники, этого не отнимешь.

— Условные знаки? — переспросил Арлен.

— Я же сказала — дурака она не валяет, — отозвалась Дарси, осмелившись наконец взглянуть ему в глаза. — Госпожа Лиша рассудила, что красийцы станут читать ее письма, и велела мне выучить особые слова и фразы, чтобы я знала, как обстоят дела, даже если у нее будут стоять над душой. Джардир покамест держит слово, но она пишет, что его войско растеклось по всему Райзону и счесть его невозможно. Она отдельно не велела упоминать тебя, но оставила условный знак, который сообщит о твоём возвращении.

— Передай, чтобы немедленно вернулась в Лощину, — велел Арлен. — У меня есть новости, которые не могут ждать, и ты их не зашифруешь.

— Я-то спорить не буду, — согласилась Дарси. — Создатель не назначал меня в городские травницы.

— Времена трудные, Дарси Лесоруб, и ты должна нести свою ношу. С новолунием грядет что-то скверное. По сравнению с ним Джардир покажется назойливым слепнем.

Дарси побледнела:

— О чем ты?

Арлен пропустил вопрос мимо ушей.

— Кто выступает от имени лесорубов, если нет Гареда?

— Мясники. Кому же еще? С ними не связывается даже новый граф. Он наделил их королевскими полномочиями, но все равно вынужден просить, когда ему что-то нужно, а они еще не удосужились заняться этим сами.

Раздался оглушительный лай, и к Арлену метнулась огромная тень, окруженная сиянием магии. Ренна выхватила нож, но Арлен опустился на колени и распахнул объятия, в которые бросился тяжеловес-волкодав. Здоровая бестия принялась лизать его лицо, и он заразительно расхохотался.

— Что, Эвин Лесоруб, ты таки научил эту дворняжку команде «к ноге»? — спросил Арлен у ее хозяина, когда тот приблизился.

— Тень идет к ноге, когда хочет, и ни в каком другом разе, — расплылся в улыбке Эвин. — Рад вашему возвращению, сударь.

— Как поживают Брианна и мальчики? — осведомился Арлен, трепля исполинского пса по спине.

— Мальчики растут как сорняки. Каллен скоро сам станет лесорубом, а у Брианны в пузе зреет еще один. Молюсь, чтобы теперь была девочка. — Эвин выжидающе посмотрел на Арлена.

Тот вздохнул:

— Уж кто уродится, Эвин. Я не уверен, что Создатель вообще существует, а уж тем паче прислушивается. Надеюсь только, что, если родится девочка, она будет похожа на маму.

Все потрясенно уставились на него, не в силах поверить, что Арлен пошутил, но Эвин

разразился лающим смехом, остальные подхватили, и напряжение спало.

Дарси кашлянула, поймала взгляд Арлена и кивнула на поле боя, откуда к ним направился граф. Он вытирал рот шелковым платком, но шагал решительно. За ним шли два бойца, мужчина и женщина.

— Даг и Меррем Мясники, — шепнул Ренне Арлен. — Они и правда были мясниками до битвы за Лесорубову Лощину.

Мясники оказались кряжистые, с толстыми, испещренными шрамами ручищами и ожогами на лицах. Даг взмок от пота, он был лыс, в мясницком кожаном фартуке, укрепленном панцирной подкладкой и забрызганном ихором. Меррем, как Дарси, носила свободные панталоны, смахивавшие на юбки. Ее кожаный корсет был подбит изнутри, как фартук Дата, и тоже сплошь в ихоре. Оба, похоже, могли поднять быка. Тяжелые секачи на поясах почти не отличались от того, которым пользовался Харл, когда забивал борова, но их густо покрывали метки, и Ренна подумала, что оружие уже давно не применяли в мясницких целях.

Они шагали гордо, как гласные в городской совет. Лесорубы тянулись следом, покрытые кровью, потом и демоновым ихором. Они ослепительно светились магией. Все были намного выше Ренны, и ей почудилось, что она очутилась в кольце деревьев. Лесорубы возбужденно перешептывались, указывали на Арлена и рисовали в воздухе метки. В отличие от них, «деревянные солдаты» быстро построились позади графа, расправили плечи и держали копья, готовые убить за своего принца.

Граф Тамос был не так высок, как лесорубы, но наверстал упущенное с лихвой полированными доспехами, которые горели магией.

— Никто в Лощине не забыл, что ты сделал, — быстро произнесла Дарси, покуда граф не слышал. — Лесорубы пойдут за Меченым, и ни за кем больше.

Арлен кивнул:

— С историей про Меченого я перво-наперво и разберусь.

Тамос остановился на почтительном расстоянии от Арлена и замер с надменным видом; вперед же выступил человек помельче, которого Ренна до сих пор не замечала. Он был в доспехах и с коротким копьём за плечами, но воином не выглядел. Ладони гладкие, больше привычные к перу, чем к копьё. Его табард украшали две эмблемы: трон, заросший плющом, и «деревянный солдат». Человек поклонился.

— Позвольте представить его светлость Тамоса, графа Лесорубовой Лощины, маршала «деревянных солдат», брата герцога энджирского Райнбека и повелителя всех земель и народов от реки Энджирс до южных границ.

Тамос взглянул на Арлена и удостоил его почти неуловимого кивка. Ренна не ведала придворных манер, зато безошибочно распознавала насмешку. Она улыбнулась, горя желанием увидеть, как Арлен согнет этого типа.

Но Арлен, к ее удивлению, отвесил низкий поклон.

— Граф Тамос, — произнес он громко, чтобы слышали все, — благодарю вас за помощь и поддержку беженцев, страдающих на ваших землях. Вы почтили Лощину стоянием с лесорубами в ночи.

Тамос прищурился в ожидании подвоха, но Арлен лишь поклонился вторично:

— Нас ни разу не представили друг другу должным образом. — Он обвел взглядом Дарси, Мясников и всю толпу. — Лично меня — и вовсе никому. Я Арлен Тюк из Тиббетс-Брука.

Воцарилась мертвая тишина. Ренна огляделась и увидела, что все затаили дыхание. Молчание продлилось всего несколько секунд, хотя казалось, что намного дольше. Затем загалдели все разом, и в этой какофонии не удавалось разобрать ни слова. Даже «деревянные солдаты» переговаривались в строю.

Тамос глянул на Дага Мясника, тот повернулся к толпе и гаркнул, перекрывая шум и гам:

— Заткнулись все! Это вам не выступление жонглера!

Шум немедленно стих до невнятного бормотания, но Ренна видела, что людям не придется. Порядок долго не продержится.

Тамос поджал губы, переваривая слова Арлена.

— Тиббетс-Брук, — проворчал он. — Значит, ты житель Милна в конечном-то счете. Подданный Юкора.

Он выплюнул это имя, как отравленное.

Арлен пожал плечами:

— Так говорят границы на карте, но Юкору всегда было начхать на Тиббетс-Брук, а народ отплатил ему тем же. Да, я вырос в Бруке, но я сам себе господин. — Он посмотрел графу в глаза. — Юкор мне указ не больше, чем вы.

Тамос сощурился, и они уставились друг на друга. Граф уничтожил в бою несколько демонов и полыхал магией — и сам, и его доспехи. Ренна видела нимб, который пульсировал вокруг него в унисон с дыханием, и понимала, что граф может оказаться нечеловечески проворным. Невероятно сильным. И магия взывала о нападении.

Ренна могла бы встревожиться, но граф при всей его силе стоял против Арлена Тюка, татуировки которого уже светились вовсю. Ренна не знала, нарочно ли это сделано, но воздействие на толпу очевидно. Многие лесорубы бормотали и чертили в воздухе метки.

Граф и Арлен держали стойку, как кобели из-за суки, но у Арлена зубы больше, а стая хранила ему верность. Лесорубы взялись за орудия, и «деревянные солдаты» нервно заерзали.

Арлен сделал вид, что не заметил сгущающихся туч и снял противостояние обезоруживающей улыбкой. Он повернулся к Ренне, с поклоном указал на нее размашистым и плавным натренированным жестом. Стало ясно, что он не чужд хороших манер, хотя обычно не прибегал к ним.

— Прошу извинить за то, что не представил мою спутницу, — произнес Арлен. — Это Ренна Таннер, тоже из Тиббетс-Брука. — Он посмотрел через голову Тамоса на сгрудившихся лесорубов. — Она моя суженая.

Рты снова разинулись, но теперь и у Ренны отвисла челюсть. Он заявил об этом прилюдно, и факт помолвки стал реальнее, чем секундой раньше. Она стоворена с Арленом Тюком. Снова.

На сей раз Тамос оправился быстро, подошел к Ренне, поклонился и учтиво поцеловал ее руку:

— Честь познакомиться с вами, сударыня. Позвольте первым делом принести поздравления.

Из выступлений жонглеров Ренна знала, что благородные жители Свободных городов целуют дамам ручки, но ни разу не видела этого воочию. Она оцепенела, не имея ни малейшего представления, как отвечать. К щекам прилила кровь, и она мысленно поблагодарила ночь, в которой смущение осталось незаметным.

— Б-благодарю вас, — выдавила наконец.

Тамос выпрямился и вновь повернулся к Арлену.

— А сейчас, — произнес он тихо, — если ты кончил изумлять этих мужланов, не побеседовать ли нам наедине?

Арлен кивнул, и графский слуга препроводил вождей в большой шатер из прочной холстины посреди меченого участка вырубки. Внутри оказались роскошные и теплые пушистые ковры, ложе под балдахином и большой стол с дюжиной стульев. Во главе его высился, в понимании Ренны, трон — массивный, из полированного дерева, с высокой спинкой и здоровенными подлокотниками, изрезанными под плющ. Она в жизни не видела такого огромного кресла, остальные сиденья выглядели на его фоне карликовыми. Тамос, охваченный магией и в сверкающих доспехах, уподобился не менее чем самому Создателю, когда занял свое место и приготовился править.

В следующий миг слуга Тамоса, Артер, откашлялся и отвел полог для рачителя, который ухаживал за Джоу Лесорубом и другими ранеными. Тот опирался на меченый посох, но, несмотря на седую бороду, шел прямо и на вид не нуждался в поддержке.

— Рачитель Хейс, главный инквизитор пастыря Петера Энджирского, — объявил Артер.

Арлен нахмурился, и Ренна уловила, что он мгновенно проникся недоверием к этому человеку.

— Помню-помню, направленный на смену рачителю Джоне, — проговорил Арлен, глядя на Тамоса, будто тот сам и представил вошедшего. — Что, Джона уже подвергся твоему допросу?

— Это забота рачителей Создателя и тебя не касается, — ядовито отрезал рачитель Хейс.

Арлен хмыкнул, быстро глянул на Дарси.

— Его забрали несколько недель назад, — сказала она. — Байка сходит с ума, ей не разрешили его сопровождать, и с тех пор она не слышала о нем ни слова, как ни молила.

Дарси чуть кивнула в сторону Тамоса.

Арлен посмотрел на графа, но Тамос беспомощно развел руками:

— Как говорит рачитель Хейс, это дело Совета рачителей. Я в этом случае не властен.

Арлен покачал головой:

— Нехорошо. Жена имеет право услышать о муже и увериться, что он жив и здоров... и лучше бы оно так и было.

— Как ты смеешь? — вознегодовал Хейс. — Ты можешь наряжаться рачителем, но ты не из нашего ордена, и надо еще посмотреть, что ты...

— А что — я? — вызывающе перебил Арлен.

— Довольно! — оборвал их граф Тамос. — Завтра вестник заберет у госпожи Байки письмо и через неделю доставит от ее мужа ответ. Если она пожелает навестить супруга, ей предоставят сопровождение.

Рачитель Хейс вперил в графа суровый взгляд:

— Ваша светлость...

— Я больше не твой ученик, рачитель, — отрезал Тамос. — Избавь меня от нотаций. Если совет не устраивает мое правление, пусть снюхается с моим братом и поймет, кому из нас не наплевать на его дела.

Какое-то время они смотрели друг другу в лицо, затем Хейс кивнул и склонился:

— Как прикажет ваша светлость.

— Добро, — буркнул Тамос и взглянул на Арлена. — Можем ли мы считать вопрос закрытым или у тебя найдутся другие завуалированные угрозы в мой адрес? У нас есть дела поважнее, чем сельский рачитель, который проповедует не по Канону.

Арлен кивнул:

— Намного важнее, ваша светлость. Подземники устали от нашего сопротивления. Они собираются дать сдачи, и крепко.

— Пусть! — прохрипела Меррем. — В Недрах живут недоумки, у которых одни мозги на двоих, а то и меньше. Мы зажжем такой костер, что увидит Создатель.

Даг одобрительно хрюкнул, но Тамос ничего не сказал, продолжив сверлить Арлена взглядом поверх составленных домиком пальцев.

— Мы не видали, Меррем, и малой толики того, что могут бросить на нас Недра, — возразил Арлен. — Меньше недели назад мы с Ренной столкнулись с демоном, который стократ умнее любого из нас. С мозговым демоном. У него был телохранитель — подземник, способный превращаться во что угодно, и демоны вели себя иначе, когда мозговой оказывался поблизости.

— В смысле — иначе? — уточнил Даг.

— Как солдаты под командованием хорошего полководца. Он отрядил за мной стаю лесных демонов, а те орудовали дубинками, когда не удавалось прорваться за мои метки когтями.

— Ночь!.. — содрогнулась Меррем, а Даг сплюнул на ковер.

Ренна посмотрела на Тамоса, но граф ничего не заметил. Он мертвенно побледнел, и она учуяла его страх. Куда подевался могущественный вождь и свирепый воин, которым он был секундой раньше?

— Мать должна узнать об этом, — промямлил Тамос чуть погодя.

Это вызвало всеобщий интерес. Рачитель Хейс потемнел лицом.

— Мать, ваша светлость? — переспросил он украдкой.

Слова прозвучали так тихо, что не услышал никто, но Ренна различила их отчетливо. Ее чувства обострились с каждым днем.

Тамос вздрогнул и сел прямо. Бледность его почти спала.

— Брат, — поправился он. — Мой брат, герцог Райнбек, должен узнать об этом немедленно! Артер, снаряжай вестника!

Артер дернулся, но Арлен поднял руку, задерживая его:

— Я с сожалением довожу до сведения вашей светлости, что есть новости и похуже. Мозговые демоны способны напрямую вторгаться в мысли и пожирать их, узнавать о всех ваших действиях. Они даже могут захватить власть и превратить тело в послушную куклу.

— Создатель! — воскликнула Меррем. — Как же с такими сражаться?

Лицо графа позеленело настолько, что Ренна испугалась, как бы он не грохнулся в обморок.

— Против них хороши великие метки, — поделился Арлен. — А что до прочего, то существуют метки от мозговых демонов.

Порывшись в своем одеянии, он вынул лист пергаментной бумаги и меточную кисточку. Казалось, кисть превратилась в продолжение руки, он быстро нарисовал большую мозговую метку и показал ее собравшимся за столом:

— Этот символ способен пресечь их вторжение. — Он показал на такой же знак, вытатуированный на лбу, и на другой, у Ренны, нанесенный воронцом. — Мозговые демоны

переносят свет еще хуже, чем обычные подземники. Их жалит даже лунный. Они выбираются на поверхность только в новолуние. В эти три ночи каждый, кто выходит за активную великую метку, должен иметь на лбу такое же начертание.

Дарси провела пальцем по извивам символа:

— Довольно простой. Можно изготовить печати и пометить весь город.

— Так и сделайте, — кивнул Арлен и посмотрел на мясников. — А вам придется расширить рекрутский набор и подготовить лесорубов ко встрече с подземниками, которые воюют по-умному.

— Рекрутов уже полно, — отозвался Даг, — но это лишь значит, что по округе носится незрелый молодняк с мечеными копьями, которыми напрочь не умеет пользоваться.

— У них есть три недели на подготовку, — отрезал Арлен. — Я помогу, чем сумею, но это твоя задача, Даг Мясник. Твоя и Меррем. — Он взглянул на Тамосу. — И вашего графа.

— Поверить не могу, что ты сдал армию охотников на демонов, — призналась Ренна, когда они шли к лошадям.

— Рен, я никогда не хотел командовать армией, — отмахнулся Арлен. — Сейчас любая армия, которую я поведу, скорее замарают копья красным, чем черным. Людям нужно держаться вместе ночью и днем. Я буду только мешать. Пусть трон достанется Тамосу. — Он посмотрел на нее и улыбнулся. — Если понадобится, я всегда его скину.

Ренна рассмеялась, и отиравшийся невдалеке лесной демон возбужденно огляделся в поисках источника звука. Она была в десяти шагах, но в меченом плаще могла незаметно подойти вплотную.

В плаще, который с такой любовью изготовила для Арлена Лиша.

— Я знала, что неспроста не люблю эту вещь, — сказала Ренна.

Расстегнула застежку, и плащ упал на землю. Демон взвизгнул, обнаружив жертву, и поспешил к ней. Ренна дождалась его и отклонилась в последний миг. Демон споткнулся, пролетел мимо, и она вонзила нож меж бронированными пластинами.

Демон зажал рану, но та оказалась бессмертной и уже затягивалась под действием магии. Он вновь повернулся к ней и пронзительно заверещал. Ренна встретила его взгляд и выжидающе распахнула объятия.

Демон повел себя осторожнее, сохранил дистанцию и попытался, пользуясь преимуществом, дотянуться до нее ветвистыми лапами. Ренна ждала подходящего случая, легко отступала и уворачивалась от выпадов. Время от времени она случайно задевала ножом мелькавшие конечности, но неглубокие порезы лишь жалили демона.

Однако Ренна все тянула, пока подземник не шагнул нужным ей образом. Увернувшись от очередной атаки, она не дала демону оправиться, с силой пырнула его в зазор между третьим и четвертым ребрами справа, как научил Арлен. Ощутила биение, когда нож пронзил сердце демона и накачал ее магией. Глаза подземника погасли.

Лесной демон, извиваясь, попытался достать Ренну когтями, но кожные воронцовые метки зажглись и оставили его в безвыходном положении. Наконец он обмяк.

Она посмотрела на Арлена:

— Вот! Этот демон знает, от кого принял смерть.

Арлен скосил на нее глаза:

— Он мертв, Рен. И ничего не знает.

Он нагнулся, подобрал плащ, стряхнул с него листья и пыль и аккуратно сложил.

— Честное слово, я и сам не любил его надевать. Мне нравится прятаться не больше, чем тебе. Пожалуй, и меньше.

Он ворчливо продолжил:

— Раз в кои веки получаешь подарок и понимаешь, что в него вложили душу, но развернешь — и первая мысль: «Неужели этот человек вообще не знает меня?»

Ренна кивнула:

— Папаша так же покупал у Джесси Хмеля бочонок эля на мой день рождения и все выдувал сам. — Ее передернуло. — Таннеры не были мастерами делать подарки. По крайности, после маминой смерти.

— Что с ней случилось? — мягко спросил Арлен. — Я слышал, виноваты демоны, но в городе никогда не делились подробностями.

— Трудно сказать, — согласилась Ренна. — Ее точно растерзали, но в метках не обнаружилось бреши — она вышла во двор. Помню, они с отцом той ночью вдрызг разругались. Я была мала и не задумывалась, но сейчас мне кажется, она от него сбежала. Ночь, меня и саму не раз подмывало.

— Рад, что этого не случилось, — произнес Арлен. — Одно дело — бежать, когда есть куда, но если попросту вынужден — лучше дать бой.

— Честное слово, — ответила Ренна.

— Впрочем, от плаща была польза. Без него нас могли разорвать в клочья.

— Значит, мне следует поблагодарить Лишу Свиток за наше спасение. — Ренна сплюнула.

— Рен, это ты нас спасла. Без плаща и ножа твоего батюшки ту тварь было не одолеть. Мозговой демон подступил ко мне ближе, чем любой другой; он чуть не прикончил меня, и я той ночью не раз оказывался на волосок от смерти.

Он протянул ей сверток, и Ренна кивнула, принимая. Улыбнулась:

— Не могу сказать, что не обрадуюсь, когда твоя Лиша увидит его на мне. Все поймут, что я главное.

Арлен усмехнулся:

— Некоторые. Остальные подумают, что ты ее подмастерье.

Ренна насупилась, и он покатился со смеху.

Глава 5

Рачитель Хейс

Лето 333 П. В.

25 зорь до новолуния

— Побери его Недра! — выругался Арлен.

— Что случилось? — спросила Ренна.

Они спешили после быстрой скачки, повели лошадей через густую чащу и вышли на небольшую поляну часть которой заняла обнаженная и выступающая скальная порода. Арлен показал на нее пальцем:

— Кто-то нашел мое убежище.

Ренна присмотрелась к камню и помотала головой:

— Ничего не вижу.

— Оно там, — не унимался Арлен. — Надо подойти вплотную, чтобы увидеть дверь. Металлические воротца прикрыты пробочником, остальное — травой и мхом.

— С чего ты взял, что кто-то его нашел? — прищурилась Ренна.

Арлен указал на тонкую струйку дыма, которым курилась верхушка мертвого дерева, что угрюмо стояло на небольшом каменном выступе.

— Это мой дымоход. Я не оставлял очаг гореть три месяца кряду.

— Там спрятано что-то важное?

Арлен пожал плечами:

— Наполовину помеченное. Люди, которые присоединялись к лесорубам, разбирали оружие быстрее, чем я успевал пометить, и у меня так и не появилось собственного тайника. Только место, где можно преклонить голову.

Послышалось кудахтанье, и Арлен вздохнул:

— Мое уютное стойло превратили в курятник, провались он в Недра.

— И что теперь? — спросила Ренна.

— Наверно, снимем комнату в городке, — устало ответил Арлен. — Выступим завтра. Днем или ночью — не важно; все равно, как только мы покажем лица, сбегится толпа. Мне нужно поспать несколько часов, пока не началось.

— А почему бы нам не разбить лагерь, как всегда?

— Мы не животные, Рен. Нет ничего дурного в том, чтобы ночевать в постели, а мы не в той форме, чтобы знакомиться с населением.

Ренна состроила кислую мину. Ночью ей не удалось поохотиться, а в городе будет еще сложнее питаться мясом демонов без ведома Арлена. Отвращение к подобным трапезам улетучивалось по мере того, как умножались силы. Она была голодна и уже не насыщалась обычной пищей.

Но усталый вид Арлена охладил ее. Арлен нес на плечах все тяготы мира, и ей предстояло поддерживать его во всем.

— Отлично. Завтра. — Ренна взяла его за руки, поцеловала и улыбнулась. — Разложи круг, а я тебя убаюкаю. Заснешь как убитый.

Усталость исчезла с лица Арлена, едва она принялась его ласкать. Он никогда не утомлялся настолько, чтобы не возбудиться, завидя ее без одежды.

Через несколько часов, когда Ренна лежала без сна, а дыхание Арлена перешло в храп, она выскользнула из его объятий. Помедлила, глядя на него, лежащего в переносном круге. Он показался таким маленьким, таким беззащитным. При всей его мощи жизнь давалась ему тяжело, и спал он с трудом. Он нуждался в опоре. В человеке надежном, кому можно доверять.

В ком-то сильном.

Она обнажила нож и побежала в ночь.

Ренна проснулась, лежа лицом в грязи. Должно быть, ночью скатилась с одеяла. Ренна сплюнула и рассеянно мазнула рукой по лицу, потянулась спросонок. Еще не вполне рассвело, но небо посветлело достаточно, чтобы она обычным зрением рассмотрела струение магии, которая слабела и утекала в тень.

Арлен уже встал и топтался в одном бидо, роясь в седельных сумках Сумеречного Плясуна и бормоча под нос:

— Куда же я это засунул?..

Ренна улыбнулась. Она была готова каждое утро просыпаться со ртом, забитым землей, если первым, что явится ее взору, окажется Арлен Тюк.

— Что ты ищешь?

Не прекращая рыться, Арлен взглянул на нее, и его лицо озарила улыбка — отражение ее собственной.

— Мою одежду. А, вот она!

Он вытащил узел со скомканной одеждой, вытряхнул вылинявшие хлопчатобумажные брюки и когда-то белую сорочку. Надел их, и Ренна расхохоталась — настолько мешковато они сидели.

— Так и не дорос до отцовской одежды?

Арлен покосился на нее, затянул ремень и закатал рукава.

— Говорили, что в мою бытность вестником я был худым, но питался я сносно. А после всего этого, — он провел рукой по лицу, — потерял фунтов двадцать.

Он подвернул брючины.

Сандалии легли на аккуратно сложенную рясу и вместе с ней отправились в седельную сумку. Арлен извлек пару старых кожаных башмаков, но после недолгого размышления буркнул и спрятал их, оставшись босым.

Было странно видеть Арлена в обычной одежде. Ренна прищурилась, представляя, каким бы он стал, не уедь из Тиббетс-Брука, но у нее ничего не вышло. Татуировки, что покрыли предплечья и икры, не говоря уже о шее и лице, еще сильнее резали взгляд в

сочетании с заурядными сорочкой и брюками.

— Зачем это все? — удивилась Ренна.

— Я переоделся в рясу, потому что капюшон скрывал лицо днем, а к странствующим рачителям приставали меньше, — объяснил Арлен. — К тому же ее легче снять на закате. — Он покачал головой. — Но мне надоело прятаться, а ряса только морочит людям голову. Я не праведник. А если понадобится быстро предъявить метки...

Он щелкнул пальцами, мгновенно превратился в туман, и одежда свалилась. Он тут же сгустился вновь, облаченный в одно бидо и с метками напоказ.

— Этот фокус пригодится не только для схватки с демонами, — оскалилась Ренна.

— Кое-что лучше делать по старинке, — улыбнулся Арлен.

— Значит, так и отправимся в город? — спросила она. — Ты не попросишь меня тоже прикрыться, как после Ривербриджа?

Арлен встряхнул головой:

— Прости, Рен. Я тогда вскипел. Я не имел права...

— Имел, — оборвала его Ренна. — Я дала тебе повод вскипеть. Зла не держу, из меня следовало выбить дурь.

Арлен в мгновение ока пересек поляну и обнял Ренну:

— Ты столько для меня сделала! И не однажды. — Он поцеловал ее.

Солнце наконец взошло и ласково тронуло их лучами.

— Мы больше не будем таиться, Рен, — пообещал Арлен. — Мы такие, как есть, и нас либо примут, либо нет.

— Честное слово, — отозвалась Ренна, возложила руки на его гладко выбритую голову и притянула к себе.

Вскоре они выступили в путь к Лощине Избавителя. Арлен шел босиком и вел на поводу Сумеречного Плясуна.

— На дорогах нет меток, — напомнила Ренна.

— Дороги и есть метка, — возразил Арлен. — Или ее кусок. После того как подземники разрушили большую часть города, мы отстроили новый, еще крупнее, в форме взаимосвязанных великих меток вроде той, которую лесорубы продвигают на север. Времени на каждое новое кольцо уйдет больше, чем на предыдущее, но через десять лет ни один подземник не сунется в Лощину за сотню миль.

— Это... невероятно.

— Так и будет, — кивнул Арлен. — Если удастся завершить к часу, когда Недра извергнут войско, чтобы отбросить нас в Эпоху невежества.

Даже в такую рань дороги и тропы кишели простолюдинами, что спешили по делам. Арлен кивал прохожим, но ничего не говорил и ни разу не остановился. На них же с Ренной все глазели, иные кланялись или чертили в воздухе метки. Почти все побросали свои занятия и устремились следом. Они сохраняли почтительную дистанцию, но их становилось все больше, гул усиливался, и Ренна не раз уловила слово «Избавитель».

Арлен не обращал на гудение внимания и с безмятежным лицом держал курс на городской центр.

Хижин и ферм встречались десятки, все новенькие, а строили еще сотню. Извивы великой метки оставили огромные участки нетронутого леса, сохранили в Лощине сельскую атмосферу и разительно отличали ее от Ривербриджа с его бетунными улицами, каменными стенами и высоченными зданиями.

— Почти как дома, — огляделась Ренна. — Кажется, свернем за угол — и увидим Торг и лавку Хряка.

Арлен кивнул:

— Это место называют Кладбищем Подземников, а вместо Хряка тут Смитт, но, если чуток сощуриться, разницы не будет. Быть может, поэтому я на какое-то время и осел в Лощине. Не был готов ехать домой, а это место похоже на дом больше, чем какое-либо.

Они свернули за угол и вышли к кладбищу. Центральный участок, вымощенный булыжником, напоминал такой же в Торге. На одном краю оказался каменный Праведный дом, он вполне мог бы принадлежать рачителю Харралу и стоять на Хмельном Холме, но выглядел меньшим из-за фундамента, который выкладывали вокруг него, — сотни мужчин рыли канавы и таскали камни.

Арлен резко остановился, и благодушие на миг слетело с его лица.

— Новый энджирский рачитель времени не теряет. Он словно возводит собор, который проглотит Праведный дом Джоны, как жаба — муху.

— Плохо, что ли? — отозвалась Ренна. — Ты сам сказал: город растет. Разве лишние скамьи не понадобятся?

— Пожалуй, — обронил Арлен, но сомнения его не развеялись.

На дальнем краю булыжной площади виднелся большой помост с просторной сценой и раковиной для усиления звука. Ренна обратилась слухом к гомону толпы, но один голос возвысился надо всеми. Она увидела Джоу Лесоруба, тот стоял на сцене без малейших признаков смертельных ранений, полученных считанные часы назад. Ренна разглядела уже знакомые рясы и рачителя Хейса с краю: он опирался на кривой посох и холодно наблюдал за происходящим в обществе служки.

— Я видел Его собственными глазами! — воскликнул Джоу. — Лесняга вспорол меня знатно, и я слышал, как травница Дарси сказала, что не в силах помочь! Но пришел Меченый и воздел свои руки, и вот на мне не осталось ни единой отметины!

— Убирайся со сцены, Джоу Лесоруб! — возмутился кто-то. — Ты, может, и дурак, но не жонглер! Трави свои маревниковые байки кому другому!

— Клянусь солнцем! — вскричал Джоу и высоко задрал изорванный и окровавленный дублет, показал бледные шрамы в местах, где его ранил лесной демон.

Толпа была настроена скептически, и Джоу ткнул в нее пальцем.

— Эвин Лесоруб, ты тоже свидетель!

Все взгляды обратились к Эвину, но его чудовищный волкодав ошетинился, и народ не отважился подойти.

— Я не видел волшебного исцеления, — заявил Эвин после секундного размышления. — По крайней мере, собственными глазами. Но да, Избавитель вернулся.

Арлен застонал и прикрылся ладонью, когда толпа с обновленным интересом переключилась на Джоу.

— Да! — крикнул тот. — Настоящий Избавитель вернулся, чтобы вызволить госпожу Лишу и усмирить пустынную крысу!

Толпа одобрительно взревела.

— Тупой как груда булыжников, но не так уж не прав, — пробормотал Арлен.

Только сейчас Джоу глянул вниз и увидел на краю толпы его и Ренну.

— Вот Он! — заорал Джоу, наставив палец. — Избавитель!

Арлен упер руки в боки, когда толпа дружно повернулась к нему, и посмотрел на Джоу,

как на пса, который гадит в доме.

И вдруг толпа подалась вперед, потянулись руки. Сотни людей нахлынули разом, крича одно:

— Избавитель!

— Благословен будь!

— Благослови меня!

— Я нуждаюсь!..

— Ты должен!..

Ренна попыталась сдержать натиск, однако ей не хватило даже новоприобретенной силы.

— Назад! — заорала она, но ее не слышали, и в Ренне вскипела кровь, а глаза заволокло красным.

Она потянулась к ножу.

И в тот же миг увидела бутылку полетевшую в голову Арлена, но ничего не смогла сделать со своего места.

Впрочем, беспокоиться не стоило. Рука Арлена метнулась быстрее, чем видит глаз, и выхватила бутылку из воздуха. Все ахнули, а в толпе вдоль траектории ее полета образовался проход: неповинные в деянии поспешно расступились и выставили на всеобщее обозрение троих мужчин, те свирепо таращились на Арлена. Одеты были в лохмотья, но Ренна узнавала пропойц с первого взгляда и понимала, что их можно подбить на любую подлость. Ее рука вновь легла на рукоятку Харлова ножа.

— Избавитель! — сплюнул один. — Если ты весь такой Избавитель, где тебя носило, когда красийцы забрали мою дочь?!

— И моего сына! — крикнул второй.

— И мою ферму! — подхватил третий.

— Проявите хоть малость уважения, будьте вы прокляты! — зарычал Линдер Лесоруб и ударил заводилу в лицо.

Тот тяжело рухнул, а двое других в отместку повисли на великане. В попытке свалить Линдера они мотались туда-сюда, не доставая подошвами до земли. Человек, которому он врезал, тряс головой и силился встать, обуянный жаждой убийства.

— Эй, он правильно спросил! — крикнул кто-то еще, и мнения разделились.

Кричали и против, и за. Полдюжины лесорубов бросились к сцене.

Арлен мгновенно очутился на месте схватки, преодолел расстояние с нечеловеческой прытью.

— Хватит!

Он схватил обоих за шкуру, сдернул с Линдера и придержал, как нахальную малышню. Линдер надулся самодовольством и тоже заработал от него яростный взгляд.

— В следующий раз, Линдер, когда ты стукнешь кого-нибудь во имя мое, я проломлю тебе череп.

Линдер вдруг стал выглядеть на свои годы и залился мальчишеским румянцем.

Арлен отставил двоих изловленных — бережно, чтобы те удержались на ногах, и помог встать сбитому с ног. Затем заговорил — негромко, но его голос разнесся так же зычно, как крики Джоу из звуковой раковины.

— Приятель, я понимаю, тебе скверно, и соболезную насчет твоей дочери, но швырянием бутылок и дурацкими выходками ей не помочь, а я не единственный, на кого тебе

нужно яриться. Я никогда не объявлял себя Избавителем. Я разрисован, но такой же простой человек, как ты.

— Но ты же избавил от бед Лощину! — возразил человек почти с мольбой.

Арлен покачал головой, изучая толпу. Все замерли и внимали его словам.

— Я не спасал Лощину. Местные жители сделали это сами, когда пролили кровь на этот самый бульжник, что у нас под ногами. Да, я вмешался в час черной полосы, но то же самое совершили Лиша Свиток и Рожер Тракт. А также Линдер и Эвин Лесорубы вкупе с сотней других. Даже Джоу, хотя ему, похоже, взбрело в голову еще и придуриваться. — Он зыркнул на Джоу, тот с глуповатым видом прыгнул со сцены.

Арлен положил руку на плечо мужчины:

— Я знаю, что такое потерять близких. От этого сходишь с ума и делаешься бешеным, как сами Недра. Но грядут еще большие бури. Я прибыл на помощь, но она не стоит ломаного гроша, если действовать в одиночку.

Он повернулся, завораживая толпу, и заговорил уже громогласно:

— Есть дела поважнее, чем переливать из пустого в порожнее на Кладбище Подземников! Бьюсь об заклад, это касается и остальных!

Внезапно все потупили взоры, забормотали о незаконченных делах и строем потянулись прочь.

Подбежал Джоу Лесоруб, когда Арлен собрался уходить.

— Прошу прощения. Я не хотел...

— Я не сержусь на тебя, Джоу, — перебил он. — Сам виноват — напустил таинственности и скрытничал.

Джоу облегченно вздохнул, однако Арлен поднял палец:

— Но звуковая раковина предназначена для рачителей, жонглеров и волшебных скрипачей, а не для каждого болвана, которому вздумается рвать глотку. Чтобы я больше не видел тебя там — разве что захочешь сплясать или спеть. Если тебе нечего рубить топором, сходи к мясникам и попроси о деле.

Джоу яростно закивал и бросился наутек.

Ренна посмотрела туда, где стоял инквизитор, но он тоже исчез.

— Это место похоже на Брук больше, чем хотелось бы, — вздохнула Ренна. — Нас сожгут, если мы их не спасем?

— Дурь нужно выбивать из каждого, Рен, снова и снова, — напомнил Арлен, они вели лошадей в конюшню за новым постоялым двором. — Времена были трудные, народ слегка возбужден, но его можно простить. Не надо всякий раз хвататься за нож.

— Я не знала, что это так заметно, — напряглась Ренна.

— Нож-то большой, — пожал плечами Арлен.

К их лошадям приблизился худощавый, но мускулистый юноша. Посмотрел на Сумеречного Плясуна и быстро перевел взгляд на Арлена.

— Да, Кит, это я, — сказал Арлен. — Понятно, что места мало, но мне и моей суженой Ренне нужна комната на несколько недель.

Кит кивнул. Быстро привязал лошадей и проводил обоих через скромный боковой вход в раздевальню.

— Подождите здесь, я сбегаю за папой.

— Его отец, Смитт, — хозяин гостиницы и городской гласный, — объяснил Арлен, едва

Кит исчез. — Хороший человек, если не злить его. Честнее Хряка, но довольно крут, когда доходит до торга. Его жена Стефни мила в малых дозах, но у нее всегда такой вид, будто она неделю не была в нужнике и хочет опорожниться на каждого, кто приблизится. И склонна к проповедям — она не хуже, чем в Южном Дозоре, объяснит, чего и зачем желает от тебя Создатель и как тебе жить.

Ренну перекосило. Дозорные быстро приговорили ее к смерти и объявили это волей Создателя.

Вскоре в раздевальню вошли двое: крупный мужчина с густой бородой и крепкий в свои шестьдесят и тщедушная женщина с седыми волосами, стянутыми в тугой пучок. Арлен оказался прав. Казалось, она положила в рот что-то горькое и хочет выплюнуть.

— Хвала Создателю, ты вернулся, — произнес Смитт, когда все были представлены.

— Создатель тут ни при чем, — возразил Арлен. — У меня есть дела в Лощине.

— Его десница причастна ко всему, большому и малому — подала голос Стефни.

Из-за высокого ворота ее платья выглядывал оставленный демоном шрам, а ее жесткость напомнила о гласной Тиббетс-Брука Селии Пустоцвет, которая защищала Ренну, когда все от нее отвернулись. Ренна не знала женщины сильнее Селии.

Ренна, не думая, протянула руку и чуть погладила шрам.

— Вы ведь сражались? — спросила она. — В прошлом году, когда подвели метки?

Женщина выпучила глаза, но кивнула:

— Я не могла остаться в стороне.

— Разумеется. — Ренна сжала ее плечо. — Нельзя просить от других того, чего не желаешь делать сама.

Болезненное напряжение исчезло с лица женщины, и она улыбнулась. Вышла неуклюжая гримаса, потеснившая глубокие складки.

— Заходите. Мест нет, но мы держим пару комнат для вестников. Сейчас мы вас пристроим и что-нибудь кинем в брюхо.

Арлен и Смитт разинули рты, она же повернулась и направилась к заднему лестничному колодцу.

Едва они разместились и проглотили завтрак, который Стефни прислала наверх, как в дверь постучали. Арлен отворил и обнаружил на пороге служку рачителя Хейса — того, что всегда крутился рядом.

На службе были только простые сандалии и бурая ряса, меченый стихарь снят до наступления ночи. В каштановой бородке проступала седина.

— Я Малыш Франк, помощник рачителя Хейса, главного инквизитора и духовного наставника его светлости графа Лесорубовой Лощины Тамоса, — произнес он и еле заметно поклонился. — Прошу прощения за вторжение, сударь Тюк. — Он кивнул Ренне. — Сударыня Таннер. Дело в том, что на его святейшество произвела сильнейшее впечатление ваша утренняя речь, и он просит вас почтить его своим присутствием на обеде в шесть часов сегодня вечером в трапезной Праведного дома. Форма одежды официальная.

Он собрался уйти, но Арлен остановил его ответом:

— Вам придется передать наши сожаления.

Франк на секунду застыл, а когда повернулся, на его лице еще сохранилась тень удивления. Он отвесил очередной неглубокий поклон:

— Вы хотите сказать, что у вас имеются... мм... более важные планы, чем встреча с его

святейшеством?

Арлен беспомощно пожал плечами:

— Боюсь, мое расписание забито. Возможно, после новолуния.

На сей раз Франк не сумел скрыть недоверия:

— И это... ваш ответ его святейшеству?

— Изложить письменно? — осведомился Арлен.

Франк не ответил, и Арлен демонстративно распахнул дверь. Франк зашаркал прочь со смешанным выражением бешенства и потрясения на лице.

— Не староват ли он для Малыша? — спросила Ренна, когда затихли шаги.

— Ему небось под сорок, — кивнул Арлен. — Рачители обычно принимают сан к тридцати, даже если совет не найдет им приход.

— То есть он провалил испытание?

Арлен помотал головой.

— Это говорит лишь о том, что Хейс — могущественная фигура по сравнению с другими рачителями. Могущественная настолько, что быть при нем служкой престижнее, чем окормлять собственный приход. Политика, — выплюнул он с отвращением.

— Тогда зачем ты наговорил ему про расписание? Это не дружеский жест. Мы только час как вошли в город. Никаких частных визитов не запланировали.

— Начхать. — Арлен раздраженно махнул в сторону двери. — Будь я проклят, если меня заставят сидеть на пышном официальном обеде лишь для того, чтобы какой-то рачитель выглядел важной птицей. Я не вынесу такого позерства.

Он понизил голос до тенорка Франка:

— «Вы хотите сказать, что у вас имеются... мм... более важные планы, чем встреча с его святейшеством?» Ха!

— А у нас имеются более важные планы? — уточнила Ренна.

— Мы можем с тем же успехом часами биться головой о стену, — фыркнул Арлен. — Беседа с рачителем — из той же области. Все они вызубрили книгу, но каждый толкует ее по-своему.

— Брукский рачитель Харрал был хорошим человеком, — осторожно проговорила Ренна. — Стоял рядом со мной, когда весь город вывалил из домов, желая моей крови.

— Но не перед тобой, Рен, — заметил Арлен. — Запомни это хорошенько. А Джердж Страж полнился праведным гневом, и хотел твоей казни, и тоже был рачителем.

— Про старого рачителя Лощины не скажешь ничего плохого.

Арлен пожал плечами:

— Джона такой же дурак, как вся их братия. Может, в чем-то и больший. Но он всегда был справедлив с людьми. Заслужил уважение. Хейс не заслужил ничего.

— Ему и не дали, — заметила Ренна.

Арлен какое-то время молчал, но в конце концов буркнул:

— Ладно, я пошлю Кита сказать, что в нашем «расписании» нашелся пробел. Но никакой официальной формы одежды не будет.

Когда ближе к вечеру Арлен и Ренна отправились на обед с рачителем Хейсом в Праведный дом, перед постоялым двором не то чтобы собралась толпа, но возле лавок и на углах отирались сотни людей. Все они старательно делали вид, будто пришли по делам. При виде вышедшей пары поднялся дикий гомон.

Ренна вздохнула. Похоже, Арлену не изменить мнения некоторых — даже тех, кто впитывал каждое его слово, как прописанное в Каноне.

К ним стучались весь день напролет. Смитт и Стефни прилагали все силы, чтобы не допустить столпотворения просителей, но не отказывали никому, чье дело считали важным, а таких оказалось много. Мясники явились с увесистыми счетными книгами и рулонами карт, разложили их на полу и демонстрировали свои успехи в наборе рекрутов и расчистке территории. Десятки южных хуторян снялись с мест, когда красийцы растеклись по их землям для захвата Райзона, и многие селения целиком возродились в графстве Лощина на собственных великих метках. Таких меток теперь насчитывалось шесть, и они окружали саму Лощину, хотя полностью активными считались только две — в Новом Райзоне и Последнем Пределе.

Стеклодув Бени принес Арлену для осмотра красивые меченые изделия, а Кендалл просочилась с намерением поговорить об энджирских жонглерах, которые прибыли с караваном графа Тамоса.

— Пять мастеров из гильдии жонглеров и дюжина подмастерьев, — сообщила Кендалл. — Заявляют, что приехали помочь Рожеру натаскивать нас в укрощении демонов, но им, похоже, интереснее собирать истории о тебе.

И так без конца. Метчики, вестники, травницы, гласные из беглых городков — все они, по одному и парами, шли и шли, пока Ренне не захотелось взвыть.

Арлен воспринимал паломничество спокойнее, приветствовал многих как друзей и вносил предложения, которые большинство, похоже, считало приказами. И все-таки выход наружу принес облегчение, хотя и означал шествие под взглядами бесчисленных зевак.

Рачитель Хейс и Малыш Франк ждали их на пороге Праведного дома. Хейс был в коричневой рясе из тончайшей материи, какую видела Ренна, если не принимать в расчет ее меченый плащ. Хейс надел поверх рясы белую ризу с вышивкой — зеленым плющом и сверкающим позолотой изогнутым посохом в центре, их заключали в круг метки, и Ренна узнала не все. Епитрахиль и кипа были цвета зеленого леса и расшиты золочеными метками. Пальцы Хейса унизаны золотыми перстнями с зелеными нефритовыми камнями величиной с коровий глаз.

Франк тоже официально вырядился в зеленую меченую кипу и белый стихарь поверх бурой рясы с узорным шитьем в виде посоха и плюща той же расцветки, что у Хейса. Горло охватило золотое ожерелье с большим красным камнем.

Оба они разительно отличались от Арлена, пришедшего босым в вылинявших портках и сорочке, и Ренны, наряд которой считался скандальным по любым меркам — кожаный жилет и юбка до середины икр, с вырезами до пояса по бокам. Но если их простая одежда — или ее отсутствие в случае Ренны — явилась оскорбительной, то принимающая сторона не выказала никакого возмущения.

— Добро пожаловать в Дом Создателя, господин Тюк, сударыня Таннер! — громко произнес Хейс, и голос разнесся далеко окрест. — Для нас большая честь ваш скорый приход.

Ренна искала сарказм в тоне старика, но тот показался искренним.

— С вашей стороны большая любезность принять нас. — Она начертила в воздухе священную метку.

Арлен ограничился невнятным бурчанием и кивком.

Улыбка Хейса чуть поблекла.

— Я должен поздравить вас с помолвкой. Как вы понимаете, она вызвала немало пересудов среди горожан. Для меня будет честью провести церемонию, если вам угодно.

— Это весьма почетно, — Арлен опередил Ренну и говорил не менее звучно, чем Хейс, — но я хочу, чтобы ее осуществил рачитель Джона, когда вернется.

Толпа снова загудела. Хейс поджал губы, и его рот превратился в тонкую линию, которая скрылась в густой бороде и усах.

— Насколько я понимаю, вы были близки?

Арлен пожал плечами:

— Я не всегда с ним соглашался, но рачитель Джона повел себя правильно, когда Лощина оказалась в беде. Надеюсь на его скорое возвращение.

Улыбка покинула и глаза Хейса, а Франк кашлянул.

— Нам лучше переместиться внутрь, ваше святейшество. Все собрались. Вас ожидают в обеденной зале.

— Очень хорошо, води нас, — ответил Хейс.

Франк поклонился, проводил их в дом и плотно затворил высокие двери, отрезав от жадных глаз и ушей.

Из небольшого притвора под хорами виднелся неф, рассчитанный душ на триста. Полы были из простого камня, за многие годы отшлифованного бесчисленным количеством ног. Поизносились и красивые деревянные скамьи, на сиденьях имелись впадины с вытертым лаком, продавленные многими поколениями задов. Опорные балки изрезаны метками, как и витражные окна, но в остальном они остались без украшений. Главный алтарь был не менее зауряден, хотя стол и кафедру покрывало свежее полотнище с вышитыми плющом и посохом энджирских рачителей. Под ними расстелили толстый ковер.

— Простите за убогую обстановку, — развел руками Франк. — Когда расширение завершится, у нас будет достойный Дом Создателя с подобающим обустройством для приемов его святейшеством.

Острый слух Ренны уловил, как скрипнул зубами Арлен, но он промолчал, и Франк довел их до двери в боковой части алтаря, за которой оказался узкий коридор, а дальше — небольшая трапезная без окон. Она была обставлена намного роскошнее, чем прочие помещения. Холодные каменные стены увешаны тяжелыми гобеленами, а массивный стол из полированного златодрева протянулся на всю комнату, его покрывала бархатная скатерть. Поверх расставили изящные фарфоровые тарелки и золотые подсвечники, разложили серебряные столовые приборы. В камине уютно потрескивал огонь, а наверху горели дополнительные свечи в простой деревянной люстре.

За столом сидели трое, но все они быстро встали, когда вошел рачитель.

— Лорда Артера, помощника графа, вы помните, — произнес Хейс. — Рядом с ним сквайр Гамон, капитан графской гвардии.

Артер облачился в тонкие рейтузы и начищенные до блеска сапоги, а также в белую кружевную сорочку и табард с графской эмблемой — деревянным солдатом. На спинке его стула висела перевязь с коротким полированным копьём. Оружие помечено, тонкой работы гарда — инкрустирована драгоценными камнями. Красивая и в хорошем состоянии, но Артер не показался Ренне бойцом, вряд ли его копьё хоть раз отведало ихора.

При этой мысли ее рот наполнился слюной, и ей пришлось подавить подступившее мерзкое вожделение. В кого она превращается, если такие вещи возбуждают в ней аппетит?

Гамон нарядился так же щегольски, хотя и без кружевных манжет, и в нем чувствовалась

суровость воина. Короткая бородка не достигала старых рубцов от демоновых когтей. Его взгляд приковался к Арлену, оценивая, как перед дракой, а копье, судя по виду, не раз было пущено в ход. Оно висело на стене на расстоянии вытянутой руки.

— Большая честь, — произнес Артер и отвесил на пару с капитаном поклон. — Граф передает сожаления, но он занят на строительстве цитадели.

— То есть не пожелал быть замеченным в нашем обществе, — пробормотал Арлен.

— А это герцогский герольд — лорд Соловей Джасин, племянник первого министра Энджирса лорда Джансона, — представил Хейс третьего. — Завтра утром Джасин вернется в Энджирс, но нам повезло, что благодаря вашему приходу он получил возможность с вами увидеться.

— Он ждал бы, сколько необходимо, — вновь буркнул Арлен неслышно для всех, кроме Ренны.

Герольд был одет в ладно сидевшую куртку и просторные шелковые штаны изумрудного цвета, заправленные в высокие коричневые сапоги из кожи козленка. Накидка, тоже бурая, украшена вышитым энджирским Троном плюща. Он щегольски откинул ее, поклонился Ренне, и подкладка сверкнула многообразием цветов, которые, по мнению Ренны, подошли бы жонглеру.

— Никогда не заезжал так далеко от Тиббетс-Брука, — произнес он, целуя ей руку, — но мне, наверное, придется пересмотреть привычки, коль скоро здесь водятся такие красавицы.

Ренна зарделась.

— Довольно церемоний, — бросил Арлен.

— И в самом деле, — согласился Хейс и укоризненно посмотрел на Джасина. — Прошу садиться.

Он указал Арлену и Ренне на их места. Артер скользнул Ренне за спину, и она чуть не ударила его, но вовремя сообразила, что он отодвигает для нее стул. Тот был с бархатным сиденьем. Она ни разу не саживала на столь мягком сиденье.

Франк хлопнул в ладоши, и появились служки с вином. Мужчины, в том числе и Арлен, щелкнули зажимами, вынули свои салфетки и расстелили на коленях. Ренна неуклюже сделала то же самое.

— У нас сегодня замечательное меню, — сообщил Франк. — Жареный фазан, фаршированный абрикосами, в винном соусе и молочный поросенок в сливовом желе, зажаренный на медленном огне и яблоневого дрова. — Он обратился к Ренне: — Какое предпочитаете вино — белое, красное?

— Что? — не поняла она.

— Вино, чадо, — улыбнулся Франк. — Какое вам нравится?

— А оно бывает разное? — спросила Ренна и покраснела, когда Джасин, Артер и Франк рассмеялись. — А что я такого сказала? — чуть слышно осведомилась она у Арлена.

Арлен был готов изрыгнуть пламя.

— Ничего. — Он не потрудился говорить тихо. — Они хамят, взирая на свои яства, покуда народ в миле отсюда питается лебедой и благодарит Создателя за щедрость.

Франк побледнел и глянул на рачителя, прежде чем ответить Арлену:

— Я не хотел оскорбить...

Арлен, не слушая его, обратил взор на рачителя Хейса:

— Так вот чему вы учите своих Малышей, ваше святейшество? Потешаться над простолюдинами? Говорю это, потому что там, откуда мы родом, рачители неспроста носят

невзрачные рясы.

Хейс закаменел:

— Разумеется, нет.

— А я наблюдаю иное, — заметил Арлен и вновь посмотрел на Франка. — Как вы изволили выразиться об этом Праведном доме? Он убог? Имеет неподобающий вид?

Франк стал похож на затравленного оленя.

— Я лишь хотел сказать, что нужно нечто более величе...

— Вы говорите, не понимая смысла, — оборвал Арлен. — Сей Праведный дом — символ мощи жителей Лощины. Когда потеряли все, это здание устояло. Мы размещали здесь раненых, кое-кого — в этой трапезной, а их родные оставались снаружи и противостояли ночи. В этом месте нет ничего убогого. — Он перевел взгляд на Хейса. — Но вы хотите снести его и построить нечто побольше, чтобы люди забыли, кем они были до вашего появления, а также рачителя, которому принадлежал дом.

Хейс посуровел:

— Опять ты про Джону! Ты снял коричневую рясу, но продолжаешь вещать, как святой пастырь, и учить наш орден! Граф уже пообещал, что жене Джоны позволят увидаться с ним, но ты все равно устраиваешь сцену для толпы, а после снова, теперь за моим столом!

— Сцена-то ваша была, — заметил Арлен и оглядел собравшихся. — Я знаю, вы считаете нас глупцами, ибо мы деревенщина, но я много лет был вестником и чую политику с первой понюшки. Я выступил на кладбище и заявил во всеуслышание, что я не Избавитель и не праведник, но вам этого мало. Понадобилось, чтобы народ подумал, будто я состою в вашей стае, — он яростно зыркнул на Артера, Гамона и Джасина, — а королевские особы послали с черного входа своих лакеев, чтобы подслушать и доложить. Избавьте меня от ваших игрищ. Я не придерживаюсь Канона и не присягал Трону плюща.

Ренна откинулась на спинку стула, забавляясь происходящим. Никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Остальные рассвирепели, но Хейс поднял руку и призвал их успокоиться.

— Тем не менее, — возразил Хейс, — Трон плюща правит Энджирсом, и все, кто находится в его границах, подчинены его законам. Герцог Райнбек и пастырь Петер объявили Лесорубову Лощину зоной влияния Канона, господин Тюк. Пребывая здесь, вы подпадаете как под юрисдикцию герцога, так и под мою.

— Закон Эведжана, — бросил Арлен.

— Что? — переспросил рачитель.

— То же самое принято у красийцев, — пояснил тот. — Религия и закон суть одно. На Эведжахе, их священной книге, построена вся их цивилизация, и, завоевывая юг, красийцы насаждают Закон Эведжана, заставляют людей прятать лица и поклоняться Эвераму, хотя они этого или нет. Они насилуют женщин, порабощают мужчин и отбирают детей для полной индоктринации. Даже если прекратят наступление, через одно поколение на всей их территории будет господствовать Эведжан, умножив их численность вчетверо.

— Тогда, — улыбнулся Хейс, — тебе ясно, почему мы должны оказать им отчаянное сопротивление и отвергнуть ложное божество, возродить веру в истинного Создателя.

— Сопrotивляясь им, вы превращаетесь в них, — рыкнул Арлен. — И я не потерплю этого в Лощине. Вы можете говорить с кафедры все что угодно. Если сумеете убедить людей, это их выбор. Но если вы ударитесь в древнюю ахинею — скажем, выставите блудницу на растерзание демонам, — я переломлю через колено столб и загоню одну половину в вашу

дверь, а вторую — в графскую.

— Не загонишь! — рыкнул Франк.

— А ты проверь, — подала голос Ренна.

— Да как ты смеешь?! — вскричал Артер.

Капитан Гамон вскочил на ноги и схватился за копье:

— Именем графа Тамоса, я арестовываю тебя за изме...

Арлен фыркнул, не озаботившись даже встать. Он небрежно нарисовал в воздухе метку — и острое Гамонова копья стало цвета пасмурного неба. От оружия распространилось мерцание, острое и древко затуманились, а потом побелели, как иней.

— А-а-а! Создатель, моя рука! — взвыл Гамон.

— Не будь глупцом и сядь, — приказал Арлен.

Он посмотрел на мальчика-слугу, который с разинутым ртом и округлившимися глазами взирал на происходящее.

— Принеси сквайру котелок с холодной водой, пусть сунетруку.

Паренек сорвался с места, не удостоив взглядом ни Хейса, ни Франка.

Хейс сложил пальцы домиком:

— Итак, ты ставишь себя превыше законов людских и Создателя? И этим уведомляешь меня в лживости твоей утренней речи? В том, что не считаешь себя Избавителем?

Арлен мотнул головой:

— Этим я уведомляю вас в том, что я не мужлан, которым можно помыкать. Я вернулся в Лощину, чтобы заняться делом, а не воевать с вами или графом. Останемся друзьями, покуда вы будете судить по справедливости, — а вы, похоже, так чаще и поступаете. Но вы распоясались и должны понять, где кончаются метки. Мне неохота становиться пешкой в вашем политиканстве, и я потребую удовлетворения от ваших болванов, если еще раз вздумают высмеять мою суженую.

Хейс кивнул.

— Я приношу извинения за все, что оскорбило вас и госпожу Таннер. Это случилось непредумышленно, и я уверяю вас, — глянул он на Франка, — мой помощник получит подобающее взыскание.

Рачитель развел руками:

— Я тоже хочу, чтобы мы были друзьями. Мы с графом не желаем иметь в вашем лице врага, господин Тюк. Герцог, брат Тамоса, поручил ему выступить на юг, взять под охрану границу и защитить местных жителей. Мой долг, оговоренный пастырем Петером, во многом тот же. В отсутствие Джоны я призван служить этим людям, как служил он, то есть заниматься делом, в котором я кое-что смыслю.

— Это все, что вам поручено? — поинтересовался Арлен.

Хейс покачал головой:

— Есть еще одно дело. Вы.

— Я? — эхом откликнулся Арлен.

— Вы не первый в Энджирсе, в ком видят Избавителя, — объяснил Хейс. — Истории о Его возвращении рождаются каждые несколько лет, особенно в деревушках. Рачители Создателя расследуют все случаи, проверяют на подлинность. Лично я в моей должности изучил дюжину — мошенничество без единого исключения.

— Добавьте еще один, потому что я не Он, — улыбнулся Арлен.

Хейс наклонился к нему:

— Возможно, но вы и не простой вестник из захолустья, что бы ни говорили. Вы скоры на заявления, что, дескать, нет, вы не Он, но вам остается сказать, кто же вы *есть*. Применяете магию демонов, — кто поручится, что вы и сами не порождение Недр?

Воцарилось молчание, и Ренна ошетижилась. Остальные подались вперед, чтобы не пропустить ни слова из ответа Арлена, сам же Хейс расслабился. Джасин достал маленький блокнот и крошечный карандаш. Жонглеры кормились байками, а герольды и того больше, хотя их аудитория состояла из одного слушателя.

— Вы видели нынче же утром, как я стоял на солнце, — начал Арлен. — Разве это по силам порождению Недр?

— Все когда-нибудь происходит впервые, — пожал плечами Хейс.

— А как быть с тысячами демонов, которых я уничтожил, включая тех, что погибли у вас на глазах? По-вашему, это уловка, чтобы втереться в доверие к людям?

— Сами скажите.

— Ему не надо ничего говорить, — выпалила Ренна, и все резко повернулись к ней.

— Простите, юная сударыня, — укоризненно произнес Хейс, — но...

— Арлен не хотел сюда идти, — перебила Ренна. — Он все это предвидел. Сказал, вы попытаете либо захомутать его, либо обвинить. Что проще разговаривать со стенкой. Это я уговорила его проявить дружелюбие. — Она встала. — Теперь жалею о своем решении и не вижу причин задерживаться ради таких бесед. Ешьте своего фазана, приятного аппетита.

Она направилась к двери, и Арлен виновато пожал плечами перед рачителем и с ухмылкой последовал за ней.

Солнце садилось, на улицах Лощины царило оживление. На Кладбище Подземников строились отряды лесорубов, готовились к ночному патрулированию, а лавочники продолжали свой шустрый промысел — торговали едой, выпивкой и прочими товарами — и отнюдь не собирались закрываться. Даже рабочие, что закладывали фундамент для нового Праведного дома, трудились не покладая рук. Ренна знала: великая метка обеспечит им безопасность на всю ночь, хотя это и не укладывалось у нее в голове. Свобода — ночью и днем! Жители графства Лощина не обязаны жить по расписанию демонов.

— Скоро совсем стемнеет, как они будут работать? — спросила Ренна.

Арлен помотал головой:

— Магия вот-вот восстанет. Не успеешь оглянуться, света окажется достаточно.

Ренна подивилась, наблюдая за верными признаками исторжения — ключьями дымного света, что возникали из-под земли и были видны только ей и Арлену.

Но магический туман не коснулся великой метки. Взамен разогрелась и засияла вся мостовая. Ренна подумала, что ей чудится, но вскоре рассвело настолько, что игнорировать сияние стало трудно. Так ярко, что сделалось видно каждому, будь он с мечеными глазами или нет. Теперь понятно, отчего столь беспечны люди перед наступающей темнотой. Было не так ясно, как днем, но более чем достаточно для работы.

— Красиво, — согласилась Ренна.

Край великой метки виднелся невдалеке. Магия там поднималась обычным образом, но струилась к великой метке, в точности как утекала к Арлену, когда он ее призывал. Ренна почувствовала, что метка притягивает и ее личную магию; что растущее ядро силы, которое родилось в ней, когда она впервые вкусила мяса демона, стремится к великой метке, как магнетит к железной кастрюле. Ее поступь отяжелела, навалилась слабость, закружилась

голова.

— Я привык, что на великой метке бываю... сам не свой, — сообщил Арлен, словно прочитав ее мысли. — Будто бреду сквозь воду или слишком долго пробыл на солнце.

— Привык? — переспросила Ренна.

— Сейчас все иначе. Великая метка притягивает очень много силы, и присосаться к ней не труднее, чем дышать. — Арлен глубоко вздохнул, и его метки ожили, засияли ярче, чем когда-либо раньше.

Он выдохнул, и они снова погасли.

— Я могу даже слить излишек обратно в метку, если он ни к чему, и усилить защитное действие. — Он посмотрел на Ренну. — Я полон здесь силы, Рен. Больше, чем мечтал. И мне не нужно ради нее убивать. Не уверен, что этого хватит, но с новолунием все, что Недра выплеснут на нас, будет с тревогой ждать битвы за свою жизнь.

Арлен повернулся к другому большому зданию на противоположном краю булыжной площади. Это единственное помеченное место в Лощине, какое видела Ренна, с крупными и мощными, глубоко врезынными в древесину символами.

— Больница, — пояснил Арлен. — Мне нужно повидаться с госпожой Байкой до ее отъезда в Энджирс, — возможно, я смогу облегчить ее бремя. Когда закончу, у нее останется разве что малышня с насморком.

— Ты уверен, что это удачная мысль? — спросила Ренна. — Снова пойдут разговоры об Избавителе.

— Да они все равно не стихают. Я не Избавитель, но больше не собираюсь скрывать свои способности. Мы разворошили осиное гнездо, когда убили мозгового демона, и жалить, если я не ошибаюсь, начнут в новолуние. Поставить на ноги надо всех.

Ренна помрачнела. Арлен перехватил ее взгляд.

— В чем дело?

Ренна скрестила на груди руки и отвернулась. Спустя секунду Арлен обнял ее сзади и нежно стиснул:

— Что-то гнетет тебя, Рен, скажи. Я многое узнал от того демона, но еще не готов читать мысли.

— Мне не нравится твое целительство, — вздохнула Ренна.

Арлен застыл:

— Что? Почему? Мне что же, бросить людей лежать пластом? Искалеченных? Умиравших?

Ренне хотелось лишь одного — остаться в объятиях, но она стряхнула его руки и развернулась:

— Не в этом дело. Я думаю, это небезопасно. Меня ты называешь беспечной, а сам оказываешься на волосок от смерти каждый раз, когда лечишь. Ты слишком упрям, чтобы вовремя остановиться. Так что — да. Пусть лучше нога у какой-нибудь гниды срстется по старинке, чем ты погибнешь, вправляя ей кости.

Она ждала крика, но Арлен кивнул:

— Я все еще учусь. Но у меня есть великая метка для пополнения сил, и я буду осторожен, Рен. Обещаю.

Глава 6

Серьга

Лето 333 П. В.

29 зорь до Ущерб

— А-а!.. А-а-а-а-а!..

Из серьги полились вопли северной шлюхи. Инэвера выровняла дыхание.

Серьга казалась серебряной безделушкой, но была изрезана крошечными метками, а в центре усилена половиной горошины, изготовленной из кости демона. Вторая половина хранилась в такой же серьге, которую она подарила Джардиру в день свадьбы, и даже он не знал ее истинного предназначения.

«Никогда не снимай, если любишь меня», — наказала она. Обычно метки бывали выключены, но Инэвера могла активировать их, повернув устройство, и частица хора резонировала со своим близнецом, передавала звук, как детская игрушка — чашки, соединенные струной.

Включая сладкие стоны Лиши Свиток, что вливались в мужнино ухо.

«Я спокойна, — велела себе Инэвера, — а звуки просто ветер. Я согнусь, но не сломаюсь».

Ее взгляд метнулся к ближайшим советницам, Мелан и Асави. Они не слышали серьгу, ибо ее магия настроена только на носителя, но это не имело значения. Ахман и Лиша теперь развлекались в открытую — по крайней мере, во дворце. Инэвера была вынуждена улыбаться и вести себя непринужденно, невзирая на то что происходящее подрывало ее авторитет среди дама'тинг и мужчин при дворе Джардира.

Она сжала кулаки. Помешать им трудно. Ахман был шар'дама ка и по всем принятым толкованиям Эведжаха имел право обладать любой женщиной, какую пожелает. Инэвера положила многие годы на то, чтобы его потребности удовлетворялись ею лично или женщинами, которых она тщательно отбирала, — теми, что принесли ему власть и детей, но кем она легко повелевала и кого могла устранить.

С Лишей Свиток невозможно ни то ни другое. Она способна и впрямь наделить Ахмана властью, но при этом скрывает и держится заносчиво, как первая жена. Она не позволит себя подмять, а что до устранения... Инэвера дважды потерпела фиаско. В первый раз приказала своей старшей дочери Аманвах, обрученной с рыжим северянином Рожером,

отравить Лишу. Девчонка была верна, но неопытна и все испортила.

Лиша могла пожаловаться Джардиру, сделать их противостояние открытым и безобразным. Джардир пришел бы в бешенство. Возможно, неуправляемое.

Но Лиша смолчала и даже не удалила от себя Аманвах. Инэвера была вынуждена отдать ей за это дань некоторого уважения, а вскоре подослала к ней в спальню дозорных-евнухов и имела глупость затеять игрища, вместо того чтобы убить ее сразу. Той же ночью ей пришлось спасти Лише жизнь, иначе они бы сообща убили Джардира, находясь под влиянием мозгового демона.

Не сделай она этого, мозговой демон, конечно, умертвил бы как Джардира, так и ее саму. Неприятно признать, но захудалая северная ведьма оказалась грозной, и силы ее только умножились в ту ночь. Инэвера не помешала ей забрать у мозгового демона могущественные алагай хора — столько же, сколько было у самой Инэверы. Она послала за костями евнухов, но те вернулись побитые и с пустыми руками. Впредь Лиша не даст застать себя врасплох.

Поэтому Инэвера слушала. Слушала и старалась не чувствовать себя вытесненной. Выжитой. Униженной.

Она размеренно дышала, восстанавливала хладнокровие. Скоро эта женщина вернется в свою варварскую деревню — и в добрый путь. Инэвера снова займет положенное ей место в постели Джардира, и все пойдет по-прежнему.

Наверное.

Страстные стоны и крики стихли, сменились нежным воркованием. Инэвера напрягла слух, стараясь разобрать невнятные слова. Это оказалось хуже, чем вопли и шлепки плоти о плоть. Инэвера много раз наблюдала за близостью мужа с другими женщинами и хорошо знала звуки, которые он издавал сам и извлекал из партнерш. Искушенная в постельных плясках и уверенная в себе, Инэвера не боялась любовных приемов Лиши. Ее угнетала тишина, когда сплетенные в объятиях Джардир и Лиша лежали спокойно.

— Выходи за меня замуж, — произнес Джардир.

— Сколько раз я должна отказать, чтобы ты перестал просить? — отпиралась Лиша, прикидываясь, будто не понимает, сколь великая ей оказана честь.

— Если ты откажешь десять тысяч раз, — продолжил Джардир, — я спрошу еще десять тысяч. Давай же, еще не поздно! Я шар'дама ка и могу поженить нас мановением руки. Стань моей женой сейчас, тайно. Твоя мать и Аббан выступят свидетелями и подпишут бумаги. Об этом никто не узнает, пока мы не решим открыться, но *мы* будем знать.

Аббан.

Инэвера скривила губы. Он замешан в происходящее и ведет собственную игру за власть и внимание Джардира. С ним тоже придется разобраться.

— Попроси десять тысяч раз или двадцать — и я скажу «нет», — отрезала Лиша. — У тебя достаточно жен.

— Я откажу им в постели, — посулил Джардир, и Инэвера вспыхнула. — Всем, кроме Инэверы, — поправился он.

Инэвера восстановила дыхание, все еще потрясенная его глупостью. Шарумы не торгуются, а Джардир — шарум до мозга костей!

— Значит, мне придется делить тебя с одной женщиной, а не с четырнадцатью?

— Ты уже делишь, — проорчал Джардир, и Инэвера закусила губу при звуке возобновившихся поцелуев.

— Мы одни, Ахман, — заворковала Лиша, и Джардир судорожно вздохнул от

наслаждения. — В ближайшие несколько часов я не поделюсь тобою ни с кем.

— Дамаджах! — воскликнула Мелан. — Твои руки!

Инэвера опустила взгляд и увидела кровь, сочившуюся из сжатых кулаков. Длинные накрашенные ногти были остры и глубоко впились в ладони. Она, омертвевшая, ничего не заметила. Даже сейчас ее руки показались чужими, Мелан и Асави бережно вытерли и перевязали раны.

Как же до этого дошло? Как она упустила Ахмана настолько, что он выставил ее на позорище? Она видела, как он набрался знаний и сил, не дал шарумам выбить из себя потенциал и не погиб в пустыне. Она преподнесла ему объединенную Красию и наделила его орудиями, чтобы гнать алагай до самой бездны Най. Она подарила ему четверых сыновей и трех дочерей; подобрала дживах сен, чтобы его ложе не остывало, а детей стало больше.

— Наверно, мне следовало выбрать северных шлюх и утолить его похотливое вожделение к белой коже, — пробормотала она.

— Мужчины — предсказуемые создания, — проговорила Мелан.

— Стоит им кого-нибудь одолеть, так перво-наперво сношают их, как кобели, — поддакнула Асави. — А к белой коже пристрастилось много шарумов.

Мелан и Асави все эти годы оставались любовницами, жили вместе и всегда стояли друг за дружку горой. В мужчинах видели только осеменителей и давно выбирали отцов для своих будущих дочерей при помощи костей — управлялись за одну ночь и впредь уже никогда с ними не виделись.

Но, несмотря на предвзятость, они высказались довольно толково, а Инэвере следовало предусмотреть такое развитие событий. Коль скоро этого не случилось, язычница-шлюха околдовала ее мужа в тех самых благоухающих покоях, где он так часто возлежал с Инэверой.

Внимая нашептываниям Лиши, Ахман уже изменялся и пересматривал вековые традиции и культуру. Некоторые его указы были вполне безобидны, однако другие таили в себе угрозу, чреватые отчуждением от собственного народа во имя северных чувствительных обычаев: он забывал, что северяне предназначены ему в подданные, а не в союзники.

Им некогда церемониться с чинами. Грядет Шарак Ка. Война уже началась.

Инэвера не терпела шарумов, которых приводил в дом отец. Они с матерью стряпали и прислуживали, отец же покрикивал да отвешивал им шлепки, бахвалясь перед приятелями, по мере того как все напивались и впадали в буйство за игрой в глиняные кости — шарак. Еще до того, как Соли оделся в черное, Касаад запретил ему всякий труд. «Ты воин, сынок, а не хаффит или баба!»

Пока Инэвера была младше, мужчины не обращали на нее внимания и пялились на Манвах, но с приближением зрелости хищные взгляды обратились и к ней. Один шарум, отвратительный тип по имени Кемаль, даже попытался ее полатать.

Но Соли, хоть и не мог ни стряпать, ни подносить, всегда был рядом, готовый ее защитить. Кемаль только протянул руку, а брат уже врезал ему между ног коленом и сломал нос.

Касаад покатился со смеху, потешался над Кемалем и поздравлял сына, но даже не взглянул на Инэверу убедиться, цела ли она. Хуже того — он не перестал приглашать Кемалья в дом и ничем не препятствовал его вожделению. Инэвера знала, что шарум только и ждет, когда Соли отвлечется.

Необходимость обслуживать отца и полдюжины пьяных шарумов приводила Инэверу в ужас, но ей тогда и вполонину не было страшно так, как при подаче чая для дама'тинг в Праздник Растущей Луны.

На толстом ковре трапезной выложили полукруг из бархатных подушек. Кеневах села первой в центре, и Мелан немедленно подала ей чашку с дымящимся чаем. Девушка сама напоминала дымок: возникала, чтобы наполнить ее вновь, и опять исчезала.

— Кева, сядь справа, — распорядилась Кеневах и махнула в сторону подушки. — Фавах — слева.

Кева уселась куда велено, как и Фавах — почтенная невеста, которая выглядела старше самой Кеневах. Обслужить их выступили Асави с еще одной най'дама'тинг.

Кеневах подняла чашку, и все три женщины отпили. Затем Кеневах пригласила сесть еще двух невест, снова справа и слева. Им подали горячий чай, и выпили пятеро.

Чай для следующей пары, налитый из той же посуды, уже не был горяч. Для той, что уселась позже, — оказался чуть теплым. К тому времени, когда села последняя невеста, он совершенно остыл.

Еду подали в том же порядке, и Кеневах, как самая почтенная, получила лучшие куски мяса, хотя и остальные отобедали сытнее, чем могла вообразить Инэвера. От голода и ароматов у нее закружилась голова.

Когда ритуалы были выполнены, дама'тинг расслабились и перешли к дружеской беседе. Готовили и подавали в основном красавцы-евнухи, однако невест обслуживали только послушницы.

Дама'тинг, что сидела перед Инэверой, допила чай и отставила пустую чашку. Инэвера не сразу метнулась ее наполнить, и невеста вскинула брови. Инэвера поспешила с сосудом и пролила на стол одну-единственную каплю. Другая дама'тинг презрительно шмыгнула носом.

Когда Инэвера вернулась к прислуживающим, Мелан ущипнула ее; понадобилась вся выдержка, чтобы не вскрикнуть.

— Дура! — прошипела девушка. — Мы все за это заплатим. Прольешь еще раз — и мы в купальне продержим тебя под водой, пока не встретишься с Эверамом.

Дама'тинг не открывали лиц даже в столь избранном обществе и ели, склонившись над плошками, при помощи гладких палочек, брали понемногу и быстро подносили ко рту. Порой Инэвере удавалось заметить рот или нос, и она сразу отводила глаза. Зрелище казалось более непристойным, чем вид Касаада, перегнувшего Манвах через груды корзин.

Когда дама'тинг отужинали, послушницы обслужили себя сами и съели то, что осталось в кухне. Мелан и другие девушки затолкнули Инэверу в конец очереди, и ей пришлось довольствоваться самой малостью. Удалось наскрести миску остатков со стенок горшков, но девушки и после этого подчеркнуто отгородились от нее, расселись тесными кружками. Она поела в одиночестве и на закате, когда Кева погнала их в Каземат, с потерянным видом пошла за всеми.

Най'дама'тинг ночевали в общей спальне, на ее потолке отчетливо светились метки. Инэвера глянула вверх и в крайнем изумлении уставилась на магические символы.

— Скоро начнешь изучать, — пообещала Кева, перехватив ее взгляд. — Мелан, где твоя койка?

Койки стояли посреди комнаты в несколько ровных рядов. Мелан указала на угловое место вдалеке от двери.

Кева кивнула:

— А там кто спит? — Она махнула рукой на соседнюю с Мелан койку.

— Асави, — ответила Мелан, и девушка быстро шагнула вперед.

Кева хрюкнула:

— Твоей сестре по подушке придется найти новое место. Инэвера проспит подле тебя ближайшие двенадцать Ущербов — так ты ее лучше натаскаешь.

Мелан почти неслышно зашипела, когда Асави отправилась собирать вещи: в основном книги и письменные принадлежности. Проходя мимо Инэверы, она метнула в нее гневный взгляд, будто ножом полоснула.

— Можете заниматься своими делами, пока не погаснет защитный свет, — объявила Кева и вышла.

Инэвера затаила дыхание, ожидая, что девушки нападут на нее, но ее проигнорировали, разбились на маленькие тесные кружки и бросили в одиночестве. Инэвера дошла до своей койки, достала Эведжах'тинг и начала читать.

Свет померк лишь через несколько часов, но она почти не продвинулась в чтении

толстой книги. Однако послушно заложила страницу лентой и погрузилась в тревожный сон.

Инэвера проснулась оттого, что кто-то навис над нею во тьме. Ее глаза были привычны к мраку, но все равно различили лишь бесшумно подкравшийся силуэт. На миг она перестала дышать, затем опомнилась и принялась мерно вдыхать и выдыхать, прикидываясь спящей. Она позволила себе негромко всхрипнуть, как часто случалось с матерью.

У Инэверы не было вещей, кроме Эведжах'тинг и мешочка для хора, — ничего, что послужило бы оружием против целой спальни враждебных девиц. Сейчас они убьют ее в темноте, и все сойдет им с рук — почему бы и нет? Она напряглась, готовая броситься наутек, хотя бежать некуда. Даже если отыщет дверь, та все равно заперта снаружи.

Но силуэт скользнул к постели Мелан. Послышался шорох: откинули одеяло.

— По-моему, она меня заметила, — прошептала Асави.

Последовала пауза.

— Она спит. Я слышу храп, — возразила Мелан. — Да и кому какое дело, что подумает неудачный расклад?

Инэвера лежала, стараясь похрапывать ритмично, и прислушивалась к поцелуям и любовному шепоту на койке Мелан. Она ни разу не целовалась с девушкой, даже не помышляла об этом, но сейчас позавидовала. Инэвере никогда не было так одиноко.

Инэвера проснулась вновь, на этот раз от острой боли в боку. Она вскрикнула, приподнялась и увидела, что Мелан отводит ногу для нового пинка.

— Подъем, неудачный расклад!

Метки снова горели, а большинство девушек уже повязало бидо. Ужасно желая помочиться, Инэвера бросилась к шторке уборной, но Мелан поймала ее за руку:

— Раньше надо было проснуться, если хотела успеть. Дама'тинг придет с минуты на минуту, и если не сплетишь к ее приходу бидо, полный пузырь станет меньшей из твоих бед.

Инэвера похолодела и схватилась за свежий шелк, забыв о неудобстве. Девушки утрюмо проследили за тем, как она быстро сплела бидо.

Асави сплюнула ей под ноги:

— Она же дочь корзинщицы, это ничего не доказывает.

Едва Инэвера закончила облачаться, тяжелые двери спальни распахнулись. На пороге застыла в ожидании Кева. Девушки построились в одних бидо, и Инэвера последовала за ними из Каземата в другое просторное помещение подземного дворца.

— Каждый день начинается с шарусака, — сообщила Мелан. — Помалкивай. Делай так же, как дама'тинг.

Инэвера кивнула. Девушки организовались в стройные ряды на расстоянии двух шагов от одного до другого. В передней части комнаты стоял небольшой помост, на него и взошла Кева. Она развязала свой балахон, шелк с шелестом упал к ногам, и Кева осталась обнаженной, не тронув только покрывала и головного платка.

Она медленно приступила к упражнению на растяжку. Девушки повторяли ее движения, и Инэвера постаралась не отставать. Тело Кевы было гладким и мускулистым, вскоре оно покрылось пленкой из пота и благовонного масла. Инэвера не поняла, почему от медленных движений она взмокла так, будто час напролет бегала под палящим солнцем.

Движения были плавными и точными и ничуть не напоминали тех размашистых, грубых, в которых упражнялся Соли. Но, несмотря на вкрадчивость исполнения, стойки

Кевы оказались намного сложнее. Инэвере пришлось принимать немислимые позы и сохранять их подолгу. Непривычные мышцы ломило и жгло, пот лил градом, сердце бешено колотилось, воздуха не хватало. Казалось, ей будет мало любого вдоха, и она боялась, что вот-вот обмочится.

Стоя на левой ноге и раскинув руки, как для объятий, Кева наклонялась вперед, пока ее тело не оказалось параллельно полу. Правая нога пошла вверх и загнулась, почти коснулась пальцами копчика.

Инэвера попробовала повторить, но потеряла равновесие и ткнулась ладонями в пол.

— Держать позу, — приказала Кева, и девушки остались балансировать в шатком положении, тогда как она сошла с возвышения.

— Встань прямо, — скомандовала дама'тинг.

Инэвера быстро поднялась, и Кева положила одну руку на ее обнаженную грудь, а другую — во впадину, где сходятся лопатки.

— Дыши носом. Глубже. — Она сдавила корпус, и Инэвере пришлось преодолеть сопротивление, чтобы расправить грудную клетку.

— Выдох. Медленно, — проворчала дама'тинг.

Она сдавливала, а Инэвера медленно и ровно выдыхала.

— Еще раз, — велела Кева. — Дыхание — жизнь. Если ты дышишь, у тебя есть центр. Если у тебя есть центр, ничто не заденет тебя всерьез. Ты не почувствуешь ни голода, ни боли. Ни любви, ни ненависти. Ни страха. Ни тревоги. Только дыхание.

Инэвера и сама ощутила, что успокаивается. Настойчивые позывы, исходившие от полного мочевого пузыря и пустого желудка, заглохли, когда она проследила за своим дыханием от носа до кишок и обратно. Девушки вокруг пошатывались, их напряженные лица выдавали, насколько трудно сохранять неудобную позу.

— Со мной, — скомандовала Кева.

Продолжая сдавливать ее грудную клетку, она задышала в медленном ритме, и Инэвера подстроилась под нее.

— Дыхание очистит сознание и отладит тело так, что они станут единым целым.

Когда они задышали в унисон, дама'тинг отпустила Инэверу, взяла за руки, развела их и высоко подняла.

— «Капюшон кобры», — сообщила Кева и посмотрела на остальных девушек. — Продолжайте.

Послышались облегченные вздохи, девушки встали прямо и потянулись разведенными руками к потолку.

— Это шарукины, — объяснила Кева и показала Инэвере еще ряд движений, аккуратно выправляя ее стойки. — «Клюв грифа». «Прыжок шакала». — Она наклонила Инэверу, перевела в ту самую ненадежную позицию. — «Хвост скорпиона».

Дама'тинг наступила левой ногой на ступню Инэверы, удерживая на месте, а правой подцепила ее правую лодыжку и поднимала ногу, пока не поймала; она заводила ее все выше, пока сухожилия Инэверы не напряглись до предела. Инэверахватила ртом воздух и пошатнулась.

— Дыши, — напомнила Кева. — Ты пальма, а дыхание — ветер. Воспользуйся его силой, чтобы вернуть равновесие и перейти из одной формы в следующую.

Инэвера восстановила ритм и убедилась, что дыхание действительно помогает. Кева отметила ее новообетенную устойчивость, кивнула и вернулась на помост.

Занятие продолжилось. Инэвера по-прежнему шаталась и чувствовала себя неуклюже, а суставы ломило так, что впору было кричать, но дышала она ровно и испытала облегчение, когда Кева наконец расслабилась и сунулась в ящик за помостом. Звякнул металл, и она выпрямилась с четырьмя крошечными кимвалами, притороченными к большим и указательным пальцам.

Повинуясь ее кивку, Мелан подошла, взяла ящик, вынула собственные кимвалы и передала его дальше. Все девушки поступили так же, возвратились на свои места и замерли в ожидании следующей части занятия.

Кева повернулась боком, высоко воздела руки с кимвалами наготове и выставила ногу вперед.

Девушки приняли ту же позу, и Инэвера приложила все силы, чтобы ее повторить.

— Колени согнуты, — скомандовала Кева. — Опирайтесь на пальцы.

Когда Инэвера исправила стойку и обрела свой центр, дама'тинг четырежды ударила в кимвалы, каждый раз двигая округлыми бедрами так, что суставы издавали звук, похожий на щелчок кнута.

— Теперь все вместе. — Она повторила движения.

Девушки воспроизвели их с натренированной точностью, но Инэвера обнаружила, что это мудренее, чем казалось на первый взгляд.

— Еще раз, — велела Кева. — Смотри внимательно.

Дама'тинг воздела кимвалы и щелкнула бедрами, и вновь движение ускользнуло от Инэверы. Она не сразу поняла, как шевелить тазом, и ее кимвалы звучали вразнобой с остальными. Сделать то и другое одновременно казалось невозможным.

Кева не унималась, заставляла ее повторять. Инэвера старалась в поте лица, улавливала раздражение девушек, но не могла поделать ничего, кроме как пробовать снова и снова.

Наконец Кева осталась удовлетворена. Она что-то буркнула и принялась бить в кимвалы безостановочно, щелкая бедрами в такт. Инэвера поймала ритм, и вскоре он стал ее второй натурой. Она поняла, что улыбается.

Но после этого дама'тинг с гибкой грацией закружила по помосту, не сбиваясь с ритма, в котором работала кимвалами и бедрами. Это было красиво. Это завораживало. А Инэвера, попытавшаяся ей подражать, налетела на Мелан, и обе грохнулись на пол.

— Дура! — выпалила Мелан.

Кева склонилась с помоста и с силой ударила ее по лицу. Кимвалы звякнули.

— Это твоя вина, Мелан! Это тебе дамаджи'тинг поручила сделать из нее най'дама'тинг! Чему ты ее научила? Она не знает ни «Капюшона кобры», ни первого поворота бедрами!

Кева наставила палец в лицо Мелан.

— Ты должна научиться серьезно относиться к своим обязанностям. Отлучаешься от Палаты Теней до тех пор, пока Инэвера не догонит других.

Девушки ахнули, а Мелан выпучила глаза.

— Еще секунду посмотришь так дерзко, — предупредила Кева, — и очутишься в великом гареме игрушкой для шарумов.

Мелан потупила взгляд и низко поклонилась:

— Да, дама'тинг.

После шарусака девушки выстроились в очередь к кухням, где пара стареющих евнухов

налила каждой по черпаку жидкой каши. Инэвера прочла в глазах Мелан и остальных желание поставить ее в конец. И с легкостью уступила. Бессмысленное противостояние ничего не даст. Лучше выглядеть кроткой по мере постижения правил най'дама'тинг.

Инэвера не получила и половины плошки, ей достались водянистые остатки со дна котла. Но даже это она едва успела проглотить, прежде чем Мелан явилась по ее душу.

— Уже почти рассвело, — заявила Мелан. — Дама'тинг скоро пойдут в шатер, и заberi нас Най, если мы опоздаем.

— В шатер? — переспросила Инэвера.

Мелан взглянула на нее, как на слабоумную:

— На рассвете шарумы возвращаются из Лабиринта, и раненых отправляют в шатер. Дама'тинг лечат их, а мы помогаем.

Инэвера вспомнила вопли раненых шарумов, что накануне проникали сквозь полотняные стены, и представила себя окруженной мужчинами, которые истекают кровью и режут от боли, в то время как она помогает дама'тинг кромсать и латать их плоть.

У нее закружилась голова, к лицу прихлынул жар. Жидкая каша подступила к горлу.

Мелан влепила ей затрещину. Каша и желчь исторглись фонтаном, осквернив каменный пол; от стен отлетело эхо. Девушки обернулись на звук, глядели холодно. Дама'тинг отсутствовали, а евнухи, как обычно, немые.

— Эверамовы яйца, найди же свой центр! — вскипела Мелан. — Для дама'тинг нет дела серьезнее, чем врачевание. Мне уже запретили посещать Палату Теней. Если шарум потеряет хоть каплю крови из-за твоей слабости, дама'тинг выпьют из меня стократ больше!

Она придвинулась и понизила голос до шепота:

— А я тогда отрежу тебе соски и заставлю сожрать!

Инэвера уставилась на нее, осмысливая услышанное. Мелан не дала ей времени на ответ, схватила за руку и потащила в Каземат. Девушки быстро умыли руки и лица, облачились в белое и снова построились. Мелан препроводила Инэверу к выходу, где они встретились с дама'тинг, которая вывела их из дворца. Вскоре они дошли через Подземный город до катакомб под шатром дама'тинг Каджи, где дождались рассветного пения дама с минаретов Шарик Хора.

Содействие дама'тинг в их врачевании оказалось делом кровавым и жутким, опасения Инэверы полностью подтвердились. В ушах звенело от криков и воплей — орали как шарумы, слишком страдавшие, чтобы принять свою боль, так и Мелан и дама'тинг, которые бранили ее за медлительность.

Один раз она несла кувшин с инструментами, замоченными в едкой жидкости, по сравнению с которой кузи показалось бы пустяком, споткнулась и пролила несколько капель. Мелан ударила ее по лицу на глазах у Кевы и еще одной дама'тинг. Ни та ни другая не сказали ни слова, их больше волновали инструменты, а не ее распухшая скула.

Воин, что лежал перед ними на столе, забился в агонии, когда они срезали черную ткань вокруг глубокой раны в животе. Невесты бросили осколки керамических защитных пластин в пальмовую корзину, и те, от крови мокрые, звякнули.

Кева швырнула Мелан пару шелковых шнуров:

— Привяжи его.

Мелан взяла один и протянула Инэвере второй:

— Пошевеливайся и делай, как я. — Она намотала шнур на кулаки, оставив между ними

отрезок длиною в предплечье.

Обдумывать инструкции было некогда, потому что Мелан с поразительной скоростью и грацией накинута шнур на запястье воина, отпрянула и выпрямила его руку, воспользовавшись принципом рычага. Тот попытался вырваться, но Мелан знала, под какими углами его плечо слабее всего, и не позволила.

— Живо! — крикнула она, когда мужчина неуклюже простер к ней другую руку.

Инэвера рванулась вперед, пытаясь повторить действия Мелан. Захватила шелковой петлей запястье шарума, но толком не поняла, куда шагнуть и как переместить свой вес по примеру Мелан. Шарум нанес ей удар слева, и затрещина Мелан показалась поцелуем.

Инэвера рухнула на пол, Кева зашипела и погрузила два напряженных пальца в плечевой сустав воина. Его руку свело судорогой, и у Инэверы появилось время, чтобы расправить шнур и повторить попытку. Кева раздраженно глянула на Мелан, а та, в свою очередь, молча и яростно уставилась на Инэверу. Они зафиксировали воина распростертым. Дама'тинг силком влила ему в глотку сонное снадобье, и вскоре он обмяк. Невесты резали, не обращая внимания на кровь и другие, более гадкие жидкости, что пятнали их белоснежные одежды.

— Это не поможет, — выдохнула Кева спустя какое-то время.

— Без магии хора ему не выжить, — согласилась вторая невеста и посмотрела на Мелан. — Отнеси его в катакомбы.

Мелан кивнула, и они с Инэверой взяли за ручки носилок, что свисали с краев операционного стола. Воин был куда тяжелее обеих девушек, вместе взятых, но Инэвера привыкла к тяжелому труду и не сбилась с шага. Асави метнулась вперед, открыла люк, и дама'тинг повела их вниз, в темноту.

Асави дождалась, когда Инэвера и Мелан спустятся, и захлопнула крышку, оставила их в крошечном мраке. Тот царил, пока Кева не воспользовалась светящейся демоновой костью и не осветила путь к каменной палате с еще одним операционным столом. В стену была врезана стальная дверь, Кева отперла ее ключом, который висел у нее на шее, и их взорам явилось нечто вроде набора кусков угля и почерневших костей. Алагай хора. Она выбрала средних размеров кусок и затворила дверь, та мелодично щелкнула: сработал запирающий механизм.

— Отсос, — скомандовала Кева.

Мелан подогнала устройство из трубок и мехов, управлявшееся ножной педалью. После чего вставила трубку в открытую рану воина, чтобы перекачивать кровь в стеклянный сосуд, а Инэвера принялась ритмично давить на педаль.

Дама'тинг очистила края раны, сперва убрала кровь, а после выбрила участок вокруг. Пока они трудились, Асави приготовила кисточки и плоску с чернилами.

— Инэвера, подойди ближе, — позвала Кева.

Асави сменила ее за педалью, и Инэвера подошла к невестам, стараясь не помешать. Не глядя на нее, Кева заговорила:

— Сначала сифонная метка, ее рисуют на северном краю раны. — Она окунула кисточку в чернила и начертила странный символ.

Инэвера смотрела во все глаза и ждала, что чернила засияют, но этого не произошло.

— Дальше — метки для силы, стойкости и крови. — Кева быстро нарисовала их, расписывала плоть шарума по часовой стрелке и наносила метки в соответствии с частями света.

— Теперь их нужно объединить. — Кева начертила четыре одинаковые метки в

промежутках так, что получился восьмиугольник.

Покончив с этим, она подала знак второй дама'тинг, которая выставила осколок демоновой кости. Едва кость приблизилась к ране, метки Кевы и в самом деле яростно вспыхнули.

— В метках нет магии, — объяснила Кева, — но они вытягивают ее из кости демона и заставляют силу алагай служить цели Эверам.

Инэвера смотрела с разинутым ртом, как смыкается плоть шарума. Рана затягивалась, как сливаются воедино две пригоршни воды. Через считанные мгновения от нее остался лишь шрам. Новая плоть оказалась бледнее, не будучи тронута ни солнцем, ни песчаными бурями, и выглядела даже здоровее, чем кожа вокруг нее.

— Хвала Эвераму, — благоговейно прошептала Инэвера. — С такой магией шарумам не придется умирать.

Кева печально покачала головой:

— Если бы! Самые тяжелые раны не исцеляет даже магия хора, а за наше могущество приходится платить. — Она кивнула на демонову кость, которая раскрошилась в руке второй дама'тинг. — Лечение — самое дорогостоящее применение магии, к нему не прибегают без острой нужды. Пусть алагай — бедствие, которому не видно конца, но их костей меньше, чем жизней, которыми мы расплачиваемся за их сбор. Эту силу нужно использовать экономно.

— И тайно, — строго добавила вторая невеста. — Шарумы и так чересчур беспечно относятся к своим жизням. Одному Эвераму известно, каких вершин глупости они достигнут, если узнают о нашем могуществе. Пусть лучше выздоравливают естественным путем, когда возможно.

Кева кивнула:

— Этого мы подержим отдельно от братьев — одурманенным и как бы «поправляющимся».

— Но разве он не нужен, чтобы защищать нас от алагай? — удивилась Инэвера.

Мелан прыснула, и Кева зыркнула на нее:

— Спасибо тебе, дочь, за то, что добровольно вызвалась отнести этого воина в шатер и весь оставшийся день отстирывать бидо.

Мелан напряглась, но поклонилась:

— Прошу прощения за непочтительность, мать.

Кева махнула рукой:

— Принято. Захвати с собой Асави.

Девушки подхватили носилки с исцеленным шарумом и понесли прочь из палаты. Вторая дама'тинг освещала им путь костью демона. Не зная, что делать, Инэвера застыла столбом.

Когда все ушли, Кева вновь повернулась к ней:

— Мелан плохо воспитана, но права. Копье Пустыни защищают не воины, а меченые стены. Пока Избавитель не явится вновь, алагай'шарак останется лишь поводом для мужской гордыни, унося жизни ради побед, которые ничего не стоят.

Инэвера округлила глаза от услышанного кощунства. Соли и Касаад рисковали собой в Лабиринте каждую ночь. Все ее деды, дядья и прочие предки по мужской линии на три столетия погибли в Лабиринте, она всегда считала, что и ее сыновей ждет та же участь. Это не может быть сугубо мужской гордыней.

— Разве не сказано в Эведжахе, что нужно убивать алагай любой ценой?

— В Эведжахе сказано, что нужно любой ценой повиноваться шар'дама ка, — поправила Кева. — А шар'дама ка приказал убивать алагай.

Инэвера открыла рот, и Кева подняла палец, повелев ей молчать.

— Но шар'дама ка мертв уже три тысячи лет и унес в могилу боевые метки. В Лабиринте еженощно гибнет больше мужчин, чем рождается за день. До Возвращения нас были миллионы. Сейчас осталось меньше ста тысяч, и все из-за мужчин с их нелепой забавой.

— Забавой? — переспросила Инэвера. — Как может быть забавой защита городских стен от демонов во время священного алагай'шарак?

— Стенам не нужна защита, — объяснила Кева. — Каджи построил Копье Пустыни с двумя мечеными стенами: наружной — по древнему городскому периметру, и внутренней — для защиты оазиса и окрестных дворцов и племен. Между ними — Лабиринт, возведенный на руинах внешнего города. — Она сделала паузу, неотрывно глядя Инэвере в глаза. — Ни одну стену ни разу не проломили.

Инэвера озадаченно уставилась на нее:

— Но как же демоны попадают каждую ночь в Лабиринт?

— Мы пропускаем их, — пророкотала Кева. — Шарум ка распахивает ворота настезь и держит, пока Лабиринт хорошенько не засеется, а потом запирает демонов в Лабиринте для мужской охоты.

Инэвера почувствовала себя примерно как после затрецины Мелан. Голова пошла кругом, и она уперлась ладонью в стену, чтобы устоять на ногах.

— Дыши, — скомандовала Кева. — Найди свой центр.

Инэвера подчинилась, задышала глубоко и ритмично, успокаивая и тело, и колотящееся сердце.

Это помогло, но не настолько, чтобы полностью избавиться от накатившего гнева. Часть ее хотела бить по лицу все мужское население города. Она считала Соли и отца храбрецами, а еженощную жертву, которую они приносили, входя в Лабиринт, — священной. Но если достаточно просто закрыть ворота...

— Вот... недоумки, — выдавила наконец Инэвера.

Кева кивнула:

— Но недоумки они или нет, а най'дама'тинг не вправе несерьезно относиться к их жертве.

Инэвера вспомнила о наказании, которому Кева подвергла Мелан, и покраснела. Поклонилась.

— Я понимаю, мать.

— Мать? — вскинула брови Кева.

Инэвера закусила губу.

— Разве не так обращаются обрученные к невестам?

От глаз Кевы разошлись лучики, что Инэвера сочла улыбкой.

— Нет. Мелан сказала так, потому что она моя дочь.

Час от часу не легче.

— Вы назвали матерью Кеневах...

— Правильно, — кивнула Кева. — Я наследница дамаджи'тинг.

У Инэверы сжалось сердце. Кева всегда казалась строгой, но справедливой. Не другом,

наверное, но и не врагом. Но теперь...

— Дыши, — снова повелела Кева и подняла руку в ожидании, пока Инэвера обретет центр. — Я тебе не враг. Я выросла со знанием того, что занимаю среди дама'тинг второе место во власти, но давно смирилась с мыслью, что не наследую матери во главенстве над женщинами из рода Каджи. Мелан еще предстоит принять эту истину и согнуться под ее ветром, и я молю Эвераму, чтобы со временем ей это удалось.

Умиротворяющая ладонь Кевы сменилась наставленным пальцем.

— Но не заблуждайся. Я не враг, но и не друг. Для грамотного, сильного и смиренного перед лицом Эвераму руководства дама'тинг из рода Каджи нужна особенная женщина — такая, как моя мать. Если окажется, что ты недостаточно сильна, грамотна или смиренна, чтобы выжить и облачиться в белое... — она пожала плечами, — значит, такова *инэвера*.

От щек Инэверы отхлынула кровь, но она сосредоточилась на дыхании и сохранила свой центр.

— Да, дама'тинг.

— Хорошо, — произнесла Кева. — Ступай за мной.

Она вышла из палаты, и Инэвера последовала за ней в потайные ходы Подземного города, которые вели к дворцу дама'тинг. Большинство туннелей освещалось метками, что тянулись вдоль стен непрерывными линиями вверх и вниз.

В апартаменты дама'тинг их впустил тот самый евнух, с которым Кева заговорила накануне, — обнаженный, в одних золотых кандалах. Лишенный ядер, он обладал, однако, внушительным мужским органом, и Инэвера невольно приковалась к нему взглядом.

— Что, хорош? — улыбнулась Кева. — Хавель — мой любимец, опытный любовник и верный слуга. Но боюсь, сейчас тебе придется отвести от него глаза. Ты познаешь его мастерство напрямую при обучении постельным пляскам.

«Обучении постельным пляскам?» Инэверу захлестнула волна тревоги, хотя за ней скрывалась и толика любопытства.

Кева не дала ей времени на размышление. Взяла квадратный ящичек с мелким белым песком и тонкими палочками. Сверху и снизу имелись пазы, позволявшие сдвигать панель и разравнивать песок. Кева протянула Инэвере палочки:

— Утром ты видела, как я нарисовала пять меток. Начерти их.

Инэвера сжала губы, но взяла палочку и закрыла глаза, чтобы зримо представить каждую метку. Она нарисовала восьмиугольник, как сделала Кева, поставила метку в каждом углу. Четыре разные, а пятая, четырежды повторенная, соединила их. Инэвера держала палочку близко к концу, как перо, четко работала гибким запястьем по ходу начертания извилистых символов. Закончив, с гордостью подняла глаза.

Кева мучительно долго изучала ее труды. Потом буркнула:

— Шарусак тебе дался лучше. Силу удержат только две метки, да и то еле-еле.

Инэвера приуныла, а невеста сдвинула панель, уничтожая ее работу, и взяла палочку.

— Начнем с сифонной метки. Это — клыки демона. — Кева нанесла на песок две кривые отметины, а Инэвера склонилась и пристально всмотрелась. — Они соседствуют с каждой меткой или скрываются в ней, притягивают в символ магию. Окончательную форму этой силе придают очертания метки.

Она продолжила рисовать, держа палочку за дальний конец.

— Посмотри, каким прямым остается мое запястье. Я двигаю кисточку плечом, а не кистью. Самые сильные метки получаются, когда рисуешь их непрерывной линией, а это

нельзя сделать одним запястьем.

Кева быстро нарисовала сифон, и Инэвера поняла, насколько слабой оказалась ее память. Она покраснела от стыда, но Кева ничего не заметила, разровняла песок и вернула ей палочку.

— Еще раз.

Инэвера повиновалась, но держать палочку, как показала Кева, было неудобно, и во второй раз метки получились даже хуже.

Кева снова стерла рисунок. Ее глаза не выражали ничего.

Когда Инэвера вернулась в Каземат, рука у нее ныла от палочки, а мочевого пузыря готовился лопнуть. Ее одежда еще была запятнана кровью шарума.

Но все это воспринималось как бы издалека, она без труда игнорировала телесный дискомфорт. Мелан и Асави оказались заняты, и Инэвера в конце концов смогла помочиться и выкупаться.

Нашлись ароматические масла и мыльные брикеты, инструменты для ухода за ногтями и шершавые камни для очистки кожи. Девушки демонстративно проигнорировали ее, когда она взяла бритву и завершила работу, которую они начали накануне, — сбрила с головы последние клочья волос и довела ее до абсолютной гладкости. На ощупь кожа показалась чужой.

Но если тело расслабилось, то сознание Инэверы выворачивалось наизнанку. Все, что она знала и во что верила, либо отпало, либо предстало ложью. Ничто не имело смысла. Ничто не выглядело важным.

За обедом Инэвере чудилось, будто она вышла из самой себя. Она смутно осознавала свое тело. Прислуживая дама'тинг, бросалась к ним по первому знаку, а после с той же скоростью исчезала. Забавно, но женщинам, похоже, именно этого и хотелось, и она управлялась лучше, когда действовала бездумно. Впрочем, ей было и не о чем думать, ибо она отчаянно продолжала искать точку опоры или непреложную истину. Даже Эведжах, на котором ее воспитали и который некогда считался истиной абсолютной, обернулся писанием субъективным, а великие деяния Каджи и законы, что вывели из них дама'тинг, явились ее умственному взору как есть, без прикрас. Эведжах'тинг включал в себя мнение Дамаджах о мирообразующих событиях, порой значительно отличавшееся от мужского.

Где правда? В словах Каджи или первой Инэверы? Или и там и там — сплошные ложь и полуправда? Важны ли события, произошедшие тридцать три века тому назад?

Она затосковала по материнским рукам, по спокойствию на душе, которое испытывала, когда Соли ерошил ее густые черные волосы. Но волосы сгнули, а с ними и Соли. Быть может, она еще увидит его, но он, скорее всего, погибнет в Лабиринте до того, как она станет — если вообще станет — дама'тинг. Она сожалела даже о Касааде и его пьяных дружках-шарумах. Вправе ли она судить мужчин, которые вынуждены еженощно идти в Лабиринт на бессмысленный бой с полчищами демонов?

Однако, несмотря на боль и внутреннюю сумятицу, Инэвера поняла: будь у нее возможность движением руки зачеркнуть два последних дня, она бы этого не сделала. Она прожила во мраке девять лет, и перед нею впервые забрезжил свет.

Магия. Ее обучают магии хора.

Инэвера вспомнила свое отвращение при виде крохотной косточки демона, которой Кева освещала путь в комнату предсказаний. Неужели с тех пор прошел всего один день?

Казалось, что целая жизнь. Сейчас же ей хотелось одного: зажать в руке такую кость и одним махом исцелить раненых мужчин.

Глухие удары сердца понудили ее вновь задышать ритмично, в согласии с центром. Вскоре тело расслабилось, и она сумела выступить из него вторично. Оставшись в вихре проблем и вопросов, она сочла их теперь похожими на летящий песок — помеху, которую можно проигнорировать.

Не издавая не звука, она встала в конец очереди най'дама'тинг, и на этот раз евнухи наскребли ей полную плошку. Она поела в тишине и вместе с другими девушками вернулась в Каземат.

«Найди свой центр!» За завтраком Мелан рыкнула на нее перед оплеухой. Инэвере почти захотелось, чтобы она повторила — исключительно ради припоминания чувства.

Что значит — найти свой центр? Что значит быть дама'тинг? Действительно ли эти женщины не чувствуют ничего, заглядывают в будущее и принимают решения, несущие жизнь или смерть мужчинам и женщинам, — и живут при этом, как Дамаджи, в роскошных дворцах и не знают ни в чем отказа?

По возвращении в Каземат дама'тинг предоставила девушкам заниматься своими делами, пока не померкнет меточный свет. Она затворила дверь и звучно щелкнула запорами. Инэвера пошла к своей койке, на которой оставила Эведжах'тинг.

Она не замечала Мелан, пока не обнаружила, что летит. Она крепко ударилась о пол, и вспышка боли вернула ее в чувство.

Вскинув взгляд, она уперлась руками, чтобы встать. Остальные девушки окружили их с Мелан, как в купальне. Старшая приблизилась.

Инэвера вздохнула. «Только не снова».

— Мне поручено преподавать тебе шарусак, — объявила Мелан. — Я не увижу Палаты Теней, пока ты не научишься!

Инэвера медленно пятилась и натолкнулась спиной на живое кольцо, кто-то выпихнул ее вперед.

— «Хвост скорпиона»! — крикнула Мелан, плавно нагнулась и обвила рукой бедра Инэверы, свою же ногу стремительно отвела назад, подняла по дуге и метко ударила ею в лицо.

Ошеломленная Инэвера опрокинулась навзничь. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя и встать. Мелан осталась в той же позе.

— «Хвост скорпиона»! — скандировали девушки, становясь так же. — «Хвост скорпиона»! «Хвост скорпиона»!..

Инэвера сохранила ровное дыхание и с удивлением обнаружила, что не боится. Мелан собралась задать ей трепку, но сопротивляться бессмысленно. Вряд ли ей нанесут непоправимый ущерб, да и в любом случае делать нечего. Лучше пока стерпеть и научиться — чему получится.

Ее центр был крепок, когда она приняла позу «Хвост скорпиона» — устойчивую, несмотря на то что лицо стремительно покрывалось потом.

Мелан рассвирепела пуще прежнего — видимо, ждала слез и мольбы. Инэвера на миг пожалела ее. Кости, призвавшие Инэверу, метнула родная мать Мелан, наследница Кеневах. Что она думает доказать гневом и ревностью?

— «Увядший цветок»! — выкрикнула Мелан, ударив быстро и низко.

Закаменевшие пальцы ее правой руки вонзились Инэвере в живот.

Возникла тупая боль, Инэвера перестала чувствовать ноги и повалилась на пол.

— Важно знать не только как бить, — проговорила Мелан. — Надо понимать куда.

Не успела Инэвера восстановить контроль над телом, как Мелан опрокинула ее навзничь и прижала коленями руки, удерживая их в беспомощном и безопорном состоянии.

Она с силой вдавила костяшки указательных пальцев в виски Инэверы.

Через мозг словно проскочила молния. Перед глазами заплескали световые вспышки, Инэвера вгуне дернулась, забыв о дыхании.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Мелан подалась назад и встала. Инэвера осталась лежать, дыша медленно, пока заново не обрела свой центр.

— «Увядший цветок», — повторяли девушки и плавно принимали нужную позу. — «Увядший цветок». «Увядший цветок»...

Инэвера поднялась на неверные ноги и скопировала движения.

— Это туннельная гадюка. — Кева показала най'дама'тинг стеклянный ящик.

Внутри, на присыпанном песком днище, лежал полый камень, и в той самой полости свернулась змейка с тускло-серыми чешуйками.

— Под солнцем нет твари опаснее.

Инэвера и остальные обрученные склонились, чтобы рассмотреть. Прошли месяцы, и дни приобрели своеобразную размеренность: начинались с шарусака и лечения раненых шарумов, после чего следовали уроки, которые иногда были общими с другими девушками ее лет, а иногда давались Кевой лишь для нее.

— Какая крохотная, — прошептала она.

— Не обманывайтесь, — предупредила Кева. — После яда туннельной гадюки удар скорпиона покажется нежным поцелуем. Один укус способен убить шарума за считанные минуты. Туннельная гадюка жалит быстро, отползает и ждет, когда жертва умрет. Она может позволить себе ожидание. Другие животные не едят ужаленных ею, иначе тоже погибнут от яда.

Рассказывая, Кева сняла крышку и закатала по локоть шелковый рукав. Она держала за хвост песчаную мышку. Та отчаянно пищала и извивалась, чуя беду. Кева уронила ее в гадючий ящик перед камнем.

Змея мгновенно развернулась и бросилась на мышку, но, как ни была проворна, Кева оказалась быстрее. Ее рука неуловимо для глаз схватила змею позади головы и вынула из ящика. Та поначалу забилась, но Кева держала крепко, ворковала над ней и поглаживала по голове, пока змея не успокоилась.

— Мы можем заставить гадюку обнажить клыки, если надавим на основание черепа.

Она нажала большим пальцем, и выдвинулись два кривых клыка, ранее прятавшиеся в своде пасти. На столе стоял стеклянный пузырек, прикрытый тонкой пленкой. Кева проткнула ее клыками.

— Мешочки с ядом расположены с обеих сторон головы, тут и тут, — показала она. — Если надавить, они опорожнятся в наш сосуд.

Она сделала, как сказала, и в пузырек упало несколько капель. После Кева вернула пленницу в стеклянный ящик, змея мигом свернулась и, медленно поводя головой, уставилась на мышку. Та вытаращилась в ответ, оцепенела вся, кроме носа, который с точностью повторял танец змеиной головы. Наконец змея нанесла удар, укусила только раз и втянулась в каменную пещеру, оставив мышку извиваться в песке. Через несколько секунд

мышь затихла.

— Даже после дойки на клыках сохраняется яд, которого более чем достаточно, чтобы убить, — прокомментировала Кева, когда змея выскользнула из полости за добычей. Пасть приоткрылась, готовая заглотить мышь целиком. — Гадюка наестся, выпится, и завтра к этому времени ее мешочки снова наполнятся ядом.

Кева подняла пузырек, в котором яда и было-то капли три.

— Этого хватит, чтобы убить всех присутствующих. Кто скажет, как приготовить противоядие?

Несколько девушек подняли руки, но Инэвера успела первой.

Инэвера и другие девушки стояли на коленях, образовав кольцо вокруг горы подушек. Спины выпрямлены, взоры — внимательны. К най'дама'тинг присоединилось и несколько даль'тинг в черных головных платках — этих девушек прислали на учебу во дворец дама'тинг перед отправкой в великий гарем.

Кева сняла белые одежды, даже покрывало и капюшон. Под ними оказались прозрачные лосины, они обтекали ее голени и бедра, как лавандовый дым, и заканчивались ножными браслетами с мелодичными золотыми колокольцами над голыми ступнями. Накрашенные ногти были бледно-лиловыми, в тон одежде. Просвечивал и топ, свободный в области крепких грудей; стройная талия обнажилась, имея на себе лишь золотую цепочку, на которой висели черный бархатный мешочек с хора и фиал. Ничем не прикрытое лоно гладко выбрито, как и вся ее кожа; нетронутыми остались брови и густая грива черных волос, что ниспадали блестящими локонами и были забраны в золото. Незримым осталось только лицо: непроницаемая лиловая шелковая вуаль подчеркивала лавандовый цвет прозрачного наряда.

В задней части комнаты зазвучала ритмичная музыка в исполнении трио пожилых евнухов, вооруженных зурной, томбаком и кануном. Кева подала знак, подошел Хавель. На мускулистом теле евнуха не оказалось, как всегда, ничего, кроме золотых кандалов и шелковой набедренной повязки, которая свисала, как флаг, с огромного затвердевшего члена. Взгляды многих девушек, и в том числе Инэверы, устремились к нему, словно металл к магнетиту. Инэвера поежилась, чувствуя себя неуютно.

Дама'тинг рассмеялась:

— Как видите, Хавель уже готов исполнить свои обязанности. Но мужчину необходимо довести до безумия и только потом разрешить ему расчехлить копье.

Она взяла Хавеля за руку и с подворотом швырнула его на подушки, используя собственный вес евнуха.

Затем начала танцевать. Бедра покачивались в такт музыке и не сбивались с него даже под дополнительный ритм, который она выбивала в маленькие латунные кимвалы, закрепленные на больших и указательных пальцах. Золотые колокольцы на лодыжках и ручные браслеты усиливали колдовское воздействие по мере того, как она обходила ложе из подушек, переступая ногами уверенно и быстро, как в шарусаке. И в самом деле многие ее движения повторяли те, что регулярно отрабатывались в предрассветные часы.

Хавель смотрел на нее зачарованно, как мышь на туннельную гадюку. Набедренная повязка грозила треснуть, то же творилось с мощными мышцами, которые напряглись и обозначились отчетливо, а жилы неистово пульсировали.

Так продолжалось, пока у Инэверы не закружилась голова. В помещении стало жарко и сладко пахло благовонным курением; она раскачивалась в такт музыке и нескончаемой

дробь, которую выбивала дама'тинг. Другие девушки очаровались не меньше, и все напряженно следили, как дама'тинг подкрадывается к жертве.

Наконец Кева сделала ход, метнулась к подушкам и сорвала с Хавеля набедренную повязку, дабы обнажить его горделивое копьё. Она провела по нему пальцем, и безязыкий евнух застонал. Кева сняла с поясной цепочки фиал, капнула на ладонь маслом и растерла, ее руки сделались скользкими.

— Повествуя о ночах, когда она возлежала с Каджи, Дамаджах описывает семь приемов, — сказала дама'тинг и взяла Хавеля за член. — Смотрите внимательно, я покажу все.

Вскоре Хавель запрокинул голову, вновь застонал, но невеста крепко сдавила его орган у основания похожей на гриб головки и принялась ворковать, дожидаясь, когда он успокоится.

— У Хавеля нет ядер, но они будут у мужчин, с которыми вы возляжете. В их чреслах заключены грядущие поколения красийцев, и Эведжах предписывает не проливать и не проглатывать ни капли семени.

Священнодействия дама'тинг снова и снова ставили Хавеля на грань, но она всякий раз терпеливо восстанавливала его самообладание, прибегая к сдавливанию.

— Приемов семь, — повторила дама'тинг и оседлала евнуха, — но возлечь с мужчиной можно семьюдесятью семью способами. Вот первый, называется «дживах сверху». Мало просто двигаться вверх и вниз на его копьё. Вы должны... вращаться.

Она показала как, применив недавние танцевальные па.

— Если вы властвуете над мужскими чреслами, возлежа на подушках, то властвуете и над мужчиной, — изрекла дама'тинг, — а заодно обеспечиваете и собственное удовольствие. Большинство мужчин, дай им волю, едва соображают, куда совать, и сношаются, как собаки.

Бессчетные часы обучения постельным пляскам не прошли бесследно: у Инэверы заломило мышцы, едва она напрягла их на утреннем шарусаке. Из-за латунных кимвалов на кончиках пальцев появились мозольки, а пятки покраснели от волдырей. Потом обработает пемзой в купальне.

Но, несмотря на скованность и боль, Инэвера чувствовала в себе силу. Она не была столь сильна, даже когда переносила через базар огромные штабеля корзин. Она приготовилась выполнить шарукин, но Кева не разделась. Вместо этого подозвала девушек, чтобы встали вокруг, и кликнула мускулистого евнуха. На сей раз явился не Хавель, а другой, по имени Энкидо.

Он, как все евнухи, изъяснялся на сложном языке жестов, который входил в программу обучения най'дама'тинг. Дама'тинг умели быстро подать своим слугам развернутые команды, а в редких случаях, когда нуждались в ответе, получали не менее обстоятельный.

Но на этом сходство кончалось. В отличие от других евнухов, Энкидо всегда был одет в черное, хотя и носил золотые кандалы в знак служения, а также красное покрывало, которое означало, что до прихода во дворец дама'тинг Энкидо руководил боевой подготовкой шарумов, считался знатоком шарусака и мастером сражений в Лабиринте. Говорили, он убил много алагай, стал отцом многих сыновей и обучил много воинов, до того как угодил под чары дама'тинг и добровольно расстался с ядрами и языком.

Инэвера слышала, что он не снимал черных одежд, потому как скрывал ужасные шрамы, полученные в бытность шарумом, но, стоило дама'тинг ударить в ладоши, и он сбросил одеяние. Инэвера громко ахнула в унисон с девушками помоложе.

Шрамы были, но давно побледнели — скорее доблестные отметины, чем уродливые изъязны. Девушек потрясли не они, а татуировки на выбритой коже, под которой играли мышцы. Все тело было расписано черными линиями и маленькими кружками, они восходили по конечностям и покрывали торс, шею и голый череп.

Кева тоже сбросила одежду, и они, обнаженные, встали друг против друга, хотя вуаль, как обычно, осталась на дама'тинг. Кева тронулась с места, и Энкидо напал с неожиданной, пугающей скоростью. Он весил вдвое больше, но это ничуть его не замедлило, они схватились, и он быстро подчинил ее себе, оторвал от пола и лишил точки опоры.

Но дама'тинг не смутилась. Она немного сместилась и двумя пальцами ударила его в вытатуированную на груди точку Рука евнуха мгновенно ослабла, и Кева отвела ее, как ручонку малыша-ходунка, после чего высвободилась и опрокинула соперника на спину.

— Все создания Эверама управляются линиями силы и точками схождения на стыке мышц, сухожилий, костей и энергии, — объяснила дама'тинг. — Это места великой силы, но они же — самые уязвимые. Достаточно дотронуться правильно — и ослабеет даже сильнейший.

Она подала знак, и воин снова атаковал, на сей раз не обхватывал ее, а осыпал градом молниеносных пинков и ударов, похожих на выпады туннельной гадюки.

Но дама'тинг отклонялась, как пальма на ураганном ветру, и он ни разу не попал в цель. Наконец, за миг до пинка, она почти ласково надавила на точку, обозначенную на его опорной ноге. Та подкосилась и, хотя Энкидо устоял и быстро выпрямился, лишилась силы и перестала держать. Он балансировал на другой и поднял для верности руки в ожидании команды дама'тинг.

Но та повернулась к девушкам.

— Энкидо прошел подготовку в Шарик Хора и был величайшим мастером шарусака, какого видели шарумы Каджи за сотню лет. Никто из его племени не мог с ним сравняться, а алагай дрожали, когда его видели. Дама'тинг много раз благословляли своих дочерей его семенем, от них-то он и узнал о нашем искусстве. Но эти знания оставались для него под запретом, сколько он ни молил. Дамаджах учит, что тайны плоти нельзя доверить ни одному мужчине. Наконец дама'тинг сжалились над ним и сказали, что наши секреты будут стоить ему языка и свободы. Он тут же переломил о колено копье, а острием лишил себя языка и мужского достоинства — и корня, и ядер. Истекая кровью, он положил их к ногам дама'тинг. Перестал быть мужчиной, но его излечили и благословили правом участвовать в вашей подготовке. Вы должны его всячески почитать.

Инэвера и прочие девушки, как одна, поклонились Энкидо. Он же, хотя был лишь евнухом, окинул их суровым взглядом наставника, который оценивает своих най'шарумов, и когда заговорил жестами, девушки быстро подчинились.

Инэвера положила руку на Эведжах'тинг, но в книгу не заглянула. Закрыла глаза и повторила священные стихи:

И из металла святого Дамаджах выковала три священных
сокровища Каджи.

Первым был Плащ;

Святой металл под молотом стал гибкой нитью,

Что вшили в белый шелк тончайший с невидимости метками.

Она трудилась месяцы
По воле Эверама,
Пока Каджи в наряде оном не ускользнул от взоров алагай
Легко, перстам ее подобно, что, канисовым смазанные маслом,
Ласкали его кожу.

Вторым стало Копье;
Святым металлом, расплюснутым до тонкости веления,
и с метками, что вытравили в нем,
Обернуто древко из хора за семьдесят и семь витков.
И тот же лист она взяла для острия,
Осыпала его, сплавив с прахом хора
По семь раз семьдесят разов
В огне пучины Най.
Она трудилась год
По воле Эверама,
Покуда кромка с напылением алмазным
Не взрезала бы шкуру Най самой.

Корона, наконец.
Святой металл изменен с двух сторон,
Тая сонм сил, благословленный ею;
Соплавленный с венцом, что ею вырезан
Из черепа князя демонов.
Там девять острых княжеских рогов,
При каждом — самоцвет, чтоб мощь собрать.
Она трудилась десять лет
По воле Эверама;
И вот коснуться дум Каджи не смог и сам
Властитель демонов,
Не смел и подступить он, коль не желал шар'дама ка.

Получив эти сокровища, Каджи стал самым грозным из воинов,
И Най князья трусливо
Бежали с поля боя всякий раз, как он брался за Плащ.

Кева кивнула, когда Инэвера закончила, и указала на верстак, где стояли сосуды с металлической стружкой, приготовленной к плавке. Рядом собрались най'дама'тинг.

— Драгоценные металлы лучше проводят магию, чем простые. Серебро надежнее меди, золото вернее серебра. Но переход никогда не бывает совершенным. Всегда что-то теряется.

Она посмотрела на Инэверу:

— Что драгоценнее золота?

Инэвера замялась, но не взглянула на остальных в поисках подсказки. Мотнула головой:

— Приношу извинения, дама'тинг. Я не знаю.

Кева издала смешок.

— Ты и впрямь была бы ровней тезке, если бы знала. Дамаджах, да будет она благословенна, поведала много тайн в священных стихах. Но в мудрости своей утаила прочее, чтобы не украли соперницы. С тех пор прошли тысячелетия, и многое утрачено — метки невидимости, силы Копья и Короны, а с ними и святой металл. — Она взяла сосуд. — Поэтому начнем с меди...

Через несколько недель Инэвера стояла перед посеребренным стеклом и мягким карандашом рисовала себе метки вокруг глаз. Она тысячу раз чертила символы из Эведжах'тинг, в том числе перевернутые, зеркальные, чтобы полностью овладеть мастерством.

Девушки постарше, включая Мелан и Асави, продвинулись дальше карандаша. Они носили на лбах изящные венцы из меченых монет, но первый венец Инэверы остался недоделан, лежал в поясном мешочке и представлял собой гремучий набор недомеченных монет и золотой проволоки.

Она закончила рисовать, и Кева внимательно изучила ее труды, крепко взявшись за подбородок и резко меняя угол зрения. Она ничего не сказала, ограничилась слабым удовлетворенным выдохом, однако для Инэверы он значил больше, чем самая цветистая похвала. Найдись в ее работе малейший изъян, дама'тинг высмеяла бы перед всеми, заставила умыться и рисовать заново.

Инэвера содрогнулась, когда дама'тинг окунула палец в небольшую чашу с черной жидкостью, которая напоминала чернила, но по одной вони ясно, что это вытопленный демонов ихор.

Он оказался теплым, Кева легчайшим касанием мазнула ей лоб, но жжения, вопреки опасениям Инэверы, не возникло. Немного зашипало, как от статического разряда, и она ощутила магию, которая поползла по коже, притянулась к карандашным меткам и заплясала вдоль тонких штрихов.

А затем глаза ожили. Инэвера задохнулась от новых ощущений и утратила центр. Тусклый меточный свет в помещении смылся сиянием, оно хлынуло из каждого угла, потекло по полу и просочилось в стены, окутало аурой Кеву и девушек. Это свет Эверамы, поток энергии, которой они алкали каждое утро при упражнении в шарусаке; пламень в их центрах, наделяющий жизнью и силой все живое. Это бессмертная душа.

И она видела ее так же четко, как солнце.

— Хвала Эвераму во всей его славе! — Инэвера упала на колени, сотрясаясь в плаче под лучами радости и красоты.

— Положи руки на пол, — велела Кева. — Пусть слезы текут свободно, иначе они размоют карандаш и все исчезнет.

Инэвера немедленно уперлась ладонями в пол и ужаснулась при мысли, что может лишиться драгоценного дара. Слезы капали на каменный пол, рождали крохотные воронки в курившейся по ала магии. Она ожидала насмешек от Мелан и других девушек, но царило молчание. Несомненно, все они были так же потрясены, когда впервые узрели свет Эверамы.

Когда ее перестало трясти, Кева бросила на пол шелковый носовой платок, Инэвера аккуратно промокнула глаза и встала. Остальные безмолвно наблюдали.

Кева указала на каменный пьедестал, гладкая поверхность которого была изрезана

десятками меток. Кое-где они прикрывались отшлифованными камнями. Инэвера уже видела, как дама'тинг использует этот пьедестал для управления светом и температурой, но комплекс действий оказался слишком сложен для ее понимания.

Однако теперь, когда глаза омылись светом Эверама, она рассмотрела силу, что текла по сети. Узор, казавшийся загадкой секундой раньше, стал ясен, как детская игрушка-головоломка.

— Убавь свет, — приказала Кева. — Для этого урока он не понадобится.

Инэвера мигом повиновалась, передвинула одни полированные камни, а другие убрала в небольшой таз.

Меточный свет померк, но зрение Инэверы только обострилось, когда избавилось от ненужной яркости, и в свете Эверама все стало даже отчетливее.

— Меченое зрение сослужит тебе бесценную службу, пока будешь постигать наше ремесло, — проговорила Кева. — Оно запрещено только в глубоких кельях Палаты Теней, где вырезают кости.

Пролетели месяцы, Инэвера с головой погрузилась в учебу. Проснувшись, отрабатывала шарусак, потом помогала дама'тинг врачевать, а затем шла на уроки истории, рисования меток, приготовления ядов и снадобий, пения, танцев и соблазнения. Девушки по-прежнему ее избегали, особенно после того, как застали за вырезанием по деревянным костям, в котором она на годы опередила многих рожденных для белых одежд.

И каждый вечер ее избивала Мелан, прикрываясь упражнением в шарусаке. Прошло полгода, но Кева оставалась не вполне довольной успехами Инэверы, и Мелан по-прежнему отказывали в посещении Палаты Теней.

Каждую ночь Инэвера спала одна, обладая лишь Эведжах'тинг, который прижимала к груди, тогда как другие девушки шептались во тьме или делили постель и обменивались ласками. Даже во сне ей исправно являлись семь костей, что определили ее судьбу со дня Ханну Паш. Она бы рыдала, но не хотела доставлять удовольствие Мелан и Асави, которые всегда лежали вместе по соседству.

Инэвера стояла с гордым видом, пока Кеневах осматривала большие чаши. Там, в песке, Инэвера нарисовала самые сложные круги, какие ей приходилось чертить. Каждый состоял из сорока девяти меток, что связаны для содружественной работы. Между чашами стоял ее учебный ящик с единственной меткой в центре.

Метки отчетливо читались в мелком желтом песке, но мастерство Инэверы ни разу не подвергалось настоящему испытанию, и она не знала, удержат ли они силу.

Кева стояла рядом с матерью, рассматривала метки, но ни произносила ни слова. И незачем. О многом говорило уже то, что она сочла Инэверу достойной испытания на предмет хора, хотя ее обучение длилось меньше двух лет.

Наконец Кеневах кивнула:

— Задерни шторы.

Инэвера подчинилась, и дамаджи'тинг извлекла из бархатного мешочка с хора большую кость демона. Сколько же крови шарумов пролилось ради этой кости?

Она сложила руки лодочкой, и Кеневах опустила туда бесценный фрагмент алагай хора. Инэвера впервые в жизни прикоснулась к кости демона, и хотя Эведжах'тинг предупредил, чего следует ждать, ощущение все равно оказалось чуждым. Ладони закололо от силы,

которая привлекла к себе кровь, как магнетит притягивает железо.

Она осторожно и благоговейно положила кость на метку между чашами, и метки засветились. Сначала слабо, а потом все ярче по мере того, как извлекали силу из кости. Песок потемнел, но они разожглись золотым светом. Круги начали вращаться. Сперва еле дрогнули, и Инэвера решила, что ей померещилось, но скорость выросла, возник водоворот, как в кастрюле, если сильно помешать ложкой. Круги перетекали один в другой, превращались в восьмерку.

Кость демона скрылась в этой воронке, последовала яркая вспышка, и чаши почернели. Во мраке перед Инэверой заплясали краски, дезориентируя и кружа голову.

— Готово, — известила Кеневах. — Раздвинь шторы.

Инэвера пошла через темное помещение, она спотыкалась и больше полагалась на память, чем на зрение. Нащупала толстые складки, раздернула шторы и наполнила комнату светом.

Затем вернулась к Кеневах и Кеве и ахнула при виде чаш, купающихся в лучах солнца. Песок исчез, бесследно пропала и кость демона, что лежала между ними. Левая чаша наполнилась прозрачной водой. Правая — кускусом, от которого поднимался пар, впору подать на стол.

Готовясь к испытанию, Инэвера постилась шесть дней, утром и вечером обходилась глотком воды из чашечки для кузи. У нее пересохло в горле, а в пустом желудке поселилась тупая боль. От аромата кускуса в нем заурчало.

Кеневах вскинула брови:

— Твой пост скоро кончится. — Она протянула Инэвере две палочки из слоновой кости с отделанными золотом и камнями ручками. — Если метки точны, желудок насытится с первой палочки... — Она вынула золотой потир, инкрустированный алмазами, и погрузила его в воду. — А вода покажется чистейшим, сладчайшим питьем из всего, что ты пробовала, и утолит жажду, едва смочит горло.

Кеневах мрачно посмотрела на Инэверу:

— Если же нет... ты умрешь, как только дотронешься языком до того или другого.

По спине Инэверы пробежали мурашки. Дрожащей рукой она приняла потир.

— Это обязательно?

Кеневах покачала головой.

— Можешь отказаться, но пройдут годы, прежде чем я снова потрачу на тебя хора — если сочту нужным.

Инэвера нашла свой центр, и дрожь в ее пальцах унялась достаточно, чтобы держать палочки. Она плавно поднесла кускус ко рту.

Начала жевать и округлила глаза. Всепоглощающий голод, от которого ее шатало, исчез. Новая сила заструилась по телу, она подняла кубок и отпила.

Кеневах улыбнулась, и глаза ее вспыхнули, как только Инэвера осушила чашку. Та и вправду никогда не пила такой сладкой и бодрящей воды. Казалось, она приложилась к реке самого Эверамы.

Дамаджи'тинг забрала у Инэверы палочки с потиром и передала их Мелан. Ноздри девушки раздулись, и Инэвера позволила себе легкую усмешку. Она не умерла, и Мелан теперь не помешает ей получить доступ в Палату Теней.

— Прошу вас, сестры, — произнесла она ритуальное приглашение, — ешьте и пейте от моих щедрот, ибо все мы дети Дамаджах.

Мелан взяла из чаши немного кускуса и поспешила смыть пищу плотком воды.

— Дети Дамаджах.

Кева наполнила чашку для Кеневах, престарелая дамаджи'тинг ловко орудовала палочками, за раз набрала полный рот и не уронила ни зернышка. Она сосредоточенно прожевала, затем отпила воды и чуть погоняла во рту. Наконец проглотила ее, затем осушила чашку.

— Дети Дамаджах.

Дамаджи'тинг отложила все, что держала, в сторону и повернулась к Инэвера.

— Назови лучшие проводники магии.

Инэвера помедлила, чувствуя подвох. Дамаджи'тинг могла с тем же успехом спросить, сколько будет дважды два. Глупый вопрос.

— Золото, дамаджи'тинг, — произнесла она, — а после него — серебро, бронза, медь, олово, камень и сталь. Железо не проводит магию. Существует девять драгоценных камней, которые собирают силу, начиная с алмаза, и он...

Кеневах остановила ее жестом:

— Сколько существует пророческих меток?

Снова простой вопрос.

— Одна, дамаджи'тинг. Ибо существует только один Создатель.

Эту метку наносили в центре одной грани на каждой из семи костей, и она направляла бросок.

— Нарисуй ее, — приказала Кеневах, сделала знак Мелан, и та подала кисточку, чернила и пергамент.

Последние месяцы Инэвера рисовала на песке, и кисточка показалась чужеродным предметом, но она безропотно и осторожно смочила ее, стерла излишек чернил о край чаши и принялась чертить на дорогом пергаменте.

Когда закончила, Кеневах кивнула:

— А сколько символов предсказания?

— Триста тридцать семь, дамаджи'тинг, — ответила Инэвера.

Символы предсказания не были метками, скорее словами, которые обозначали повороты судьбы — по одному в центре каждой оставшейся грани и вдоль каждой стороны семи многогранных костей, по которым читали будущее дама'тинг. Инэвера машинально взялась за свой мешочек для хора, где хранились глиняные кости со стершимися за годы усердной учебы ребрами.

У каждой кости было свое число сторон: четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать, шестнадцать и двадцать. Каждый символ таил в себе множество смыслов, они зависели от расположения окружающих начертаний и контекста. Эти значения подробно разъяснялись в Эведжах'тинг, но чтение костей больше искусство, чем наука, и постоянно порождало споры среди дама'тинг. Инэвера часто видела, как они пререкались, толкуя расклад. В исключительных случаях для окончательного решения призывали Кеневах. Мнение дамаджи'тинг не смел оспорить никто, но проигравшие не всегда выглядели убежденными.

[Купить полную версию книги](#)